

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. И. ДЖАВАХИШВИЛИ
КАВКАЗСКИЙ ИНСТИТУТ МИРА,
ДЕМОКРАТИИ И РАЗВИТИЯ

**КРИЗИС ЭТНОКУЛЬТУРЫ И
БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА**

(ПАНКИССКОЕ УЩЕЛЬЕ)

CRISIS OF ETHNOCULTURE
AND SAFETY OF SOCIETY

(THE PANKISI GORGE)

ISBN 99928-0-703-2

ТБИЛИСИ TBILISI
2003

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. И. ДЖАВАХИШВИЛИ
КАВКАЗСКИЙ ИНСТИТУТ МИРА,
ДЕМОКРАТИИ И РАЗВИТИЯ

**КРИЗИС ЭТНОКУЛЬТУРЫ И
БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА**

(ПАНКИССКОЕ УЩЕЛЬЕ)

CRISIS OF ETHNOCULTURE
AND SAFETY OF SOCIETY

(THE PANKISI GORGE)

ТБИЛИСИ TBILISI
2003

უბი (UDC) 327.56 (479.22)

К 163

**Publication of this book was made possible thanks to
The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation
Chicago, USA.**

**Издание книги финансировано
Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров
Чикаго, США**

**Книга выполнена по проекту Л. Меликишвили:
“Стратегия безопасности в полиэтническом обществе
на фоне нестабильного Кавказа”**

ответственный редактор

и издатель:

Л. Меликишвили
доктор исторических наук

редактор:

М. Тушишвили

рецензенты:

Т. Цагареишвили
проф., доктор историч. наук
Г. Нодия
доктор философских наук

художник:

Г. Амиранашвили

компьютерное обеспечение:

Дж. Амиранашвили

К $\frac{104}{2003}$

© Л. Меликишвили L. Melikishvili

ISBN 99928-0-703-2

В В Е Д Е Н И Е

Предшествующие распаду СССР политические процессы вызвали среди всех народов и этнических групп, ранее считающимися «советским народом», и казавшимся таким консолидированным, спаянным, небывалый подъем и непреодолимое стремление к самоопределению, вновь созданных независимых государствах процесс формирования гражданского общества оказался весьма болезненным. Со всей остротой встали вопросы идентичности и различия культур, меньшинства и большинства, глобализации, локализации, мультикультуризма и т.д. Стали проблемными взаимоотношения между народами; появилась необходимость правомерного осуществления национальной политики и интеграции. Кардинальные изменения в системе государственного строя, а также сложные, полные противоречий социально-политические процессы переходного периода в полной мере коснулись и Грузию. Они своеобразно отразились на полиэтнических обществах приграничной полосы.

По своему геополитическому положению в прошлом Грузия всегда была объектом столкновения интересов как ближних, так и отдаленных государств. Подобная ситуация сложилась и в посткоммунистический период, когда Грузия оказалась в сфере стратегических интересов США и РФ.

Транскавказский нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Шахдениз–Тбилиси–Эрзерум, нефтепровод Баку–Тбилиси–Супса с терминалами на Черном море, а в перспективе прокладка из Средней Азии (Казахстан, Туркменистан) мощных газо и нефтепроводов, создание транспортного коридора между Европой и Азией (т.н.

«Шелковый путь»), проводка глобального коммуникационного волоконного кабеля, что соединит Европу и Америку с Азией кратчайшим и альтернативным путем, поможет Грузии занять незаменимое место на экономической и политической карте мира. В частых случаях столкновению интересов сверхдержав сопутствует появление локальных этнополитических конфликтов, которые нередко управляются одной из заинтересованных сторон. Практика последнего десятилетия подтверждает, что значительные стратегические интересы становятся причиной микрорегиональных столкновений. Благоприятную среду для инспирирования таких противостояний представляют собой приграничные полиэтнические регионы.

Приграничная полоса Грузии характеризуется компактным проживанием недоминантных этнических групп. Вместе с тем, эти этносы находятся в родстве с коренным населением сопредельных государств. В подобной ситуации легко появляются сепаратистские и ирредентные устремления, что способствует провоцированию территориальных или политических конфликтов.

Наши научные изыскания, длившиеся несколько лет, доказали, что таким взрывоопасным регионом, наряду с другими, является и Панкисское ущелье. Это заключение подкреплялось также и происходящими здесь политическими процессами. Россия обвиняла Грузию в оказании помощи и поддержке чеченским сепаратистам и террористам. Все указывало на то, что создавшаяся на Кавказе ситуация, носившая микрорегиональный характер, увязывалась со стратегическими интересами сверхдержав на Ближнем Востоке. Вместе с тем, создавалась опасность

провоцирования микрорегионального конфликта. Чувствовалось, что ареной провокации станет Панкисское ущелье.

Предвидение автором проекта о неизбежности происходящих в Панкиси исторических процессах, обусловило необходимость этнологического изучения региона, что и было осуществлено с группой ученых, которая ранее успешно изучила аналогичные процессы в полиэтничном обществе приграничной полосы в Джавахети, где были выявлены подобные конфликтные ситуации.

Целью авторов этой книги было изучение Панкисского ущелья, т.к. изучение данного ареала изнутри, т.е. самого региона и происходящих в нем процессов дала бы возможность научно проанализировать не только микрорегиональные явления, но и стратегические основы будущей безопасности всего Ближнего Востока.

В последнее время, когда война в Чечне возобновилась, Грузия оказалась перед роковым вопросом: удастся ли России втянуть её в военные действия? Этот вопрос рассматривался на всех уровнях, что, бесспорно, имело своё основание. Дискуссия была вызвана провокационными действиями вооруженных сил России.

Что ожидает Панкиси; кто такие кистинцы и какие процессы происходят в этом обществе?

Вот вопросы, ответы на которые вы найдете в нашем труде.

А у всего этого было свое начало.

* * *

После возобновления чеченской войны, чеченская сторона предъявила Грузии свои претензии. В частности, местные чеченцы - кистинцы выражали недовольство, что Грузия не помогает и не поддерживает Чечню.

Претензии кистинцев были безосновательны. К тому же следовало учесть, что грузины не забыли поведение чеченских «боевиков» в Абхазии. Страсти накалились особенно среди беженцев из Абхазии. Во время Абхазской войны на их глазах чеченские «боевики» варварски расправлялись с грузинами; с неслыханной жестокостью пытали, а потом расстреливали мирное население. В последствии один из предводителей чеченских «боевиков» Шамиль Басаев был награжден абхазскими сепаратистами и ему присвоили звание «героя Абхазии». Не секрет, что после войны в Абхазии, в домах принадлежавших грузинам, живут чеченцы «в награду за освобождение Абхазии».

Сегодня трудно отличить правду от мифа, но для нас, этнологов, ясно одно: в Абхазии действия чеченцев негативно отразились на менталитете грузин, особенно беженцев. И, конечно же, в то время чувствовалась недоброжелательное отношения к чеченцам. К этому следует добавить и то, что за последние годы участились случаи похищения людей с целью выкупа. Это не ново – у этого явления есть свои глубокие корни. История Грузии помнит нашествия с Северного Кавказа, в том числе и с Чечни, что известно под общим, собирательным названием «*лекианоба*». Этот термин обозначал «набег», «нашествие» на территорию Грузии различных северокавказских племен, что сопровождалось разрушением и опустошением посе-

лений, угоном скота, захватом жителей с целью получения выкупа или превращения в рабов. В наше время факты похищения людей в сознании грузин воскресило «лекианофобию».

Возобновление войны в Чечне создало новые проблемы и обострило ситуацию в Панкисском ущелье. Мирное население сопредельных к Грузии горных селений Чечни после планомерных бомбежек русской авиацией и обстрелом артиллерией, цель которых стало ясным только в последствии, устремилось в Грузию. Тысячи беженцев, в основном женщины, дети и старики, в условиях непрекращающихся бомбежек, перешли границу Грузии.

Панкисское ущелье привлекло к себе особое внимание всего общества. Эту тему освещали все каналы телевидения и страницы всех газет. По причине своего географического положения и этнической принадлежности части населения, этот регион стал объектом политических дебатов, разжигания страстей и провокаций.

На первый взгляд казалось, что здесь ничего особенного не происходит: невыплаченные пенсии и зарплаты, безработное население, пытающееся прокормить себя обработкой приусадебных участков и мелкой коммерческой деятельностью, участвовавшие случаи правонарушений были проблемой для всех уголков Грузии. Разница была только в том, что, в связи с миграцией многочисленных чеченских беженцев, здесь широко развернули свою деятельность различные зарубежные благотворительные организации, выполняющие определенную миссию.

Именно в таких условиях была организована этнографическая экспедиция, поставившая перед собой цель, удостовериться в справедливости теоретических

предпосылок на конкретном эмпирическом материале, иначе говоря, нас интересовало положение одного полиэтнического и поликонфессионального микрообщества, находящегося в приграничной полосе; также следовало установить, как происходит становление нового общества в нынешних условиях. Надо было проследить картину дезадаптации прошлого, каким изменениям подверглись обычаи и традиции, зафиксированные членами экспедиции 30 лет назад; каковы перспективы экономического развития ущелья. Особенно интересовало нас все, касающееся нынешнего состояния быта и культуры, т.к. известно, что общество–единство представляет собой организованную группировку тех людей, которые осуществляют социальную жизнь в одной среде, то есть придерживаются устойчивой системы социальных взаимоотношений. Эта система опирается на обычаи, традиции, законы, социальные интересы, материальные и духовные ценности и т.д. Изучение происходящих в таком обществе процессов, их научный анализ, разумеется, должно способствовать формированию нового открытого общества и его интеграции в масштабе всей Грузии.

Панкисское ущелье входит в состав Ахметского района. Расположенные в ущелье населенные пункты, вместе со своими основными и подсобными земельными участками, покосами и лугами, надежно защищенными природными границами, создают одно целое, социальное единство. В рамках этой системы формировались этнические сообщества с различными традициями и культурой. Именно такую группу представляют собой кистинцы Панкисского ущелья, которые родственны чеченцам и другим вайнахским племенам, но отличаются от последних своей самобытной

традиционной культурой. На протяжении столетий кистинцы проживали в Панкисском ущелье бок о бок с грузинами и осетинами. За все это время кистинцы и осетины сохранили родной язык и традиционную культуру, но вместе с тем максимально приобщились к грузинской культуре и, что главное, языку, которым владеют в совершенстве. Именно грузинский язык является языком общения между всеми тремя этническими группами.

Примечательно и то, что несовместимости, вызванной различием культур, противопоставилась традиция, сформированная в результате социальной адаптации – общекавказский обычай побратимства. Редко встретите кистинца, у которого не имеет побратима–грузина. Институт побратимства, состоящий из целой системы прав и обязанностей, способствует взаимоотношениям, сближению и безопасности представителей различных этнических групп. И грузины, и кистинцы сетуют, что сегодня между ними появилось отчуждение; что больше нет былых интенсивных связей.

Сегодня кистинцы все большее внимание уделяют религии: к вере обратились все. Этот процесс характерен для всего постсоветского пространства. Традиционная для кистинцев синкретичная (исламская – христианская – языческая) вера теряет свою силу, уступая место ортодоксальному исламу. Старой традиционной вере придерживается старшее поколение: наряду с молениями в мечети, посещают местные святилища. Молодежь же требует более строгого соблюдения догм ислама, что становится причиной разлада между поколениями. Ваххабизм – одно из религиозно–политических ответвлений ислама, которое борется за святость и первичные истины, – уже проникло в

ущелье. Народ встретил Ваххабизм далеко не с распростертыми объятиями. Различный взгляд на вероисповедание создает между ними определенную дистанцию. Процесс реисламизации в среде кистинской молодежи обуславливает отрицание грузинских ценностей и переориентацию на мусульманский мир.

Целью нашего исследования было выявление аспектов социальной безопасности компактно проживающего полиэтнического общества в условиях кардинальных перемен в период дезадаптации. Следовало установить локальные (эндогенные) институты, обеспечивающие безопасность индивида, группы, общества в целом. Подразумевается изучение механизмов физической, экономической, демографической, этнической, конфессиональной и т.д. безопасности этнокультурных, а также бытовых, социальных и политических систем, т.е. выявление традиционных и нетрадиционных элементов самозащиты в современном сложном, переходном периоде.

Конкретное и обширное этнопсихологическое исследование, проводимое с учетом исторических реалий, дало истинную картину политического, социального, экономического и др. положения в этой приграничной зоне. Научный анализ данного материала поможет разработать правильную национальную политику Грузии; будет способствовать формированию интеграции, созданию рационального, свободного, открытого общества.

В период «панкисского кризиса» между этногруппами образовалась не только культурная, но и социальная и экономическая дистанция, что способствовало отчуждению между ними. Сработал социально-психологический механизм, заложенный в любой закрытой общности и

выразившийся в противостоянии «позитивного» «мы» и «негативного» «они». Этнокультурные различия переросли в различия политических ориентаций и постепенно сформировался взаимный «образ врага», направленный друг на друга. К экономическим и социальным трудностям добавилось и этническое противостояние, усилилось чувство группового самосознания и самобытности, переросшее в политическую напряженность.

Закрытие ущелья, предпринятое якобы для стабилизации ситуации, вызвало обострение криминогенной обстановки. Создается впечатление, что эти сегодняшние последствия, или отлично запланированы, или ситуация прекрасно использована. Факт остается фактом. Панкиси стало предметом всемирного обсуждения и заняла свое место в системе безопасности мира. Если следовать логике и вспомнить положение предшествующих лет, то вырисовывается следующая картина: еще в советское время Панкиси было местом малого потребления и реализации наркотиков. Для пресечения ввоза наркотиков приблизительно 15 лет назад была установлена особая застава, что позволило, так или иначе, урегулировать эту проблему. С течением времени, после того как ситуация в государстве осложнилась, застава оказалась в сфере интересов силовых структур и для отдельных недобросовестных лиц стала источником дохода. Это повлекло за собой закрытие ущелья, что придало торговле наркотиками новый импульс. Изоляция ущелья способствовала полному беспределу: торговле оружием, превращению ущелья местом сбора криминалов и т.д. С течением времени Панкиси превратился в один из объектов на мировой трассе торговли наркотиками. Это не должно вызывать удивления, ибо Грузия и так уже была

втянута в мировой наркобизнес, включая Абхазию и бывшую Южную Осетию по причине отсутствия контроля в этих конфликтных зонах.

Этой ситуацией хорошо воспользовалась Россия, для которой Грузия стала пространством политического и военного насилия и объявила нашу страну очагом терроризма. Под этим предлогом она старалась вовлечь Грузию в Чеченскую войну. Таким образом, проблема Панкиси включилась в систему мировой безопасности. «Панкисский кризис» является одним из решающих проблем для Грузии. Кто разрядит эту обстановку - Америка или Россия – тот и будет решать будущее Грузии.

Факт остается фактом - панкисский политический кризис вызвал маргинализацию местного общества. Создавшуюся же ситуацию заинтересованная сторона легко может использовать для провокационных действий.

Нашей задачей было установить, насколько подготовлено общество для подобной провокации.

Именно с этой целью был разработан проект: **«Стратегия безопасности полиэтнического общества на фоне нестабильного Кавказа»** (автор проекта и руководитель экспедиции **Лиана Меликишвили**). Проект был финансирован фондом **Джон Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (Чикаго, США)**.

В Панкисском ущелье были организованы две экспедиции (2000-2001гг.).

Методологической основой исследования был взят подход к этносу, как к субъективному, культурному и психологическому феномену, т.к. этничность представляет собой продукт определенных процессов, происходящих в сфере общественного сознания, что обуславливается конкретной обстановкой, опосредствованной культурными, политическими и экономическими факторами.

Экспедиционная работа выполнена методом непосредственного наблюдения и интервьюирования. Также были составлены и проведены «фокус-группы» и «группы свободных встреч и дискуссий» между местным населением и беженцами из Чечни.

Для изучения интергрупповых взаимоотношений и интересов населения региона были использованы методы психотерапевтической модели: «трехступенчатая модель конфликтного партнерства» (Д. Юкс) и «недирективная терапевтическая модель» (Л. Роджерс). Проведение таких встреч и дискуссий, где открыто высказывают о своих и обобщенных проблемах, непосредственное и личное соприкосновение обеих сторон разряжает атмосферу недоверия и нейтрализует чувство агрессии. Эксклюзивные беседы, углубленные интервью, индивидуальные и групповые встречи дали возможность собрать материал, который после соответствующего изучения способствовал определению динамики основных тенденций беженцев. Все это послужило делу вторичной аттестации базовых представлений и ценностей; определению характера смены самооценки.

Отдельной задачей стояли оказание психотерапевтической помощи. Исходя из реальных полевых условий,

психологи применили различную технику групповой и индивидуальной терапии: технику сюжетных игр, беседу, когнитивно-биоэвиоральную терапию, игротерапию и т.д.

Для анализа материала, помимо метода сравнения, был использован когнитивный метод, т.е. повествовательные истории, что способствует выявлению роли стереотипов социальных перцепций как у представителей национальных меньшинств, так и у беженцев.

Настоящая монография, в соответствии своих научных интересов, выполнена коллективом авторов:

Лиан Меликишвили, доктор исторических наук, автор проекта и руководитель экспедиции – Кризис культуры – кризис общества.

Лейла Маргошвили, доктор исторических наук– Панкисское ущелье, (Историко-этнографическое исследование). (Работа Л. Маргошвили издана отдельной книгой, 228 стр., об. 15 авт. листов, с иллюстрациями и картами, Тбилиси, 2002 г. на груз. яз. ISBN 99928-0-340-1).

Нанули Джавахадзе, кандидат исторических наук, - Роль родства в системе воспроизводства популяции.

Гулдам Чиковани, кандидат исторических наук- «Структурные изменения поселения в конфликтных ситуациях и традиционные механизмы их урегулирования».

Саломе Бахиа-Окруашвили, кандидат исторических наук - Стратегия экономики и проблема безопасности.

Кетеван Хуцишвили, кандидат исторических наук - Кавказ с точки зрения геополитики (субъекты, интересы).

Натия Джалабадзе, кандидат исторических наук - Традиционные нормы взаимоотношений в приграничном регионе.

Маквала Харшиладзе, кандидат психологических наук - Социально-психологическая специфика панкисского общества.

Лиан Хуцишвили, научный сотрудник - Проблемы религиозной реориентации в полиэтничном обществе.

Вера Шубитидзе, научный сотрудник - Безопасность и способы адаптации этнической культуры в новой социально-культурной среде.

Натела Цинцадзе, научный сотрудник - Отражение в новой среде традиционных норм социализации.

Инга Курцхалия, научный сотрудник - Психологические аспекты социально-политического положения.

Тамара Кекелидзе, научный сотрудник – Панкисская проблема и массмедия.

* * *

Наша книга была уже готова к изданию, когда «панкисский кризис» достиг своей кульминации.

Рычаги разрядки этого кризиса оказались в руках США.

Соединенные штаты Америки активно начали проводить курс оказания помощи грузинским властям, как в защите территориальной целостности и суверенитета, так и в осуществлении наиглавнейших, жизненно важных приоритетов, в том числе и в военной сфере. В феврале 2002 года министерству обороны Грузии американской стороной было передано 10 вертолетов (марки «Ирокез»). Подготовкой кадров по эксплуатации и ремонту этих вертолетов руководят американские специалисты. Помощь США Грузии предусматривает подготовку 1200 солдат и офицеров, а также их снаряжение по Натовским стандартам – стрелковым оружием, транспортом и средствами коммуникации, на что выделили 64 миллиона долларов. Подготовка грузинских военнослужащих состоит из нескольких этапов, из коих первый предусматривает изучение американцами технических вопросов и ситуации в регионе. Второй этап – штатно-командные учения, а третий – обучение воинских частей. Помимо этого, в преслице, распространенном американским посольством, отмечалось, что, кроме штатных учений, предусматривается и стодневное тактическое обучение. Согласно разъяснению руководителя американской контактной группы, грузинская сторона получит все, что ей потребуется. А это значит, что первые шаги в деле перевооружения грузинской армии в соответствии со стандартами НАТО уже сделаны, т.е.

американцы обучат представителей грузинских силовых структур методам и технике борьбы с терроризмом. 30 апреля 2002 года, с первого же дня приезда в Грузию американских инструкторов в составе 20-ти человек, началась реальная подготовка к контртеррористической операции. Министр обороны США Д. Рамфсфельд назвал приезд американских инструкторов в Грузию и начало подготовки грузинского отряда, предназначенного для борьбы с терроризмом, выдающимся событием не только для южного Кавказа, но и для всего мира.

25 августа 2002 года, по решению властей Грузии, при изъявлении воли и поддержке местного населения, в ущелье Панкиси началась антикриминальная и антитеррористическая операция. Согласно заявлению президента республики, подготовка к проведению этой операции началась еще в январе 2002 года. Операция была проведена несколькими этапами. Согласно официальному заявлению министра внутренних дел Грузии от 6 сентября, предпринятая властями операция успешно завершена: задержан 41 подозреваемый (17 из них обвиняются в похищениях людей), изъято более 100 единиц огнестрельного оружия, ваххабитская литература и др. Согласно разъяснению министров силовых структур, в результате спецоперации проведенной в Панкиси, ущелье очищено от больших групп вооруженных чеченских боевиков. Почти весь мир следил за ходом этой операции. Согласно заявлению первых лиц США, президент Э. Шеварднадзе искренне борется против терроризма, в частности, в Панкиси. Применение же Россией военной силы не является выходом из положения и проблема между двумя странами должна решаться диалогом, политическим путем. Евросоюз также является

сторонником регулирования напряженных взаимоотношений между Россией и Грузией только путем политического диалога, о чем свидетельствует резолюция этой организации, принятая в Страсбурге совсем недавно. И это происходит тогда, когда президент России в своем известном заявлении от 11 сентября обвинил Грузию и ее президента в оказании поддержки террористам, угрожая применением 51-ой статьи Устава ООН. С подобными обвинениями и угрозами выступает и министр обороны России, который, наряду с оскорбительными заявлениями в адрес Грузии, называет операцию в Панкиси хорошо поставленным спектаклем, эффект которого равен нулю. Не отстают от министров депутаты Думы, также как и представители политической элиты, представители общественности. Более того, согласно информации прессы, существует секретно разработанный генштабом России план проведения спецопераций против Грузии, а спецслужбы вынашивают замысел по расчленению Грузии на несколько частей. Недавно происходящие на территории Ингушети бои между воинскими частями России и чеченскими боевиками стали поводом для новых обвинений в адрес Грузии. 7–8 октября на кишиневском саммите СНГ между президентами России и Грузии была достигнута договоренность, после выполнения которой обе стороны надеются, что напряженность между ними будет разряжена. Согласно этому соглашению, на чеченском участке русско-грузинской границы надо организовать совместное патрулирование, а также подвергнуть экстрадиции задержанных в Грузии чеченских боевиков. Стороны договорились активизировать контакты между своими спецслужбами по вопросам о

терроризме после назначения координаторов. В то время, когда происходил диалог между двумя президентами, военные вертолеты России, в который уже раз, нарушали воздушное пространство Грузии.

Все это уже является государственным делом политиков, но читателям следует напомнить, что наш труд касается процессов, происходящих в обществе этого региона, судьба которой с одной стороны, в большой степени зависит от нынешней политической ситуации, а с другой стороны, общество продолжает развиваться и именно поэтому дальнейшее изучение этих процессов весьма значимо для выявления стратегии развития не только этого общества, но и всей Грузии.

Лиа Меликишвили

Этнолог, доктор исторических наук

Стратегия безопасности и геополитика

Безопасность, как политическая категория, сформировалась в XVII веке в Западной Европе, а затем была взята на вооружение во всем цивилизованном мире. Сегодня она занимает устойчивое положение рядом с такими понятиями, как свобода, демократия, права человека и постепенно приобретает все большее значение: проблема обеспечения безопасности играет ведущую роль в процессе развития любого государства, определяет внутреннюю и внешнюю политику, стратегию управления. С течением времени меняется и расширяется и смысловая нагрузка безопасности на уровнях политического и обыденного сознания и в разной этнокультурной среде. В последнем случае, определяющим является – на какой ступени исторического развития находится та или иная культура, каким ценностям отдают предпочтение представители этой культуры, какие этноспецифические стереотипы доминируют в ней. Но все же нашлись универсальные, общечеловеческие ценности и вечные интересы, на основе которых была создана осмысленная, четко сформулированная и стройная система безопасности, приемлемая для любого государства с учетом национальных интересов и стремлений.

Точным лексическим эквивалентом безопасности, как политической категории, общепринято английское «security», которое переводится как ощущение, состояние (статус) безопасности; гарантия, обеспечение безопасности; одно из его значений подразумевает также предвидение и предотвращение возможной опасности, нестабильности, риска и угрозы.

Спектр безопасности безграничен: начиная с личной, индивидуальной безопасности человека на витальном уровне и кончая глобальной безопасностью во вселенском масштабе. Между этими крайними точками располагается множество аспектов или видов безопасности: экономическая, демографическая, этнокультурная, конфессиональная, экологическая, криминологическая, социальная, военная, достоинства и т.д. Исходя из того, кто является субъектом или объектом безопасности – отдельная личность, общество, государство или объединение государств, – определяется тот или иной уровень безопасности. Одним из составляющих функциональных элементов безопасности, как политической категории, является угроза безопасности.

Многообразие аспектов или видов безопасности нередко приводит к их противостоянию. Также может привести к противоречию столкновение интересов безопасности различных уровней (напр., индивида и общества или государства), вследствие чего нарушается баланс и возникает угроза безопасности. Источником угрозы безопасности государства, а затем – латентного или явного конфликта может стать желание самоопределения, самоидентификации входящих в состав государства этнических групп, что в нередких случаях путем сознательного подстрекательства извне перерастает в сепаратизм или ирредентизм и создает угрозу суверенитету государства. То же самое можно сказать в связи с конфессиональными группами внутри государства или навязанными извне религиозными направлениями. В этом случае права человека на свободу вероисповедания или конфессиональная безопасность входит в противоречие с интересами государства, возникает противостояние с последователями

традиционной религии, доминирующей в стране, что может стать причиной дестабилизации. Это особенно опасно для государства, находящегося в процессе созидания, где еще не утвердились правовые основы. Источником угрозы безопасности также может стать массовая, нелегальная, неконтролируемая миграция. Когда коэффициент миграционной нагрузки становится очень высоким или достигает критического предела, создается угроза экономическим, социальным, этнодемографическим аспектам безопасности принимающей страны. Поэтому, даже в странах с самым либеральным режимом, в последнее время, когда миграционное движение приняло такой массовый характер по всему миру, была пересмотрена иммиграционная политика: была введена селекционная миграция, регулирование миграционного потока, квотирование количества мигрантов; ужесточился вопрос депортации нелегальных мигрантов. На первый взгляд, эти меры как бы противоречат таким достижениям общественной гуманитарной сферы, как предоставление убежища, защита прав человека, но с другой стороны, они вызваны необходимостью: здесь приоритет предоставляется обеспечению безопасности государства.

Представление о безопасности как политической категории прошло длинный путь исторического развития. Этапы этого пути четко отражают социальное, культурное, экономическое положение общества, уровень его благосостояния, приоритеты, которым отдают предпочтение в данный конкретно-исторический момент люди, составляющие это общество. На сегодняшний день разработано несколько вариантов концептуального осмысления безопасности. Их признают практически все политологи,

ученые – теоретики и государственные деятели мира. Самыми значительными из этих вариантов являются концепция национальной безопасности (national security) и концепция общей безопасности (common security).

Концепция национальной безопасности имеет самую длинную историю существования. Она существует столько же времени, сколько существует государство¹. Эта концепция признана и принята на вооружение почти всеми странами мира и лежит в основе управления государством как основной принцип. Традиционно, исходя из концепции национальной безопасности, на государство возлагается монополярная функция обеспечения безопасности. Ей подчинены все механизмы государственной власти и институциональная система обеспечения безопасности. Государство как субъект безопасности выступает единственным защитником и гарантом личной свободы, политических, социальных и экономических прав своих граждан и социальных групп. Оно обязано постоянно удовлетворять основные жизненные потребности людей – в пище, жилье, образовании, здравоохранении, в адекватном возмещении труда, так как социальная стабильность является непрерывным условием безопасности страны. Государство обязано заранее предусмотреть и предотвращать этнические или конфессиональные противоречия, возникающие в стране, которые могут оказаться источником угрозы безопасности, а затем – перерасти в вооруженный конфликт. И, наконец, главной целью государства является сохранение суверенитета, независимости, территориальной целостности, равноправия по отношению к другим государствам. Именно

¹ Миграция и безопасность в России, под ред. Г. Витковской и С. Панарина, Москва, 2000, стр. 46.

здесь проявляется главная черта национальной безопасности – иерархичность аспектов безопасности. При любой угрозе безопасности приоритетной является защита тех аспектов безопасности, которые непосредственно связаны с национальными интересами страны.

Второй концептуальный вариант – концепция общей безопасности – отрицает безусловный приоритет и особое положение государства в вопросе безопасности². Здесь на передний план выступает безопасность человека как личности, а не только гражданина, подданного того или иного государства. Также отрицается монополия государства в вопросе об ответственности за внутреннюю и внешнюю безопасность. Сторонники этой концепции равными правами наделяют органы местного самоуправления, неправительственные организации, общественное мнение. Основу концепции общей безопасности создает представление о минимальной достаточной безопасности, что должно быть универсальным для всех народов мира. Это – безопасность физическая, экономическая, этнокультурная, социальная и, наконец, самая существенная для общей безопасности – безопасность достоинства, которая подчеркивает высокое гуманистическое содержание этого варианта, так как если человек вынужден сохранить жизнь ценой ущемления или потери достоинства, то этим будет попорана его личность, и потеряют смысл все демократические права, завоеванные обществом. Несомненно, что обеспечить общую безопасность в состоянии лишь сильное государство, со сложившейся институциональной системой управления и правовым аппаратом. Поэтому и здесь большое значение

² Миграция и безопасность в России, под ред. Г. Витковской и С. Панарина, Москва, 2000, стр. 31.

придается обороноспособности страны и соблюдению социального порядка внутри государства. Национальная безопасность является одним из важнейших, но не приоритетных аспектов общей безопасности.

Суть третьего концептуального варианта безопасности – социетальной безопасности (societal security) вкратце можно изложить так: приоритетная защита благ, достигнутых уникальной социо-культурной средой, от опасных внешних воздействий³. Здесь, естественно, подразумевается противостояние интересов высокоразвитых государств со странами третьего мира, которые воспринимаются как источники экологической, криминальной, демографической, экономической угроз. Концепция социетальной безопасности еще не приняла окончательного вида, она находится в процессе формирования, но сам факт попытки ее создания указывает на то, что уже появилась потребность в такого рода безопасности, т.е. комфортная социальная среда «благополучного общества» почувствовала необходимость в защите своих ценностей от угрозы, исходящей от социума, стоящего на более низкой ступени развития. Более того, в последнем десятилетии двадцатого века в кругах ведущих политологов и конфликтологов мира участились дискуссии на тему глобального конфликта. Дискуссии были вызваны прогнозом С. Хантингтона⁴ о столкновении цивилизаций. Источником угрозы в этом случае представляется различие в культурных кодах цивилизаций. Но следует учитывать то обстоятельство, что человечество на протяжении своего существования сумело

³ Миграция и безопасность в России, под ред. Г. Витковской и С. Панарина, Москва, 2000, стр. 41.

⁴ Хантингтон С. П., Столкновение цивилизаций, Полис, М., 1994.

выработать богатейший опыт совместного этнокультурного проживания, который основывается на заложенной в каждой этнической культуре, способности адаптироваться, приспосабливаться как к природно-климатической, социальной, так и к чужой этнокультурной среде.

Этнос со своей специфической этнической культурой смело можно признать микромасштабной моделью цивилизации. В нем, как в капле воды, четко отражаются свойства, присущие цивилизации.

В связи с этнокультурной безопасностью мигрантов в странах - реципиентах выявилось парадоксальное, на первый взгляд, явление: на какой бы высоте ни находилось благосостояние принимающей страны, в кругу как бы уже вполне натурализованных мигрантов проявляется так называемый «феномен третьего поколения», когда внуки переселенцев возвращаются к своим этническим корням. В этом случае следует говорить уже о феномене этноса, как определенной социальной общности людей. Согласно мнению ученых, этнос представляет собой особый вид социальной группы, которая возникает не по желанию людей, а в результате естественноисторического процесса. Этнос характеризуется относительной стойкостью. Обычно этнос существует в течение многих столетий, имеет одно общее наименование, и, что самое главное, для его существования решающее значение придается самосознанию объединенных в нем людей. Взаимная идентификация и различие между отдельными этносами представлены антитезой «мы - они». За самосознанием, которое часто называют этническим самосознанием, стоят объективные, реально существующие свойства людей, относящихся к тому или иному определенному, конкретному этносу. Эти

общие свойства, признаки и различия проявляются во всех сферах жизни членов этноса. К основным сферам следует отнести язык, как главное средство коммуникации между представителями одного этноса. Наряду с языком, для полноценного функционирования этноса первостепенное значение отводится культуре и, прежде всего, таким ее компонентам, которые имеют традиционный, массовый характер и проявляются в повседневной жизни. Культурное единство этноса, в свою очередь, основывается на некоторых определенных психических свойствах представителей этноса. Эти своеобразия психики, в конечном счете, и составляют характер этноса (нации). Здесь же следует отметить, что все перечисленные этнические признаки могут быть присущи не только одному, данному, но и многим весьма отдаленным друг от друга этносам. Своеобразие этноса выражается не каким-либо одним компонентом, а совокупностью характерных для него объективных свойств. Но и это еще не значит, что этнос - лишь простая сумма определенных свойств и признаков. Он представляет собой определенное единство, общность, в которой различным компонентам отведена основная роль. В одном случае это может быть язык, в другом - хозяйственно-бытовые особенности, в третьем - характерные признаки поведения и т.д.

Рядом с естественноисторическим процессом развития общества в истории человечества были попытки посредством искусственного нивелирования этнических групп создать новые сообщества людей, основанные на новой коллективной психологии, с новыми ориентирами и идеалами. Пример тому - Советский Союз и страны социалистического лагеря. Но достаточно было поколебать

основы коммунистической системы, как на всем пространстве бывшего Советского Союза в среде «единой советской нации» – якобы тесно сплоченных, консолидированных народов с невероятной силой вспыхнули сепаратизм и конфликты на этнической почве, произошел поразительный всплеск этнического самосознания и самоопределения. То же самое можно сказать о странах Восточной Европы, особенно о республиках Балканского полуострова, входивших в бывшую Югославскую Федерацию. Попытка искусственного создания нового общества как будто успешно прошла в Австралии и США. В Америке сложился американский суперэтнос, который породил феномен «американского гражданина». Но и здесь в последние годы наблюдается возрождение этничности, т.е. для человека определение его этнической принадлежности приобретает все большее значение. Этот процесс не имеет однозначного объяснения, так как он взаимосвязан с действием целого ряда психологических, социально-политических и экономических факторов. Но факт остается фактом: на высшей ступени развития человечества, в условиях крайней индивидуализации, человек возвращается к принципу самоопределения посредством этнической идентификации.

Концепция безопасности Грузии на сегодняшний день разработана; в наличии два ее альтернативных варианта, представленных Министерством иностранных дел и Советом безопасности Грузии. Альтернативность этих вариантов выражается только в подходе к вопросу. Первый вариант (Министерства иностранных дел) выполнен скорее в теоретическом плане, содержит много общих положений и лишен конкретики. Второй вариант, по нашему мнению,

ближе к практике и к жизненным интересам страны. Но оба этих варианта находятся в рабочем процессе и пока недоступны для широкой общественности. Из бесед с членами рабочей группы нам стало известно лишь то, что оба проекта основаны на концепции национальной безопасности, что для сегодняшнего положения Грузии является самым оптимальным и всесторонне оправданным решением. Государственность Грузии находится в процессе строительства; еще не создано, не сформировано «гражданское общество» со своей институциональной системой, поэтому оно пока еще не в состоянии взять на себя совместно с государством часть ответственности за безопасность страны, как это происходит в странах с устойчивой демократической системой. Государство остается единственным гарантом обеспечения безопасности страны. Эта монополярная функция государства оправдана и статусом «малой страны», каковой является Грузия. Для стран с таким статусом, особенно находящихся в сфере интересов больших государств, как известно, главной проблемой является физическое и политическое выживание, сохранение суверенитета и территориальной целостности. В Грузии эта проблема совпадает с объединяющей национальной идеей и является чрезвычайно актуальной.

Протекающие на Кавказе – одной из самых горячих точек на карте мира – процессы оказывают огромное влияние не только на смежные с регионом государства и народы, но и на мировую политику в целом. Регион, наряду с Балканами и Ближним Востоком, признан одним из наиболее опасных очагов напряженности, грозящим стабильности всего мира.

Существующие сегодня на Кавказе открытые и латентные конфликты втянули в противостояние и проживающие в регионе народы. Однако региональные, на первый взгляд, противостояния в силу определенных причин приняли характер более глобального масштаба, что за последние десятилетия стало объектом серьезного научного изучения и активной темой публикаций. Однако рассмотрение вопросов, связанных с этноконфликтами, нефтью, религией и т.д. раздельно и при этом, используя лишь этнографические или исторические методы, не позволяет проникнуть в самую суть проблем. Острота и сложность вопросов требуют анализа геополитических подходов и принципов.

Политический истеблишмент и политики-теоретики сегодня расширили содержание геополитики, поскольку она, в отличие от исторических или социологических дисциплин, рассматривает политику – как предмет и явление – в совокупности, изучая ее глубинные пласты. Поэтому геополитика остается незаменимой в моделировании исторических процессов. Если политика в широком смысле слова – это деяние, направленное на достижение определенной цели, то геополитика – это наука, которая изучает деяния, направленные на реализацию государственных и народных интересов.

Перемены последних десятилетий изменили политическую карту мира – геополитические интересы вышли на передний план, что, со своей стороны, привело к необходимости разработки новых геостратегических планов и систем, хотя все еще остается в силе традиционное, берущее начало в середине XX века евразийско-атлантическое противостояние. Модели геополитической

безопасности, построенные на доктрине междоусобиц противостоящих сторон, были характерны для эпохи холодной войны как XIX, так и XX веков. Геополитические подходы прошлого действуют и в настоящее время. Хотя в геополитических представлениях нашлось место и для новых тенденций, нашедших отражение, в первую очередь, в ревизии геополитических подходов.

В конце XX века цивилизованный мир пытается преодолеть крайности индивидуализма и коллективизма путем акцентирования внимания на межличностных, межсловных, межэтнических, межконфессиональных и экономических отношениях (коммуникациях)⁵. Вместе с тем глобализация, превратившись в главный, определяющий симптом XXI века, выдвигает необходимость пересмотра доктрин геополитической безопасности, построенных на противостоянии. И это не удивительно, поскольку стираются границы между государствами, и мир становится настолько тесным, что без приложения общих усилий невозможно решить вопросы здравоохранения, экологии и мировой безопасности. С этой точки зрения, в ближайшем будущем усилится влияние глобализации на геополитические доктрины.

Глобализация и предпринятая США антитеррористическая война, безусловно, приведут к преобразованию существующих геополитических представлений, построенных на противостоянии сил. Однако это – дело времени, а старые представления, как существующая реальность, еще долго будут служить геополитикам. Именно поэтому при рассмотрении геополитических вопросов надо руководствоваться реальными, т.е. существующими доктринами.

⁵ Дергачев В., Геополитика, Киев, 2000, стр. 48.

Будущее же зависит от того, каким образом и при лоббировании интересов каких сил осуществится глобализация, ибо ни одна из идей еще не осуществлялась в рамках чистой теории. Жизнь и интересы сильных мира сего привносят свои поправки, решающим образом меняющие определенные теорией цели и вопросы. Поэтому не лишено здравого смысла распространенное мнение о том, что достигнутый на межгосударственном уровне консенсус между странами атлантической и неатлантической цивилизаций может быть лишь временным и негарантированным⁶, во всяком случае, хотя бы на данном этапе, когда на смену противостояний между политическими блоками приходят противостояния между бедностью и достатком цивилизаций.

Проблема Кавказа, находящегося на суперэтническом рубеже стыка двух цивилизаций, в глобальном противостоянии евразийских и атлантических идей превратилась в особый, значительный по характеру случай. По мнению украинского геополитика В. Дергачева⁷, Кавказ находится в ЕВРОМАРЕ. А ЕВРОМАР – это важнейший «двигатель» духовного прогресса человечества, основа эксцентрированных социокультурных систем, барьер против «морской стихии» открытого общества и вестернизации, барьер против химеры – формы контактов несовместимых суперэтносов.

Таким образом, путь дальнейшего развития мира во многом зависит от контроля над ЕВРОМАРОм, и распространение на него своего влияния приобретает существенное значение. Вместе с тем, усилились опасные тенденции

⁶ Миграция и безопасность в России, под ред. Г. Витковской и С. Панарина, Москва, 2000, стр. 46.

⁷ Дергачев В., Геополитика, Киев, 2000, стр. 48.

расчленения ЕВРОМАРА по этническим и конфессиональным признакам, примером чему служат локальные конфликты на Кавказе, на Балканах и в Центральной Азии. Однако многие ученые считают, что применение силовых методов для разрешения подобных проблем не снимает вопроса с повестки дня, и что они могут стать причиной третьей мировой войны.

З. Бжезинский считает, что Кавказ, наподобие других территорий «Евразийских Балкан», – важный геополитический регион у границ России. Он пишет, что контроль над Кавказом входит в интересы как США, так и России⁸. Более того, по его мнению, Кавказ является важным геополитическим пространством для всех связанных с этим регионом стран и народов. «Евразийские Балканы» находятся на транспортной магистрали и занимают геополитически весьма важную территорию. Входящие в них страны имеют свои исторические амбиции. Владеть этими странами экономически выгодно (залежи нефти). Вместе с тем, здесь имеется вакуум силы и внутренняя нестабильная ситуация. У этих стран есть проблемы, связанные с границами. Они этнически неоднородны, и некоторые из них втянуты в междоусобицы территориального, этнического и религиозного характера⁹. К этим странам относятся Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения и Афганистан. Эти страны, неоднородные по этническому признаку и нестабильные политически, образуют весьма значительный как для США, так и для Евразии геополитический регион¹⁰.

⁸ Бжезинский З., Великая шахматная доска, М., 1999, стр. 69-73.

⁹ Бжезинский З., там же, стр. 150-151.

¹⁰ Бжезинский З., там же, стр. 69-73.

Среди геополитических интересов России и Западной Европы Кавказ всегда был традиционным объектом противостояния. Свидетельством тому служат многовековые войны за контроль над ним. Россия стремилась создать геополитический «мост» между Балканами и Черным морем, прорубить геополитические окна на юг – в сторону Кавказа, Ирана, Афганистана и Китая. Геостратегическое местонахождение Кавказа предопределяет его особое значение для национальной безопасности России. В этом контексте Кавказ является узлом противостояний между двумя геополитическими полюсами – США (точнее – странами Северо-атлантического альянса) и Россией и, соответственно, кавказские конфликты считаются субъектом мировой политики.

Протекающие сегодня на Кавказе процессы отражают именно это противостояние. После распада СССР и объявления независимости республиками Закавказья, на Кавказе доминирует многовекторная ориентация с уклоном конфессиональных особенностей. Россия потеряла механизмы полного контроля над ними. Параллельно в регионе активизировались атлантические силы. Обе стороны, используя различные методы и локальные факторы, приступили к осуществлению собственных стратегических планов. Россия, исходя из своих геополитических интересов, стремится опять подчинить кавказский регион стратегическому контролю Москвы, используя при этом традиционную прорусскую ориентацию региональной элиты и играя на внутренних противоречиях. США же наоборот, заинтересованы вывести регион из-под этого контроля и подчинить собственным стратегическим интересам. С уходом из кавказского региона Россия теряет контроль над

Средиземным морем, доступ к Средней Азии и, что самое главное, она не сможет контролировать энергоресурсы Каспия и Средней Азии.

XXI век привнес новые штрихи в тяжелые геополитические факторы – одним из значительных факторов геополитики стал контроль над транспортировкой энергетических ресурсов (нефть, природный газ). Энергетический вопрос сегодня является ключевым вопросом политики, и от его решения зависит сохранение благополучной жизни Запада. Во время войны с Ираком в Персидском заливе (1992 г.) выступление всего Запада единым фронтом под руководством США показало, что, несмотря на определенные внутренние противоречия, Запад был един в решении глобальных проблем, а энергетика – одна из таких проблем. Война в Персидском Заливе показала, насколько неустойчиво могущество Запада, т.к. любые осложнения в арабском мире (опасность чего возникла в условиях нарастания исламского фундаментализма и расширения масштабов противопоставления бедности и богатства) чреватые серьезными последствиями для мировой политики и Запада в целом. Настоящее могущество Запада, его гегемония целиком зависят от арабской энергетической базы и неустойчивого мира в арабском регионе. Необходимо искать альтернативу, причем такую, которая не будет зависеть от других регионов или стран, претендующих на статус супергосударств. С этой точки зрения нефть и нефтепровод Центральной Азии и Каспия являются важными геополитическими факторами. В стратегические планы США входит образование неконтролируемой со стороны России и Ирана геополитической зоны, которая соединит Каспийское море с турецким побережьем Черного моря.

Не меньшее значение для России и США имеет контроль над новыми евразийскими коммуникационными сетями. В Евразии повышается роль трансконтинентальных коммуникаций. Евразийский транспортный коридор свяжет между собой Украину, Закавказье и Центральную Азию, а открытие такого коридора чревато для России тяжелыми коммуникационными и геополитическими последствиями.

Одним из вариантов направления Шелкового пути и ТРАСЕКА является их проход в срединном отрезке пути через Черное море на Закавказье, Каспий и Центральную Азию. Выбор направления трансконтинентальной магистрали будет зависеть от геополитического положения в регионах. Не лишен интереса и проект экономического сотрудничества стран черноморского бассейна, который предусматривает создание кругового транспортного коридора и в который включена и Грузия. В этих проектах Кавказу отводится центральное место. Россия, лишенная пролегающих через Кавказ коммуникационных сетей, не сможет осуществить евразийскую идею и уже не сможет препятствовать мировому господству США, что и является главным интересом США. В том случае, если транспортные коридоры, включая нефте и газопроводы, обеспечат связь каспийского региона и Центральной Азии с крупными экономическими странами мира, геополитический плюрализм станет реальностью в регионе. По мнению экспертов, безопасность мира в ближайшем будущем в значительной мере будет зависеть от военно-политических процессов на Кавказе, которые втягивают в себя все большее число стран и народов. После разрушения Берлинской стены начался геополитический и геоэкономический распад биполярного мира, и появились проекты возрождения Великого

Шелкового пути с возможными меридианными переходами через Балканы, Кавказ, Ближний Восток к Афганистану. Однако этнополитические конфликты изменили ситуацию. В таких условиях безопасность Российской Федерации зависит непосредственно от стабильности на Северном Кавказе¹¹.

С точки зрения геополитики, местоположение Грузии на Кавказе самое удобное в том смысле, что она имеет сухопутные, воздушные и вместе с тем, морские пути сообщения в виде черноморского побережья, через которые страна имеет связь с мировым океаном и является кратчайшим путем, связывающим Азию и Европу. Поэтому тот, кто владеет Грузией, владеет и Кавказом. Это – историческая судьба Грузии, и издавна она была предметом заинтересованности то одного, то другого завоевателя, будь то Византия, Иран, арабы, Турция или Россия.

Сильные страны и супергосударства, учитывая геополитическое значение Грузии, прилагают все усилия к тому, чтобы подчинить Грузию, а заодно и весь Кавказ своим жизненно важным геополитическим интересам. В регионе Грузия считается узловой страной евразийского коммуникационного коридора. Аналитики из Вашингтона часто отмечают, что если события в Грузии развернутся вопреки интересам Запада, то регионы Кавказа и Центральной Азии останутся за пределами глобальных мировых процессов, что, со своей стороны, повлияет на политическую ориентацию стран этого региона. Именно поэтому

¹¹ Хоперская Л., Проблемы безопасности в Северо-Кавказском регионе, Бюллетень 3, Центр социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления, Владикавказ, 1999, стр. 36.

американские эксперты считают, что «Грузия будет или преддверием региона или его затором». Посол Грузии в США Т. Джапаридзе заявил, что «от стабильности и ориентации Грузии зависит как осуществление в регионе глобальных проектов, так и безопасность всего региона»¹².

В связи с ростом запроса на нефть геополитическое значение Грузии приобрело большую весомость. Грузия, которая находится между Европой и залежами нефти и природного газа Азии, имеет на Кавказе самое стратегически важное расположение. Вместе с тем, кавказский коридор предназначен не только для перекачки каспийской нефти. К означенному проекту присоединяются и богатые нефтью регионы Средней Азии.

Внутренняя обстановка в Грузии сегодня сложнейшая. После потери Абхазии, чему активно содействовала Россия, она в принудительном порядке вступила в СНГ и сегодня именно через СНГ и Россию пытается восстановить территориальную целостность страны. В то же время она предусматривает стратегические интересы Запада. Президент страны старается сбалансировать свои отношения с Россией и Западом. Мнения экспертов сходятся в подобных оценках. Грузия, в отличие от промосковской Армении и ориентированного на Турцию (соответственно на США) Азербайджана, старается извлечь пользу из создавшейся геополитической ситуации и, лавируя между двумя сторонами, придерживаться своих интересов, что весьма сложно, но является единственно правильной геостратегией. Тем более что Грузия – одна из нестабильных, но геополитически важных стран «Евразийских Балкан», в которой, по мере необходимости, и Россия и США могут вызвать дестабилизацию.

¹² «Дилис газети» [Утренняя газета], 18.09.2001, 10.

Естественно, в таком контексте объяснимы и сильное давление на Грузию со стороны России, и обвинения в ее адрес в поддержке чеченских сепаратистов и стоящих за ними США, турецких и арабских террористов. Панкисское ущелье является эпицентром этих противостояний, и хроника событий, развернувшихся здесь за последние годы, говорит о том, с каким сложным геополитическим узлом мы имеем дело. Правда, на Кавказе немало конфликтных очагов, превратившихся, наряду с региональными, и в сферу геостратегических противостояний супергосударств, но в Панкисском ущелье, в этой как бы безобидной зоне среди уже существующих на Кавказе зон открытых или латентных конфликтов, более четко, чем в других местах, пересекаются геополитические интересы региона и супергосударств, включая и военно-экономические, и социально-культурные геоинтересы. С этой точки зрения, в регионе нет более взрывоопасной точки, чем Панкисское ущелье. Даже самым острым для Грузии конфликтам в Абхазии и Самачабло (бывшая Южная Осетия) не суждено было стать субъектами мировой политики, для которой они имеют лишь региональное значение. Панкисское же ущелье с самого начала превратилось в часть глобальной политики. Это вызвано и тем, что центром геополитической активности на Кавказе сегодня является Чечня, а Панкисское ущелье – как бы возможное продолжение открытого чеченского конфликта на территории Грузии, это то место, где переплетаются геополитические интересы стран региона и супергосударств. Содействующими факторами являются географическое местоположение ущелья, население и его этнокультурное своеобразие, большое количество чеченских беженцев и доступность нарушения

границ Грузии для мусульман объединенных под боевым знаменем. Наряду с другими моментами, Панкисское ущелье превратилось в угрозу безопасности страны и по той причине, что в результате чеченской войны здесь произошло скопление перемещенных лиц, и в немалом количестве. А миграция угрожает безопасности страны, т.к. снижает уровень общественного согласия даже в пределах одной страны. Приход мигрантов ставит под угрозу индивидуальную и групповую безопасность столкновением этнических норм и стереотипов, социальной и культурной маргинализацией мигрантов, их криминализацией, монополизацией с их стороны ряда экономически активных секторов, конкуренцией и т.д.¹³ И вдобавок ко всему, внешние силы прилагают усилия к тому, чтобы противопоставить население Панкисского ущелья всему населению страны. Однако пока что эти усилия не привели к серьезным последствиям несмотря на то, что в ответ на разгул криминальных элементов ситуация не раз обострялась.

¹³ Миграция и безопасность в России, под ред. Г. Витковской и С. Панарина, Москва, 2000, стр. 41.

Массмедия и Панкиси

Как известно, массовая коммуникация, через которую специальными средствами (пресса, теле и радиовещание) информация передается обществу, формирует у получивших информацию больших групп людей как позитивные, так и негативные отношения относительно определенного явления или факта. Массовая коммуникация всесторонне влияет как на внутривнутриполитические, так и на межгосударственные процессы.

Часто средства массовой коммуникации, в особенности пресса и телевидение, распространением целенаправленных дезинформаций способствуют образованию общественного мнения, служившему интересам государства или же в этом государстве реакционно настроенной группы. Широкий спектр подобной целенаправленной дезинформации ведут сегодня Российские средства массовой информации, усилившие свою деятельность в период русско-чеченской войны. Они открыто обвиняют Грузию¹⁴ в активной поддержке Чечни, что военной терминологией именуется „информационной войной“. Военные эксперты считают, что подобного рода дезинформация готовится в Москве в „Россвоенцентре“, организованном перед возобновлением военных действий в Чечне. Цензура центра, обработав информацию из районов военных действий в желаемой для Кремля и русского генералитета русле, распускает их среди населения. Дезинформация одна из функций центра.

¹⁴ «Квирис палитра» [Палитра недели], еженедельник, 29 ноября – 5 декабря, 1999 г., № 45; «Ахали 7 дге» [Новые 7 дней], еженедельник, 22-28 декабря, 2000г., № 51.

Большая часть сфабрикованных здесь дезинформации направлены против Грузии, т.к. „Грузия отказала ей в безраздельном контроле чечено-грузинской границы и в предоставлении своей территории для ввода войск (российских) в Чечню“. Не отказав она оказалась бы реально втянутой в конфликт после заселения Панкисского ущелья чеченскими беженцами, а отказ ухудшил и без того тяжелое социально-экономическое и криминогенное положение в ущелье. Напряженность в отношениях с Россией возросла с решением ноябрьского стамбульского саммита ОБСЕ (17-19 ноября 1999 год) о выводе из Грузии русских военных баз до 1 июля 2001 года.

Москва заинтересована создать трудности грузинской стороне, т.к. раздражена ее прозападной политикой. Реакционные силы России целенаправленно ведут анти-грузинскую пропаганду, чтобы втянуть Грузию в Северо-кавказский конфликт, что в результате облегчит Москве осуществить свои военно-политические цели и в Чечне, и на Кавказе.

Руководство федеральных сил России считает, что фактор Грузии одна из причин затянувшейся чеченской войны и безуспешных военных действий. Независимая от Москвы внешняя политика Грузии противоречит московским геополитическим интересам, которые распространяются на весь кавказский регион, а северокавказский конфликт, как известно, непосредственное подтверждение этих интересов.

По информации российских спецслужб, Грузия дает убежище чеченским боевикам. Речь идет о беженцах (около 7000), в основном женщинах, детях и стариках в Панкисском ущелье, которые заявляют, что Грузия единственная страна,

оказавшая им помощь. Грузинская же сторона считает, что, приняв беженцев, она поступила согласно Женевской конвенции и декларации защиты прав человека. Оказать помощь людям, жизни которых грозит опасность, заявляет президент Грузии Э. Шеварднадзе, далеко не преступление.

Официальный Тбилиси неоднократно отвергал необоснованные обвинения насчет скопления в ущелье чеченских боевиков и доставки оружия на территорию Чечни, и даже пригласил русских журналистов в ущелье. Российская сторона не унимается, несмотря на то, что обвинения на самом деле оказались необоснованными. Президент республики считает, что, распространяя подобные сведения, определенные лица заинтересованы в ухудшении русско-грузинских отношений.

Информационные службы России сообщают, что Панкисское ущелье не контролируется грузинскими властями, что президент сознательно ведет свою страну к войне. Распространяются заявления лидеров разных политических партии о том, что для окончательного уничтожения чеченских боевиков необходимо бомбить грузинские территории. Президент России В. Путин, находясь еще на посту премьер-министра, заявил, что операцию уничтожения чеченских боевиков нужно осуществить на территории той страны, где они найдут убежище. Логическим результатом таких заявлений были случаи нарушения воздушного пространства Грузии со стороны российской авиации; более того - селения Шатили и Омало бомбились запрещенным согласно международной конвенции типами бомб и ракетами. Несмотря на то, что Российская сторона была встревожена случившимся и даже

принесла свои извинения, что было принято за предпосылки начала нового этапа в отношениях двух стран, дальнейшие обстоятельства показали, что Россия продолжает завуалированную агрессию и циничную политику в отношении Грузии, создавая тем самым основу для будущих агрессивных действий.

Нарушение воздушного пространства Грузии, по мнению грузинской стороны, есть сознательная провокация со стороны определенных кругов России, которые стремятся во чтобы то ни было сохранить свое влияние на Северном Кавказе и компрометировать Грузию, т.к. не воспринимают факт интегрирования Грузии в международных структурах и ее участие в глобальных проектах. Тем самым они демонстрируют свою мощь и хотят доказать всему миру, что грузинские власти не способны защитить свою с Россией границу. Позиция Грузии однозначна: она порицает всякие проявления терроризма, агрессии и силы в межгосударственных отношениях. Грузия предпочитает иметь с Россией, как и с другими сопредельными странами, добрососедские, равноправные, построенные на взаимном уважении отношения.

23 ноября 1999 года российская сторона арестовала в Москве груз, следовавший из Румынии в Министерство Обороны Грузии под тем предлогом, что он был предназначен для чеченских боевиков. На самом деле груз везли из Бухареста, где он был выставлен на международной выставке оружия „ЕХРОМІІ-99“. Протестуя против упомянутого факта, Министерство Иностранных дел Грузии потребовало от российских властей пресечь оскорбительную для Грузии пропагандистскую кампанию. Груз вернули грузинской стороне, однако было ясно, что

определенные спецслужбы приложили немало усилий, чтобы экспонаты грузинского оружия не миновали Москву, т.к. это давал им лишний повод для дальнейших дезинформационных действий.

После известного вышеупомянутого решения стамбульского саммита Россия прилагает усилия повлиять на Грузию, т.к. вывод военных баз не в ее интересах, тем более из Гудаута. Вице-премьер России И. Клебанов, посетив с официальным визитом Грузию, выдвинул новую инициативу о превращении Гудаутской военной базы в реабилитационный центр для миротворческих сил. По мнению грузинской стороны визит вице-преьера в Грузию сомнительно совпал со случившимися в ту пору происшествиями, из которых самым значительным было нарушение границы Грузии (у ингушской части российско-грузинской границы) чеченскими боевиками, еще более обострившим „информационную войну“ со стороны России. Происшествие наводит на мысль, что случай был осознанно спровоцирован Россией, т.к. представители высоких военных эшелонов России не раз ставили вопрос о контроле и закрытии русско-грузинской границы. То, что это была провокация, не отрицают и те 25 чеченских боевиков, которые добровольно сдались грузинским властям. Россия пытается доказать, что Грузия не может самостоятельно контролировать границу, тем более с Чечней и старается затянуть вопрос о выводе военных баз.

Россия рассчитывала, что в результате упомянутого инцидента напряженность в чечено-грузинских отношениях приведет к широкомасштабному вооруженному конфликту. В те дни российская массмедиа, опираясь на военные источники, распространила информацию, что была

нарушена не грузинская граница, а наоборот - чеченские боевики пытались проникнуть в Россию из Грузии, т.е. российская сторона хотела доказать, что в Грузии находятся чеченские боевики.

Как известно, специальным документом заседания ОБСЕ от 23 декабря 1999 года в Вене было решено, что с 2000 года российско-грузинскую границу у Чечни будет контролировать постоянно действующая группа в составе 20 человек. Наблюдатели свели до минимума обвинения предъявленные Россией в адрес Грузии. И, несмотря на такие результаты мониторинга, Россия продолжает обвинять Грузию в попытке нарушения многовековой дружбы этих двух народов и возлагает всю ответственность на Грузию. Грузинская сторона, во избежание подобных обвинений, будет вынуждена потребовать осуществление мониторинга ОБСЕ ингушской части грузино-русской границы.

После визита И. Клебанова Россия вновь обвинила Грузию, а именно помощник президента России С. Ястржембский сделал скандальное заявление, что грузинские власти не могут контролировать ситуацию в Панкисском ущелье и что наблюдатели ОБСЕ подтверждают факты нарушения чеченскими боевиками грузино-русской границы в чеченской части. Грузинская сторона считает абсурдным такое заявление. Предположительно, что Россия готовит очередную провокацию. Панкисское ущелье еще раз оказалось в центре внимания российских высокопоставленных чиновников и массмедии. А ущелье из-за поселившихся там чеченских беженцев превратилось в очаг постоянной напряженности, куда Россия пытается заложить бомбу замедленного действия, которая станет

роковой, не только для Грузии – кавказская война создаст опасность всему региону и в случае глобализации конфликта может принять религиозный характер.

Чеченские беженцы, проживающие в Панкисском ущелье, отвергают нелепые обвинения России, называют их провокационными и говорят, что вооруженные „боевики“ защищают сегодня Чечню от вооруженной агрессии.

Процессы, проистекающие в ущелье Аса и взаимосключающие информации, связанные с нарушением границы чеченскими боевиками, вызвали значительное напряжение ситуации, которая постепенно улеглась после урегулирования названных процессов, однако грузинские власти принимают меры предосторожности и с целью предотвращения новых фактов нарушения границы намерены осуществить более строгий контроль этой части границы.

На фоне русско-грузинских переговоров о выводе российских военных баз распространилась еще одна провокационная информация, что российские власти задержали гражданина Грузии, жителя Панкисского ущелья, который, якобы, переправлял (естественно, за определенное вознаграждение) из Грузии в Чечню вооруженных лиц. Российская массмедия сообщала, что задержанный признался, однако выяснилось, что это было принудительное признание, т.е. очередной шантаж с целью дискредитации Грузии.

Россия пустила в ход еще один рычаг политического нажима – официально поставила на повестку дня вопрос о введении визового режима с Грузией. Президент республики Э. Шеварднадзе в интервью с корреспондентом российского общественного телевидения заявил:

„Всяческие ограничения не ведут к улучшению отношений между двумя государствами, между двумя народами. Если Россия все же в одностороннем порядке примет такое решение, я буду считать, что это ошибочное решение“. Ведутся двухсторонние переговоры по означенному вопросу.

С чеченской проблемой и происходящими в Панкисском ущелье процессами можно увязать и убийство итальянского журналиста, члена партии трансрадикалов А. Руссо, о мотивах убийства которого существуют одни лишь версии. По некоторым из них, журналист раскрыл многие военные тайны и официально обвинил Россию в применении в Чечне запрещенных международным соглашением бактериологических, химических и «некоторых других» вооружений.

Российская медиа Панкисское ущелье признает не только убежищем для беженцев, новой точкой напряжения, но считает, что наступает новый этап возрождения национальных традиций, верования, языка местного кистинского населения; что чеченские беженцы не только способствовали усилению национального самосознания, но вместе с новыми людьми появились новые взаимоотношения, новая идеология, новый ислам, новая мечеть. Становится невозможным их совместное проживание с местным грузинским населением, а грузины не замечают этнических изменений на собственной земле и, вполне возможно, что допустят образование на грузинской территории республики Южной Ичкерии.

Российская медиа, опираясь на данные российских спецслужб, расширяет сферу обвинений против Грузии и вместе с панкисской проблемой предлагает читателю информацию о готовящемся в Генеральном штабе Грузии с

помощью иностранных специалистов плане военной операции против Абхазии. Российская пресса называет Грузию страной, укрывающей террористов. Распространяет измышления не только о полной неспособности правительства контролировать собственную территорию, но и о связях представителей высших эшелонов власти с «современным бизнесом», возникшем с появлением чеченских беженцев в ущелье, т.е. о захвате заложников с целью выкупа. Много говорится о превращении Грузии в «транспортный коридор наркотиков», о существовании в Панкисском ущелье завода по выработке героина и т.д. Вместе с тем, вполне допустимым воспринимается факт рассмотрения в российской думе законопроекта о приеме в Российскую федерацию новых субъектов. Не распространяется информация о переносе Российско-Грузинской границы на два километра вглубь грузинской территории и занятии важного стратегического пункта – с. Пичвни, который контролирует и запирает все Аргунское ущелье. Больше того, никого не заинтересовало, как сумели чеченские боевики безпроблемно пересечь строго контролируемый российскими пограничниками участок границы в ущелье р. Ассы и пройти на территорию Грузии. Также не обсуждается, почему до сегодняшнего дня не сумели принять рамочный договор между Россией и Грузией, который должен охватить все аспекты взаимоотношений двух стран. По ряду соображений, наверное потому, что российско-грузинский конфликт в первую очередь существует не конкретно между народами, а в различиях государственных интересов, что затем отражается в политических решениях.

Несмотря на то, что по информации, зафиксированной в грузинской прессе, в своих антигрузинских оценках российское руководство, массмедиа и общественность единодушны, заявление президента России В.В. Путина на встрече четверки государств Южного Кавказа 27-30 марта 2002 года, на уровне секретарей Советов национальной безопасности, о выводе российских военных баз из Грузии, вселило надежду, что дальнейшее взаимоотношение этих двух стран будет основываться на доверии и взаимопонимании. Как пояснил президент Грузии Э.А. Шеварднадзе, президент России стремится как можно быстрее подготовить всеобъемлющий договор между Россией и Грузией.

Несмотря на такую позицию президента, российская дума вновь продолжает антигрузинскую кампанию. В нее включились и представители исполнительной власти. На символической встрече 11 сентября в г. Сочи президент России предъявил довольно серьезные обвинения Грузии и ее правительству. 19 сентября в Вашингтоне министр иностранных дел России выступил с резким заявлением против Грузии и не исключил возможности превентивных ударов по Панкисскому ущелью. 7-8 октября 2002 года в г. Кишиневе, на саммите стран СНГ, между президентами России и Грузии состоялось соглашение о сотрудничестве спецслужб двух стран в борьбе против терроризма и в совместном патрулировании чеченского участка границы. Президент Грузии эту встречу назвал исторической и отметил, что между двумя нашими странами больше общего, чем того, что их отделяет друг от друга.

Панкиси и кистинцы.

Панкисское ущелье (см. карта 1) расположено в северной части региона восточной Грузии – Кахети, у южного подножья Главного Кавказского хребта, в 17-18 км от районного центра Ахмета до селения Джоколо, и около 130 км от Тбилиси по короткой, горной дороге и около 240 км по главной шоссейной дороге через г. Телави. (см. карта 2).

В прошлом «Панкиси» было названием села, которое располагалось на территории, находящейся приблизительно у подступов нынешнего села Дуиси. Жители соседних сел Джоколо, Омало, Дзибахев и Шуахалацани и поныне называют его «Панкиси». В истории средневековья Панкисское ущелье известно, как один из богатейших и процветающих центров воеводства – «саэриставо». Об этом свидетельствуют остатки старинных крепостей, дозорных башен, культовых и жилых построек, расположенных по обе стороны реки Алазани. Это – памятники истории грузинского народа; ныне уже разрушенные, они являются частью большого комплекса Торгва-Панкели, который занимал территорию на возвышенности между Халацанским ущельем и Маграани. Сам рельеф и территориальное расположение этого комплекса давали возможность в случае опасности вражеского нападения держать связь и вовремя сообщать о надвигающейся опасности.

К сожалению, до нынешнего поколения из этих сооружений почти ничего не дошло, остались в основном руины. Надо заметить, что в 1965-66 годах в Панкисском ущелье были проведены археологические раскопки, в результате чего были найдены уникальные материалы эпохи

палеолита, бронзы, железного века, античного периода и средневековья. Во время раскопок были найдены захоронения (орудия из бронзы и железа, как боевые, так и сельскохозяйственные, керамика - как столовая, так и хозяйственная) разных периодов, которые имели свои, локальные особенности, что свидетельствует о развитии местного гончарного и литейного производства.

Согласно материалам ученого XVII столетия Вахушти Багратиони, данное ущелье представляло собой экономически богатый край, где население занималось земледелием, животноводством, выращиванием даже риса и хлопка. Было развито виноградарство, бахчеводство и т.д., об этом свидетельствуют сохранившиеся доселе остатки винных погребов, давлен и некоторых эндемных сортов черного винограда.

Во времена Вахушти это было одно из самых густонаселенных местностей Восточной Грузии. Свидетельством тому служит карта составленный Вахушти Багратионом, где по обеим берегам реки Алазани насчитывается около 19 селений. Впоследствии, ввиду многих причин (войны, набеги соседних племен и т.д.) ущелье пустеет, поэтому грузинские князья постепенно заселяют эти заброшенные места заново, как представителями самих грузинских племен, так и пришельцами из соседних регионов (Чечны, Ингушетии и Осетии). Так возникли новые села кистов (чеченцы и ингуши): Дуиси, Джокло, Омало, Дзибахеви, Шуа-Халацани, Хораджи и Чхатана.

Вахушти Багратиони, делит ваиных на три племени: дзурдзуков, глигвов и кистин. Дзурдзуки и глигви сегодня известны соответственно как чеченцы и ингуши. Что же касается кистов, это собирательное имя, так как грузины

кистами называют все племена ваиныхского происхождения, проживающие по соседству. Ни чеченцам, ни ингушам этноним „кистинец“ не известен. Хотя сохранившийся в топонимах корень (река Кистинка, Кисти-Басо-гора на территории Северного Кавказа) указывает, что этот этноним в прошлом принадлежал определенному племени и был известен ваиным. Чеченцы, переселившийся в Панкисское ущелье этноним „кистинец“ приняли как самоназвание. В паспорте, в графе „национальность“ у них проставлено – „кистинец“, хотя это явная ошибка, „кистинец“ никак не является национальностью.

Общая граница с Грузией и традиционные взаимоотношения способствовали беспрепятственному перемещению горцев с места на место. Миграция, на протяжении веков, была обоюдной. Большая часть мигрировавшего населения ассимилировалась, и их след можно обнаружить лишь в топонимах и ономастике.

Чеченцы и ингуши панкийских кистинцев называют «Гурджихар нохчий» (т.е. чеченцы из Грузии) или «Гурджихар вайнах» – (грузинские вайнахи). Некоторые из переселенцев в документах писались как грузины, т.е. проблема их этнического статуса ярко выражена, ибо чеченцами они уже называются, т.к. более 150 лет они оторваны от родной почвы, а этноним чеченец и ингуш возникли много позже, нежели они покинули Чечню и Ингушетию. Сохранив родной язык и традиции (свадебные, похоронные и др.), они переняли многие обычаи и обряды грузин. Не изменилось и их самосознание – сознание того, что они пришельцы на этой земле и не грузины. В этом определенную роль сыграла их религия – ислам, которую в настоящее время исповедуют. Насажденный Шамилем

ислам в Чечне и частью Ингушетии, автоматически распространился и на кистинцев, хотя исторически все они были христианами. Об этом свидетельствует старинная традиция, согласно которой кистинцы оберегают культовые памятники, сохранившиеся в Панкиси. Если кто-либо в первые годы переселения наносил ущерб этим святым местам, виновных наказывали тем, что заставляли три раза обойти село с мешком, полным земли.

Причины переселения кистинцев на территорию Грузии были различны:

1. Тяжелое экономическое положение и недостаток земельных угодий;
2. Обычай кровной мести;
3. Жесткие меры, применяемые Шамилем при насаждении ислама.

Переселенцы состояли из выходцев из сел Маисты, Мелхесты, Терлой, Хилдихарой, Гезахой, Хачарой, ингушей – галашевцев, джераховцев и др., т.е. чеченцев и ингушей, проживавших в самых труднодоступных и высокогорных аулах Чечни и Ингушетии. Были среди переселенцев и те фамилии, которые покинули родные места согласно обычаю «байталвакхар», т.е. будучи зажиточными, под страхом раскулачивания уходили вместе с семьями и всем скарбом искать приют за перевалом Кавказского хребта.

В основе поселения кистинцев лежал принцип кровного родства, хотя в силу ограниченности земельных участков, этот принцип перестал соблюдаться, однако, не выходил за пределы одного села». Надо заметить, что во второй половине XIX в. среди кистинцев по традиции было запрещено поселение представителей одного рода –

фамилии (тейпа) в разных селах, кроме изгнанных или тех, кто скрывался от кровной мести.

Переселение кистов в Грузию и компактное их поселение началось с 1791 года и продолжалось вплоть до начала XX в., что носило поэтапный характер. В архивных материалах отмечено несколько дат их поселения – 1831, 1841, 1848, 1854, 1860, 1873 и последующие годы. Этнографическая группа горных грузин-пшавы начали заселять Панкисское ущелье с 60-х годов того же столетия, а осетины появились в начале XX в., в частности, в 1902-1906 гг. Кисты селились с волеизъявления государственных чиновников и на государственных угодьях, тогда как пшавы и осетины – на основе аренды и закупки княжеских земельных участков.

Первые переселенцы кистов обосновались в селе Хорбалло. Позже они образовали село Панкиси, которое было переименовано в Дуиси, в честь Дуй Цицхашвили, который был старейшиной (мамасахлиси) села и всеми уважаемым человеком. Последующие села возникли позже. Джоколо было названо именем Джоколы Даркизанашвили – предводителя новопереселившихся кистов из чеченских сел Пуага и Туга. В настоящее время в Панкиси, как уже отмечалось, шесть кистинских сел – Дуиси, Джоколо, Биркиани, Халацани, Омало и Дзибахевы. (см. карта 3).

После переселения в Грузию, кисты занимаются в основном скотоводством и земледелием. В дореволюционный период их хозяйство носило полунатуральный характер. Большое развитие получили всевозможные домашние промыслы, в частности производство тушинских шапок и декоративных ковров.

В Панкиси кистинцы сохранили многие элементы своих традиций, хотя подпали под естественное влияние со стороны грузинского населения.

Кистинцы наряду с родным кистинским (это диалект чеченского языка) хорошо владеют грузинским, учатся в грузинских школах и вузах. До развала СССР часто наблюдались смешанные браки с грузинами. В последнее время в результате укрепления традиций ислама подобные браки не одобряются.

Кистинцы горделивы, статны и физически здоровы, внешне привлекательны. Их женщины очень преданы семье, трудолюбивы. Любят чистоту и порядок – этим особенно известны на Кавказе. Дорожат родственными узами. Врага встречают враждебно, друга – дружелюбно. Очень гостеприимны, по отношению к старшим учтивы и покорны.

Переселение кистинцев в Панкиси совпало с дроблением больших семей на индивидуальные. Поселялись посемейно, индивидуальными семьями, хотя случаи поселения большой семьей (родители, дети, внуки) тоже встречались, но редко. Совместное поселение большой семьи преследовал цели – жить вместе до тех пор, пока семья экономически крепла.

На примере кистинцев показано, что многочисленная семья была результатом не многоженства, а многоразовым браком, суть которого выражался в том, что мужчина имел только одну жену, хотя допускались разводы и многоразовая женитьба. Институт Шариата впоследствии узаконил эту традицию, но в несколько иной форме – допуская наличие одновременно нескольких жен (до четырех). Жены должны были жить в одном дворе, в отдельных домах, но при одном

муже, поэтому часто число членов одной большой семьи доходило до 30-40 человек. Такие случаи были крайне редки среди самых кистинцев. Параллельно с большой семьей, существовали индивидуальные семьи, где число членов семьи не превышало 10-12 человек. Термин, выражающий значение разделения семьи – «буйвалар», на прежней родине кистов - в Чечне не существовал. Эту традицию кисты переняли у соседних грузин.

Население обычно селилось согласно тейповому (родовому\фамильному) принципу и управлялось советом старейшин («мехк- кхел»). В настоящее время в жизни кистов «мехк-кхел» утрачен, однако существует «кхел» – родовое право. Появилась терминология, отражающая иерархию населения в результате деления общества на богатых и бедных, например: «элии» – князь, «уезднах» – культурные люди, «йисар» – пленник, «лай» – раб, «къие» – бедняк, «миск» – несчастный и т.д.

В постановлении от 11 апреля 1865 года, отразились формы сельского общественного правления, где высшим органом правления считался сельский сход, состоящий из представителей каждой фамилии. В 60-70-х годах XIX века сельский сход был заменен правлением сельской общины, т.е. панкисское население управлялось двояко: общегосударственными законами и медиаторским правосудием – «адатом», который восходил к общинно-родовому строю и возник на основе института кровной мести. Он сохранился и по сей день.

В период советской власти правосудие по адату существовало, однако в некой завуалированной форме. Осуждение по законам государства не освобождало

преступника от кровной мести, т.е. преступник нес двойную кару. Так продолжается и по сей день.

Кистинцы не имевшие собственной письменности и ничего не знавшие об образовании, получали его в приходской школе, построенной в 1891 году в селе Джокло «Обществом по восстановлению христианства на Кавказе», целью которого было готовить на местах церковных служителей. Эту школу в Джокло посещало 40 учеников, в основном из имущих семей. Их первым учителем был Матэ Албуташвили, он же был священником в церкви, которая находилась неподалеку от школы. До принятия ислама кистинское население и население близлежащих деревень были ее прихожанами. В 1921 году приходская школа и церковь были закрыты, а М.Албуташвили навсегда покинул ущелье. Начался новый этап в жизни государства и, соответственно, ущелья, называемого советским.

Именно к этому времени относятся зрелые годы общественной деятельности Юсупа Маргошвили, который, получив образование в Грозном и Тбилиси, вернулся в родное ущелье для внесения туда просвещения, повышения его жизненного уровня и благополучия.

В настоящее время в Панкиси живут, наряду с кистами, грузины и осетины. Вот уже три года как население пополнилось чеченскими беженцами. Всего население Панкиси с учетом беженцев составляет более 13 тыс. человек.

Зная свое этническое прошлое и традиции отцов, в годину невзгод и трагедий кистинцы оказали достойный прием соплеменникам, бежавшим из Чечни. Война сплотила их так же, как спланивала во времена далекого прошлого.

Этничность в развитии общества

На современном этапе социально-культурного развития общества выявилось парадоксальное на первый взгляд, явление – невиданный всплеск этнонациональной саморефлексии как на уровне индивидов, так и в массовом сознании. Глобальные миграции во всемирном масштабе, интеграция и унификация-универсализация бытовых и культурных элементов, беспрепятственная связь между любым уголком земного шара (будь это транспорт или электронно-компьютерная система) должны были постепенно ослабить, а затем свести на нет осознание личностью себя как члена определенной этнической группы. Но ни одна общность людей, на какой бы почве не была она создана – будь то общественно-формационное, политическое, конфессиональное, классовое, сословное или профессиональное объединение не оказалась настолько прочной, чтобы стать основой для самоопределения, самоидентификации индивида или группы. Устойчивее всех во времени оказалось чувство принадлежности к тому или иному этносу. Этнос был и остается базовой категорией – объективным явлением истории и современности, реальностью.

Такая устойчивость этничности во времени станет понятной, если допустить, что развитие человечества, как закономерного стадийно-поступательного процесса, зависит именно от локального многообразия культуры, ее поливариантности. В таком случае, этнично-культурное многообразие человечества предстает эквивалентом биологических видов в процессе биологической эволюции,

но взамен генетического кода (несмотря на эндогамность этносов) здесь действует культурный код – основа адаптации людей к окружающей среде. Человек является единственной особью среди живых существ, чья адаптация к среде обитания происходит посредством культуры, путем передачи культурных традиций. Этническая идентификация осуществляется через сферу разума, в процессе социализации индивида, путем усвоения социо-нормативных традиции и системы ценностей¹⁵.

Среди фундаментальных и постоянно действующих функции культуры исходной и ведущей является именно адаптивная функция культуры, как избирательная активность, направленная на самосохранение и самозащиту системы. Для выполнения своей адаптивной функции, культура должна обладать способностью не только удовлетворять запросы окружающей среды, но она должна иметь необходимую потенцию для достижения адаптивного эффекта в новых, иногда в резко меняющихся условиях. Одним из важнейших источников такой адаптивной потенции является именно этническое разнообразие культуры.

В любой этнической культуре заложены как универсальные, так и присущие только данному этносу адаптивные возможности. Эта способность приспособления к непрерывно изменяющейся окружающей среде выработаны на протяжении веков и оформлены в виде хозяйственно-производственных, социо-нормативных систем с этноспецифическими особенностями, характерными для данной культуры. Именно этот механизм приспособления может быть

¹⁵ Маркарян Э., Очерки теории культуры, М, 1982 г.

¹⁶ Карлов В.В., Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии, ЭО, №4, 2000 г.

принят отличительным, классификационным знаком для этнических культур, основой для их типологизаций.

Насколько готова этническая группа приспособиться к новым для нее природно-социальным условиям? Способна ли она усвоить нестандартные, нетрадиционные для нее представления и ценности так, чтобы не нарушилась ее системная целостность, т.е., чтобы адаптация не переросла в ассимиляцию? Если обратимся к системной методологии, то этнические системы можно отнести по этим характеристикам к открытым и закрытым системам.

Понятие открытых и закрытых систем является ключевой для системной методологии. „Открытые системы отличает наличие устойчивой взаимосвязи между внутренней средой системы, ее элементами и внешней по отношению к системе средой. Закрытые системы ориентированы на отгораживание от окружающей среды, изоляцию, препятствие налаживанию процессов взаимного характера. Это системы, тяготеющие к жестким, иерархическим отношениям с внешним и внутренним миром“¹⁷.

Принципом существования открытых систем выступает развитие через освоение нового и иного, через внутреннее усложнение и многообразие (прогрессивный тип развития, или прогресс); принципом же закрытых систем является развитие через консервацию существующего состояния, препятствие взаимодействиям, способным изменить систему (регрессивный тип развития). Поступательное движение развития человечества обеспечивают именно открытые системы¹⁸.

¹⁷ Шалаев В.Л., Этнос как открытые и закрытые системы, ЭВ, 2 (8), М. 1995, ст. 197-198.

¹⁸ Шалаев В.Л., там же.

Исследование этнокультурных проблем с точки зрения системной методологии выявляет легко модернизируемые и трудно модернизируемые этнические общности. В трудно модернизируемых этнических группах сильнее механизм психологической самозащиты этнической общности, выражающийся в увеличении социальной дистанции, уменьшении контактов с чуждой этнической культурой, в усилении личного статуса и позитивной групповой идентификации. Наряду с этим усиливаются негативные гетеростереотипы, что дает основание для агрессивности и исключает всякую возможность культурных компромиссов. Такая самоизоляция создает опасность этнической группе закрытого типа, быть выброшенной из единого потока общечеловеческого развития. Но диалектика открытых и закрытых систем состоит именно в их стадиальности. „Система остается закрытой до тех пор, пока накопленное количество элементов и свойств определенного характера не взорвет ее изнутри и не подвергнет, вследствие необходимости выживания, к поиску новых форм существования, более адекватных требованиям изменившейся среды. Тем самым происходит обращение ее в систему открытого типа... Таким образом, открытая и закрытая системы выступают в качестве естественных этапов в развитии любого явления“¹⁹.

Искусственное торможение этого закономерного процесса, чем бы и было оно вызвано (например, добрыми намерениями сохранить традиционную эмпирическую самобытность), не достигает желаемого результата. Переход на новую ступень развития неизбежен, но в случае искусственной задержки он проходит более болезненно для

¹⁹ Шалаев В.Л., там же.

современников и нередко провоцирует разрушительные явления.

В исследуемом нами регионе – Панкисском ущелье в настоящее время проживают три этнические группы: кистинцы, грузины (пшавы) и осетины. Рассматривая в ретроспективе, все три группы для данного региона являются мигрантами, переселенцами. В историческом прошлом Панкисское ущелье было тесно заселено грузинскими племенами и являлось экономически процветающим краем, на что указывает огромное количество сохранившихся на этой территории развалин крепостных сооружений и молелен. Крепостные сооружения, расположенные по обе стороны Панкисского ущелья (на горе Балтагора, в селах Думастури, Халацани, Чобиосхеви и др.) указывают и на то, что население ущелья было вынуждено обороняться от вражеского нашествия. Но, в течении времен, измученное от непрестанных набегов – „лекианоба“ население постепенно покинуло эти места и переселилось в глубь страны. В конце XVIII и в начале XIX столетия Панкисское ущелье находилось во владении грузин-тушинцев. Здесь располагались их зимние пастбища, стоянки для скота и жилые постройки пастухов. В архивных документах сохранился указ Ираклия II о том, что Панкиси принадлежит тушинцам и пшавы не смеют посягать на их владения. Несмотря на это, в Панкисское ущелье постепенно начали переселяться пшавы и основали несколько сел. Компактное заселение кистами этого региона началось в 30-х годах XIX столетия и продолжалось по 60-ые годы. Переселение осетин началось в 20-ых годах XX века. Сегодня местное население расселено в Панкисском ущелье компактно по этническому признаку. Здесь имеются чисто

грузинские, кистинские и осетинские села. Лишь в последние годы стали поселяться кистинцы в грузинские и осетинские села. Вместе с тем, можно смело утверждать, что почти за два века в Панкисском ущелье сложился единый социальный организм со своими противоречиями, проблемами, локальным своеобразием, но вместе с тем, прочными взаимосвязями между населяющим ущелье тремя этническими группами. Во всяком случае, так обстояло дело вплоть до 90-х годов XX столетия. События последнего десятилетия многое изменили в общественной жизни Панкисского ущелья.

Традиционная стратегия безопасности

Грузин и ваинахов, проживающих по соседству в высокогорном регионе Кавказского хребта, исторически связывали тесные политические, социально-экономические и культурные отношения. Сближению этих этносов, наряду с другими, способствовали и физико-географические и климатические условия. Жизнь по соседству создавала определенные нормы взаимоотношений. Однако эти взаимоотношения не всегда бывали гладкими и случаи противостояния по разным причинам часто перерастали в конфликты. Грузины-горцы (хевсуры), ингуши и чеченцы, которые отличались целенаправленностью, воинственностью, внутригрупповой сплоченностью, на протяжении веков боролись с врагами, нашествия которых создавали серьезную угрозу их национальной самобытности, свободе и праву самоопределения. Информаторы сообщают, что „хевсуры всегда сами защищали свою землю, боролись за нее. Если нападали кистинцы, в долгу не оставались и хевсуры“. Можно сказать, конфликты между грузинами-горцами и ваинахами являлись одной из форм самоутверждения; таким образом, они защищали от врагов свою самобытность.

Конфликты предопределялись экономическими, социальными, морально-этическими и религиозными факторами – малоурожайными урожаями, необходимостью охраны границ своих территорий, ущемлением религиозных ценностей, нарушением традиционных норм бытовых отношений и др. Помимо этого, необходимо учесть и менталитет горцев, согласно которому одним из определяющим мужество фактором считались разбой, пиратство, убийство и нападение на соседние племена.

Особенно острый характер приняли конфликты после подчинения Россией кавказских народов. Для утверждения своей власти на Кавказе, российская империя считала необходимым „ссорить между собой кавказские племена, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас (т.е. Россию) в покое“²⁰. Следовательно, колониальная политика России в XIX веке обостряла и без того конфликтную ситуацию между грузинами и ваинахами.

Конфликтные ситуации, по своему масштабу, могли возникнуть как между личностями, так и между группами. Исходя из этого, по форме конфликты между исследуемыми группами можно разделить на:

1. Межличностные - интерличностные и
2. Межгрупповые - интергрупповые.

Специфика интерличностных конфликтов в исследуемом регионе состоит в том, что такой конфликт часто перерастал в интергрупповой. Таких примеров полно в быту хевсуров, т.е. конфликт между отдельными лицами (убийство, воровство) принимал глобальный характер вплоть до вовлечения целого рода и даже племени. В таком случае проявлял себя высокий уровень групповой сплоченности и тенденция неукоснительного соблюдения норм поведения.

Классификацию факторов, способствующих спровоцировать конфликтную ситуацию, можно представить следующим образом:

экономический	морально-этический	Религиозный	Традиционный
1. Мелкое воровство 2. Разбой (пиратство хищение) 3. Земельные ссоры	1. Физические оскорбления 2. словесные оскорбления а) ругань б) Издевательство 3. Ущемление морально-этических ценностей	1. Ущемления религиозных ценностей	1. Кровная вражда

1. Экономические факторы. Мелкое воровство (кража продуктов, разных предметов) строго осуждалось среди горцев Восточной Грузии и ваиначов и соответственно каралось. С другой стороны, в соседних племенах, угон лошадей и скота, а также пиратство (хищение), столь распространенное среди кавказских горцев, считалось доблестным делом смелых людей.

Хевсуры и ваинахи часто нападали друг на друга. Помимо того, что пиратство (хищение) было престижным занятием из-за связанных с ним преодолением определенных опасностей, оно имело и практические цели, обусловленные социально-экономическими условиями, т.к. неимущие горцы старались именно таким путем восполнить недостаток семьи. Пиратство (хищение) считалось предосудительным, если прибегали к нему в пределах одного рода. Хищение, разгром и даже убийства, предпринятые по отношению чужого рода было настолько похвальным, что таким смельчакам народ посвящал стихотворения²¹. Однако в памятниках грузинского права пиратство (хищение) фиксировалось как тяжелое преступление.

²⁰ Грабовский Н., Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IX, Тифлис, 1876.

²¹ Джавахишвили И.А., Собрание сочинений, т. VII, Тбилиси, 1984.

Ваинахи угоняли у хевсуров в основном скот, а хевсуры старались воздать им должное. Иногда владельцу удавалось вернуть обратно угнанный скот, но случалось это довольно редко. Если же удавалось вернуть, то пострадавшие и угонщики (часто целые роды, селения) оказывались в состоянии вражды, нередко случались и кровопролития.

Воровство-хищение настолько утвердилось в быту горцев, что позднее, когда экономический фактор (бедность) уже не служил оправданием хищения, горцы все же воровали. Подобные случаи нередки и в XX веке.

В 70-80ые годы XX века и даже позднее в Архотском ущелье и в Пирикитской Хевсурети ингуши и чеченцы не раз угоняли скот у грузин. Однако удавалось контролировать ситуацию, вернуть скот владельцам и миновать всякие эксцессы.

Продолжительные земельные споры между горцами также были вызваны экономическим фактором. Грузины-горцы, чеченцы и ингуши имели небольшие земельные угодья (пастбища, посевные и пахотные поля). Грузины брали земли у ваиначов в аренду, где зимовал их скот. Историческая память той или иной этнической группы сохранила сведения о том, что конкретные земельные участки были собственностью конкретной этногруппы. Следовательно, у этой группы появлялась претензия, что данная земля некогда принадлежала ей.

В исследуемом регионе в этом отношении картина следующая: грузины-горцы предъявляли претензию на землю как коренные жители, а ваинахи - как давние владельцы. К примеру: ингуши претендовали на все архотские земли, в результате имели место распри между

грузинами и ваинахами. После долгих обсуждений земли остались за грузинами. Такое происходило и между чеченцами и пирикитскими хевсурами. Эти распри часто доходили до кровопролития.

Помимо вышеотмеченных, фиксируются случаи, когда ваинахи претендовали на те земли хевсуров, которые этим последним достались, по обычаю, как возмещение за пролитую кровь, что, разумеется, заканчивалось большими неприятностями и даже кровопролитием. Подобные вопросы решались согласно обычному праву. Народный суд выносил решения о принадлежности той или иной территории. Противостоящие стороны прибегали к разным хитростям и способам утешения. Чтобы окончательно выявить владельца земли, претендент должен был дать клятву в святилище (джвари). После клятвоприношения суд решал вопрос в пользу принесшего клятву.

2. Морально-этические факторы. Морально-этические факторы, провоцирующие конфликтные ситуации на почве ущемления моральных ценностей, побуждали как интерличностные, так и интергрупповые конфликты.

Здесь объединены нарушения норм морального кодекса горцев, физические и словесные оскорбления, отклонения от обычаев и традиций и т.д. К примеру: по моральным законам горцев женщина неприкосновенна, к ней относятся с уважением. Оскорбление женщины становилось поводом конфликта, вплоть до убийства, не щадили даже близких родственников.

Поводом конфликта между грузинами и ваинахами-горцами нередко служили ругань, издевательства, насмешки и угрозы.

3. *Религиозные факторы.* Здесь рассмотрены причины конфликта, в той или иной степени связанные с ущемлением религиозных ценностей. К таковым относятся хищение сокровищ святилища (хати // джвари), проведение на территории святилища определенных работ и др.

4. *Традиционные факторы.* Конфликтные ситуации могут быть спровоцированы старинной традицией – кровной мстью, которая считается специфической этнокультурной характеристикой горных жителей Кавказа. Традиция своими корнями уходит вглубь веков²² и, несмотря на то, что государство, заодно и общественность, преследовали ее, в горных регионах она бытовала вплоть до XX века. Моральный кодекс горцев гласил: око за око, зуб за зуб.

Интерличностные или интергрупповые противоречия между горцами, по тем или иным причинам, перерастали в конфликт. Нередко по ходу конфликта совершалось убийство. Согласно традиции горцев, мужчины из рода убитого были обязаны мстить убийце или представителю мужского пола из рода убийцы и так продолжалось до проведения определенных санкции с целью пресечения кровной мести.

Бывали случаи, когда грузины-горцы и ваинахи убивали друг друга и по этническому признаку.

Того, кто не приводил в исполнение кровную месть, ваинахи именовали „осрамленным“. И если не убивали виновника, то убивали по этнической принадлежности, т.е. убийства совершали без причин. В таком случае „враг“ ассоциировали с этносом, т.е. в лице друг друга видели врага и имели к нему негативное отношение, что, как известно,

²² Дж а в а х и ш в и л и И.А., Собрание сочинений, т. VII, Тб., 1984.

есть предрасположение к выявлению конфликтного поведения.

Кровная месть, как определенная форма поведения, помимо биопсихических импульсов, имеет свои причины зарождения в виде системы этнокультурных ценностей. Однако, в то же время, для грузин и ваинахов кровная месть древний обычай, традиционная норма поведения, неисполнение которой порождает негативные санкции. Обычай подразумевает принудительное признание ценностей и определение ситуации и принуждает членов группы блюсти нормы поведения по отношению этих ценностей.

Пренебрежение обычаем, его неисполнение нарушает внутригрупповую сплоченность, создается ситуация противостояния внутри группы – между членами группы и нарушителем традиции. Нарушители изгонялись из того общества, против которого они шли.

Социологи считают, что наследственный импульс, действующий на протяжении долгого времени, бывает настолько сильным, что не подчиняется принуждению и запрещению даже со стороны государства. Именно таким импульсом представляется кровное мщение, сохранение которого до наших дней обусловлено отчасти наследственностью.

Для того, чтоб не возник конфликт, нужно разрядить негативное отношение на начальной стадии конфликта. Однако негативное отношение между грузинами и ваинахами потенциально существовало всегда и его можно одновременно принять за причину становления конфликта.

Предотвратить конфликт можно лишь в том случае, если одна группа удовлетворит требования другой.

Дальнейшее развитие конфликта определяется принятием правильного решения. Те институты, которые в исследуемом регионе регулируют межличностные и межгрупповые взаимоотношения, преодолевают большие препятствия на пути достижения результата. Конфликтные ситуации регулировались в основном через народное право – „рджули“ и адат, считаясь с нормами традиционного права обеих сторон. Процессом управляли выбранные для того специальные лица.

Правовые нормы грузин, чеченцев и ингушей строго регламентированы. Противостоящие стороны требовали возмещения убытка согласно своим нормам, что создавало несоответствие и стороны, исходя из собственных норм, выбирали промежуточный вариант. Решение „рджули“ считалось непререкаемым, хотя в отдельных случаях из-за жизненных условий и менталитета горцев оно не выполнялось полностью. Грузины и ваинахи, имея автономный многовековой правовой кодекс, применяли его для урегулирования конфликтных проблем. Эти народы очень долго не признавали государственные законы, пользуясь только своими.

В жизни горцев бытует традиция т.н. заложничества: представитель чужой этнической группы перебирался жить в селе своего противника, где пребывал в качестве своеобразного заложника и нес ответственность за содеянное своей этнической группой и ее членами. Такой заложник считался своеобразным гарантом стабильности.

Все вышесказанное вовсе не означает, что хевсуры и ваинахи пребывали в постоянном конфликте. В этнографической действительности грузин-горцев много примеров того, как поддерживали друг друга ваинахи и грузины. Они

знали язык друг друга, вступали в смешанные браки, имели общие святилища, где вместе выполнялись культовые ритуалы и т.д. Следовательно, отношения проживающих по соседству грузин и ваинахов были одновременно и вражескими и добрососедскими, что весьма уникальный случай.

Благодарное положение грузин и ваинах друг к другу упрочилось в период сталинских репрессии. В 1944 году чеченцев и ингушей (вместе с другими народами Северного Кавказа) по приказу Сталина поголовно выслали в Среднюю Азию, а освобожденные от населения территории были раздроблены и присоединены к соседним республикам. Так Джариахский район, по решению госкомсовета, стал частью Грузинской ССР. Хевсур переселили туда семьями. После репатриации грузины с радостью встретили бывших хозяев, разделили с ними имущество и вернулись на свои земли. (Необходимо отметить, что другая часть территории ваинахов, присоединенные к Дагестану и Северной Осетии, не были возвращены бывшим хозяевам).

Грузин и ваинахов сегодня нельзя принять за вражески настроенных друг к другу народов. Приграничная зона Кавказского хребта, в прошлом весьма оживленный регион, сегодня почти опустел. Точки соприкосновения этих народов с 40ых годов XX века сильно ослабли. Снижению уровня недружественного взаимоотношения способствовало осознание общего врага в лице официальной России. Кавказский феномен сплотил в одну группу кавказские народы. Неблагоприятным фактором на пути установления культурно-экономических и политических связей между грузинами и ваинахами стал грузино-абхазский конфликт и русско-чеченская война. Россия, во имя осуществления

своих империалистических целей, может прибегнуть к восстановлению того механизма, который в свое время ставил эти народы в конфликтные ситуации. И для того, чтобы не сработали вышеупомянутые наследственно-враждебные импульсы горцев, необходимо прибегнуть к тем традиционным методам и способам, которые в свое время были гарантиями стабильности между этими народами.

Как мы видим, ваинахских племен, к которым принадлежат кистинцы, с грузинами связывает многовековая историческая традиция. Их взаимоотношения в разное время строились на вассальной, партнерской, даже на родственной основах. Вместе с тем, короткие перемирия, нередко сменялись конфронтацией, когда Грузия становилась объектом разбойничьих нападений и набегов со стороны северокавказских племен, в том числе – ваинахских. Во время этих набегов угоняли скот и похищали людей с целью выкупа. Этот факт еще раз убеждает нас в некорректности „аксиологического“ определения культуры, т.е., когда исходя из ценностных критериев, маркировочными характеристиками культуры принято считать только „положительные“, „прогрессивные“, „гуманные“ явления. Недостаток подобных определений состоит в том, что они находятся в непосредственной зависимости от конкретных ценностных ориентации и опираются на условные, исторически ситуативного характера выводы. Необходимо учитывать относительный характер таких оценок. То, что положительно воспринимается в одной исторической ситуации, в других исторических условиях, на следующем этапе развития общества, может приобрести сугубо отрицательный оттенок²³. То, что с сегодняшней точки зрения считается преступлением,

²³ Культура жизнеобеспечения и этнос, Ереван, 1983, стр. 32-33.

противозаконным действием, на определенном этапе истории для ваинахских племен, и не только для них, являлось компонентом одной из подсистем культуры – системы жизнеобеспечения. Оно несло также социальную нагрузку, так как создавало основу для сословной дифференциации²⁴.

Традиции захвата в плен, похищения с целью выкупа, затем превращение пленников в рабов нашло свое отражение в материальной культуре, обычном праве, лексике соответствующих этносов. В языке панкисских кистинцев также сохранился термин „лей“, обозначающий похищенного, неимущего, который, за неимением возможности заплатить выкуп, оставался в вечном услужении у похитителя.

Таким образом, корни обычая похищения людей с целью выкупа следует искать в глубине определенных этнических культур. То, почему эта традиция в сегодняшней действительности возродилась в таких широких масштабах, требует особого исследования. Можно лишь предполагать, что этот факт является логическим результатом консервации существующего положения, характерного для закрытых систем. Процесс социо-культурной адаптации затронул лишь внешнюю сторону системы, вызвав поверхностные изменения, мимикрию, ядро системы же осталось неизменным и при благоприятных условиях возродилось в уродливой форме, утратив свою изначальную функцию.

²⁴ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И., Характер сословных отношений в горной Ингушетии, КЭС, II, 1968, с. 146-147.

Религия в развитии общества

После распада СССР в бывшем социалистическом пространстве под воздействием факторов новой политико-экономической ситуации значительные перемены произошли и в религиозной жизни страны. Освободившись от коммунистической идеологии, верующие получили возможность открыто удовлетворять свои религиозные потребности. Параллельно, различные религиозные группы начали свободно проповедовать свои взгляды, что оказалось весьма удобным поводом для нетрадиционных групп, и они начали быстро осваивать новое пространство, и не безуспешно. Успех был обеспечен по той простой причине, что многолетняя атеистическая пропаганда вызвала отчуждение от традиционных религиозных ценностей. Поворот в сторону религии начался в период перестройки, когда верующие уже смело, не боясь, высказывали свою веру.

Объявив демократические принципы основой государственного устройства, свобода религий, наряду с политической, в Грузии была объявлена одним из главных. Помимо традиционных религий и сект, какими являются православие, католицизм, григорианство, ислам, иудаизм и др., появились и новые направления: кришнаизм, свидетели Иеговы, ваххабизм, новая апостольская церковь и др. Активность действий и солидные финансовые средства способствуют росту численности их приверженцев. В нашем государстве подобное явление, неправильно используя

законодательную базу, прикрывается правами человека и создает опасность государству.

В Грузии, где структуры демократического государства лишь в стадии формирования, где на лицо законодательный вакуум, а ряд из действующих законов противоречит друг другу, где остро ощущаются социально-экономические неурядицы, нарушена территориальная целостность, активность религиозных нетрадиционных групп, имеющих определенные политико-экономические цели может создать некоторую угрозу государственной безопасности. Потенциально носителями такой угрозы могут быть приграничные, компактно населенные этническими меньшинствами регионы. Такой зоной является панкисское ущелье, где сосуществуют с грузинами кистинцы и осетины, которые живут на этой территории с 30-40ых годов XIX и начала XX вв.

Несмотря на разность этническую и религиозную, проживающие здесь этнические группы сумели создать своеобразную субкультуру мозаичного характера. Сосуществование на протяжении многих лет привело к формированию общих характеристик, удачно отразившихся в религиозных отношениях. К примеру: в религиозных грузинских праздниках принимают участие и другие группы, имеют общие святилища, где проводятся почти идентичные ритуалы, что не удивительно, т.к. религиозные воззрения грузинских горцев синкретичны и наряду с чисто христианскими элементами содержат и дохристианские. Также синкретичны верования кистинцев и осетин, из-за чего им легко удалось разделить грузинские религиозные воззрения.

В специальной литературе отмечено, что в XVIII веке в Панкисском ущелье жили только грузины, которые заселяли 19 селений. 8 из них и ныне носят те же названия: Омало, Думастури, Халацани, Цинаубани, Корети, Куцахта, Дедисперули, Кварелцкали. Лезгинские набеги уничтожили часть грузинского населения, какая-то часть переселилась в более безопасные места²⁵.

Осетины появились в ущелье в начале XX века и заняли селения Квемо Халацани, Думастури, Корети, Цинаубани. У панкисских осетин есть свои фамильные святилища в виде маленьких ниш, часть которых привезли с собой, заодно устроили святилища и в покинутых грузинами нишах. Уход за святилищами по очереди осуществляют семьи из одного рода, к праздникам для решения организационных вопросов выбирают хозяина, а застольем руководит старейшина рода „хистари“. Осетины время от времени навещают и святилища своих предков, но параллельно вместе с кистинцами и грузинами принимают участие в таких религиозных праздниках, как алавердоба, праздник в честь ацкурского Тетри Гиорги и т.д.

Первое компактное заселение кистинцев появилось в ущелье в 30-40ые годы XIX века, а переселение отдельных лиц продолжалось и в последующие годы. Кистинцы живут в селах Дуиси (быв. Панкиси), Джоколо, Омало, Биркиани и Шуа Халацани. Этническая группа сохранила родной язык и самобытные традиции. В высокогорье Чечни, откуда иммигрировали кистинцы, в I половине XIX века ислам не был широко распространен и они следовали языческой вере.

²⁵ Мусхелишвили Д.Л., Вопросы исторической географии ущелья Панкиси, Труды Кахетинской археологической экспедиции, I, Тб., 1969, с. 139.

Однако им не было чуждо и христианство. Известный ученый XIX в. У. Лаудаев²⁶ считал, что предки чеченцев были христианами. В Чечено-Ингушетии были „святые места“, как языческие, так и христианские. Их чтили, усердно за ними ухаживали и называли „святилищами предков“.

Тесная культурно-историческая связь между грузинами и ваинахами, а также территориальная близость обусловила наличие общих святилищ. Анаторийское святилище в Хевсурети было именно общим, его посещали чеченцы из Мелхиста и Маисти²⁷. Надо отметить, что на территориях кистинцев были расположены святилища хевсуров, которые принадлежали только им. Общие святилища были у тушин и жителей Чечено-Ингушетии, в которых устраивали совместные религиозные праздники²⁸.

Тесные связи были и у кистинцев и мохевцев. В общественной жизни кистинцев в основном бытовали доисламские традиции, т.е. народные праздники устраивали и по языческим и по христианским обычаям одновременно²⁹.

Из привлеченных нами примеров ясно, что между грузинами и ваинахами исторически существовали тесные культурные связи и поэтому кистинцы без усилий освоили местные святилища и христианские памятники, ставшие и для ваинахов священными.

²⁶ Лаудаев У., Чеченское племя, вып. 6. Тифлис, 1872 с. 27

²⁷ Хизанишвили Н. Этнографические надписи, Тб., 1940, с. 67; Очиаури Т., Мифологические предания горных районов Грузии, Тб., 1967, с. 74; Маргошвили Л., Религиозные пережитки Панкисских кистинцев; Мацне №2, 1978, с. 81-82.

²⁸ Эланидзе В., Вопросы из истории Тушети, Тб., 1978, с. 200.

²⁹ Итонишвили В. Дж., Очерки грузинской этнографии, Тб., 1989, с. 223.

С первых же лет переселения кистинцев в ущелье христианская церковь приступила к миссионерской деятельности – в с. Джоколо построили церковь, открыли духовное училище и к 1866 г. большинство жителей Джоколо и Омало приняли христианство. Учеба в училище и богослужение в церкви велось на грузинском языке.

К концу XVIII и в начале XIX вв. среди ваиных, в особенности в центральной и восточной частях чеченской низменности распространился ислам, в отличие от племен горной Чечни и западных ваиных (Ингушетия), где доисламская вера и традиции оказались более стойкими. Даже тогда, когда ислам превратился в официальную религию, основная религиозная система оставалась политеистической с рудиментными элементами христианства. Вопреки процессу исламизации, древняя вера ваиных не могла исчезнуть бесследно. Частично она и приняла новые исламские интерпретации, но все же сохранила то древнее и традиционное, с незначительными коррективами, что явно не соответствует исламскому учению.

С I половины XIX века ситуация резко изменилась. Ислам объединил северокавказские народы против русских колонизаторов, что вызвало распространение исламских догм и ценностей. По мнению Е. Шиллинга „война с Россией в Чечне создала благоприятную почву для пропаганды ислама, который явился в тот момент особенно удобным идеологическим средством воодушевления национальной борьбы“³⁰.

Переселенные позднее в Панкисское ущелье кистинцы были в основном мусульмане, которые поселились в с.

³⁰ Шиллинг Е. Ингуши и Чеченцы в кн.: Религиозные верования народов СССР, М., 1931, Т. II, с. 10.

Дуиси. Появились проповедники ислама, число которых быстро росло. Следовательно, росло и число их приверженцев. Проповедники приезжали из Чечни, Дагестана и Азербайджана. Внедрялись те направления в исламе, которые были распространены на Кавказе, в частности в Чечне. Таким был суфизм – мистико-аскетическое учение. Деятельность суфийских организации в Чечне была предопределена местными этноконфессиональными особенностями и традициями. Из 12 главных суфийских братств на Северном Кавказе, соответственно и в Панкисском ущелье, распространились два: кадирийя (известный в Чечне под именем кунтхадж) и накшбанд.

Наряду с традиционными для панкисских кистинцев накшбандом и кунтхаджем за последние годы находит распространение религиозно-политическая секта в суннитском исламе - ваххабизм, который возник на аравийском полуострове в XVIII веке. Секта получила название в честь Мухаммада ибн абд ал-Ваххаба (1703/4 – 1787), идеолога учения. Это религиозное объединение ставило себе целью реставрацию ислама времен Мухаммеда (Магомета), основателя ислама. Они признавали лишь Коран – священную книгу мусульман и отказывались от поклонения всему, созданному руками человека, в том числе и могиле Мухаммеда. Не признавали ничего увеселительного (алкоголь, табак, разные возбуждающие средства), развлечения, святых и святилища, служителя религиозного культа – муллу. Особое внимание уделяли джихаду.

Ваххабизм жизнестойкая, сильная секта, учение которой имеет большой успех во многих странах. Она имеет собственную социальную базу и религиозный облик в

мусульманском обществе. Ваххабизм проповедует равенство всех мусульман несмотря на их экономический и социальный статус, строго регламентированные нормы поведения и наружности, чем каждый мусульманин может стать похожим на пророка. Ваххабиты бреют усы, носят длинную бороду. Женщины одеты в платья с длинными рукавами, не показывают лицо, за исключением глаз; изолированы от мужчин.

Ваххабиты отличаются фанатизмом и экстремизмом в отношении своих оппонентов по религиозным вопросам. Развив свою деятельность лишь только в ареале религиозно-идеологическом, а не в общественно-политическом, ваххабизм не получил бы отрицательную окраску³¹. Ваххабиты верят, что истинный мусульманин только ваххабит, остальные грешники. Они стремятся навести порядок согласно исламу путем вооруженного джихада, объявляют войну неверующим и всем, кто не признает одного бога. Такие воззрения создают много проблем обществу и всему миру. Крайний радикализм, метод вооруженной борьбы вызывает протест также среди мусульман.

Панкисские кистинцы считают ваххабитов инакомыслящими: „Нам чужды ваххабиты и их требования также, как и для православных христиан последователи Иеговы“.

Радикальные идейные и ритуальные различия между суффизмом и ваххабизмом часто приводят к конфликту и вооруженному столкновению в мусульманских странах. Так произошло и в Дагестане и Чечне, что имело отрицательное

³¹ Муртазин М., Мусульмане и Россия: к войне или миру?, в журн.: Центральная Азия и Кавказ, общественно-политический журнал № 1(7) 2000 г., изд. в Швеции, с. 146.

влияние на этнополитическую и религиозную ситуацию в регионе. На Северном Кавказе ислам распространился именно через суфизм и нашел опору в национальных традициях, обычаях, этнокультурных и психологических особенностях. Именно поэтому появление ваххабизма в регионе порождает религиозные, политические и культурные противостояния³².

В Панкисском ущелье против ваххабитов выступают местные жители – последователи традиционного ислама. Их быт – свадьба, похороны, система родства, поведение, отношение в семье – всецело подчинены многовековым традициям и регулируются через неписанные законы.

Любые попытки изменения жизненного уклада вызывает отрицательную реакцию. Поэтому отношение к ваххабитам, в особенности со стороны старшего поколения, отрицательное. Среди последователей ваххабизма много молодых людей, которые ваххабитов отождествляют с боевиками чеченской войны, выступавших против России и стараются брать с них пример. Процессы Панкисского ущелья создают некоторую угрозу безопасности республики. Молодежь уезжает учиться в мусульманские страны, где заодно получает идеологический заряд определенного направления, что чуждо традициям этого региона. На фоне интенсивного проповедования новых идей не исключено изменение общественной ориентации.

К сожалению, официальные структуры Грузии надлежащим образом не контролируют ряд регионов, среди них и Панкисское ущелье, где компактно проживают кистинцы и существует опасность политизации религии.

³² Акаев В.Х., Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе, М., 1999, стр.10.

Так случилось на Северном Кавказе, где под лозунгами политизированного ислама объединились радикальные направления, нетолерантно настроенные против традиционного ислама. Между осетинами и кистинцами Панкисского ущелья в последнее время чувствуется напряженность отношений. Определенная часть осетин переселилась во Владикавказ, оставшаяся же часть осталась совершенно незащищенной, что обратили в свою пользу представители разных религиозных сект.

В с. Корети новая апостольская церковь построила молитвенный дом, привлекла сельчан незначительными дарами и по воскресеньям совершает богослужение. Бедствующему и неуверенному в будущее населению в качестве спасителя предлагают себя и, разумеется, экономическая мотивация более приемлема для людей, чем религиозная. Сильные с финансовой точки зрения религиозные группы в этом регионе (как и во всей Грузии) нашли плодородную почву для своей деятельности, что в дальнейшем может стать фактором дестабилизации. В создавшихся условиях внимание со стороны центра к данному региону может удержать в пределах возможного хотя бы реально существующую ситуацию.

Несмотря на распространенный в последующем периоде ислам, фактор конфессионального единства, имеющий место в определенное время, сыграл огромную адаптационную роль в сближении различных этнических групп. Среди кистинцев, оказавшихся в окружении грузин, значительно ослабла традиционная замкнутость, социальный контроль группы над целым рядом аспектов личной жизни индивида, регламентация поступков, т.е. значительно

смягчилась строгая иерархическая зависимость между элементами структуры, характерная для закрытых систем. Все выше сказанное, конечно, не означает качественное изменение данной этнической системы. Изменение было относительным по сравнению с исходным состоянием данной этнической системы.

Грузины и кистинцы относятся к одному и тому же типу этнокультурной системы, в которой место личности со дня рождения имеет статусное определение в иерархии данной системы. Самореализация личности происходит в рамках этой системы и воспринимается как занятие определенных социальных позиций в иерархической структуре. Таких культур характеризует детальная регламентация поведения в любой ситуации, будь то прием гостей, скорбь или радость, взаимоотношения между возрастными группами, при возникшем конфликте и т.д. Эти санкционированные нормы поведения оформлены в виде этикета, социальных институтов и закреплены в традиционных культурах того или иного этноса. В быту кистинцев, по сравнению с грузинами, намного сильнее сохранились внешние проявления этикетных норм: формы приветствия и прощания, проксемическая ориентация пространства, порядок распределения и подачи пищи, взаимоотношение между членами семьи с учетом возраста и пола и т.д. В быту кистинцев по сей день сохраняется обычай избегания и эвфемистического обращения. Подобные обычаи имели место и у грузин, особенно у горцев.

Среди населения Панкисского ущелья широкое распространение имела древняя традиция побратимства. Вместе с такими же древними институтами кровомщения

и гостеприимства, побратимство является результатом действия социальной адаптации в процессе развития общества и универсальной формой коллективной безопасности и самозащиты. Все три института в Панкисском ущелье по сей день несут живую функцию.

Как уже отмечалось, в Панкисском ущелье обстановка изменилась за последние десять лет. После распада Советского Союза, невиданный всплеск на всем его пространстве этнического самосознания и самоопределения не миновал и местное население. Вплоть до этого периода кистинское население ущелья полностью было ориентировано на Грузию, тесно связано с ней социо-культурными, политическими, экономическими узами. Здесь же следует отметить, что упрочению отношения между грузинами и кистинцами послужило и то обстоятельство, что панкисских кистинцев не коснулись репрессии 40-ых годов, проводимые советским правительством против чеченцев и ингушей. Экономическая миграция кистинцев в Чечено-Ингушетию, начавшаяся с 60-70-ых годов, не ослабила эти узы. Выезжавшие в г. Грозный и другие места Чечено-Ингушетии на заработки кистинцы сохраняли за собой в Панкисском ущелье дома и своей родиной по прежнему считали Грузию. Ситуация кардинально изменилась после первой чеченской войны. Якобы одержанная чеченцами в этой войне победа вызвала резкий подъем чувства этнической и конфессиональной общности. Особенно ярко это проявляется у молодежи. К этому добавилось переселение чеченских беженцев и деятельность ваххабитов. Начался неизбежный процесс дезадаптации. Распадаются установившиеся и упрочившиеся в течении веков взаимосвязи.

Среди самых кистинцев зарождается конфликт между поколениями. Старики жалуются, что уже не в состоянии подчинить молодежь, ослабла вековая традиция беспрекословного повиновения младших старшим по возрасту. Молодые со страстью неопитов соблюдают религиозные догмы и требуют того же от пожилых людей, которые придерживаются норм традиционного ислама.

Традиционная система правления

За период почти двухсотлетнего совместного проживания грузин (пшавов), кистинцев (генетические чеченцы) и осетин в Панкисском ущелье, сложился единый социальный организм, со своими сложностями, противоречиями, но и с крепкими взаимосвязями.

Панкисское население, подчиняясь государственным и административным требованиям, не создавало проблем местному правлению. Однако, хотя и нарушались нормы общественного порядка (кражи, драки, убийства и др.), но как было сказано, традиционные механизмы общения, ведения следствия, принятия решений (посредством переговоров, обсуждения и т.п.) способствовало мирному сосуществованию. Так продолжалось до 1990 года. Однако в последние годы XX века ситуация в Панкисском ущелье в корне изменилась. После распада Советского Союза, в данном полиэтническом регионе в отношениях между упомянутыми группами исчезла гармония и осложнились коммуникации. Тяжелые экономические условия, безработица и что главное, российско-чеченский конфликт и последующая война между ними оказали значительное влияние на политическую, экономическую и духовную жизнь всего Кавказа, и в частности, Панкисского ущелья, что и внесло коррективы в межэтнические отношения в регионе. С появлением в Панкиси чеченских и проживающих в Чечне кистинских беженцев, радикально изменилась демографическая ситуация в ущелье, что со своей стороны повлияло на структуру поселения всего ущелья - изменилась морфология, топография, религиозный состав, эконо-

мические, хозяйственные и другие параметры. Несколько тысяч беженцев разместились среди генетически родственных кистинцев, что создала труднейшую бытовую и экономическую ситуацию. Местные кистинцы искали выход из положения. Они заняли оставленные осетинами дома (после грузино-осетинского конфликта в начале 90-ых годов, часть осетин переехала в Северную Осетию), кроме того, притесняли оставшихся осетин, чтобы вынудить их оставить ущелье. Кистинцы в оправдание своих действий утверждали, что осетины заслуживают этого, так как они предали Грузию своими сепаратистскими требованиями. Кроме того, кистинцы, как первопоселенцы, считают себя хозяевами Панкисского ущелья. По их мнению, осетины, как пришлые, не оценили гостеприимство грузин. Но натянутые отношения складывались и между грузинами и кистинцами. Дело в том, что возрастающие масштабы криминогенной ситуации грузины связывают с кистинцами.

Надо особо отметить то, что жители всех национальностей беженцев – чеченцев характеризуют положительно; по словам информаторов, «они культурные, порядочные люди; ничего плохого они не делают, а криминалы бывают в каждом народе».

Серьезное противостояние возникло внутри кистинского общества – активизация представителей радикального ислама, конкретно, ваххабитов, разделила кистинцев на две части.

Новые ценности – деньги и оружие оказали осязаемое влияние на молодежь. Сюда же следует отнести и применение наркотиков. Все это подталкивало криминальных элементов к воровству, мародерству и похищению людей.

Кистинцы, после переселения в Грузию, в течение определенного времени еще придерживались традиционных обычаев и обрядов. Однако традиционная форма правления свою влияние все же теряла. Но ввиду того, что официальные структуры в последнее десятилетие не смогли справиться с преступностью, а авторитет государства – эта высшая ценность – подорван, старейшины общества решили обратиться к традиционным формам и методам соблюдения порядка.

Раньше управление общественной жизнью в высокогорных чеченских обществах Маиста и Малхиста, до их переселения в Панкисское ущелье (в условиях отсутствия государственности, даже после присоединения к России), происходило согласно традиционному праву – адату, (а не по шариату, т.к. население еще не приняло мусульманскую веру). Все стороны общественной жизни регулировались сельским и общинным собранием „пиега“, в составе совершеннолетних сельчан мужского пола во главе самого пожилого представителя „юрт уохсаг“. Рассматриваемые вопросы – создание военных отрядов, защита границ, сельскохозяйственные вопросы, проблемы соблюдения моральных норм, наказания или помилования членов общины и т.д. решались большинством голосов. Вопросы личного и правового характера (брак, кровная месть и др.) рассматривались специально избранными для конкретного случая медиаторами „хелхой“, окончательное решение которых исполнялось беспрекословно. Следует отметить, что общекавказскую традицию почитания старшего поколения чеченцы чтити подчеркнуто, сегодня же некоторое притупление этой традиции вызывает среди кистинцев определенную обеспокоенность.

Переселенцы-кистинцы в совершенно новых для них условиях, в Грузии усвоили сельскохозяйственные, локальные скотоводческие навыки местного населения. Стали двуязычными, дружили с местным населением и подчинялись административным требованиям, не создавая проблем местному правлению. Свое хозяйство вели и по традиционным обычаям: после сбора урожая убирали межи между участками и на общем земельном участке пасли скот; переделом земельных участков (в условиях недостатка осваиваемых земель) руководило общее собрание; использованием сельских окраин, установлением распорядка пастьбы, ремонтом мостов и дорог совместными силами, определением мер наказания для недостойных односельчан, взаимопомощью, организацией труда и многими другими вопросами в кистинских селах Панкисского ущелья (а также в осетинских и пшавских селах) занималось общее сельское собрание. Что касается личных правовых вопросов, таких как брак, похищение невесты, кровная месть, то ими занимались лица, избранные специально для урегулирования подобных проблем (хелхой).

Таким образом, формы традиционного правления среди панкисских кистинцев были довольно сильными факторами, равно как и традиции гостеприимства и почитания старшего поколения. Однако за последние годы, по сравнению с 70^{ыми} годами прошлого столетия (существуют материалы экспедиции этих лет), упомянутые традиции ослабевают, что отрицательно сказывается на поведении молодого поколения. В результате часть панкисской молодежи, которые являются лидерами новых направлений и которыми восторгается большая часть

молодежи, несмотря на неодобрение старших, стала приверженцем ваххабизма. Подобное неповиновение лет десять тому назад было бы недопустимо (не считая единичных случаев). Однако с уверенностью говорить, что неповиновение стало общим явлением, тоже нельзя, т.к. родители на каком то уровне могут справляться со своими детьми, в том числе и юношами, которых они заставили (с. Омало и Дуиси) сбрить бороды, чтобы их не приняли за ваххабитов.

Кистинцы стараются применить механизмы традиционного правления. По инициативе старейшин были сформированы отряды блюстителей порядка, были выявлены криминальные группы, был освобожден заложник – азербайджанец. В с. Дуиси специально созвали собрание, чтобы выразить отношение местного населения к ваххабитам. Отметим, что симпатия к ваххабизму разбивает панкисских кистинцев на два лагеря, создавая тем самым опасность единству населения в целом, что строительство ваххабитской мечети против воли старшего поколения означает полное игнорирование хозяев, и они могут „выдворить ваххабитов из ущелья“. Собрание осудило также случаи воровства и бандитизма и призвало кистинцев к восстановлению порядка и покоя. Однако постановление собрания не привело к ощутимым результатам и за время работы экспедиции имели место новые преступления. Из с. Каклиани с целью вымогательства денег молодые похитили пожилого мужчину, а в с. Дуиси случилось убийство и т.д.

Утратил свои функции и суд присяжных. Уже четыре года, как суд не может помирить семьи Кавтарашвили и

Горгашвили, враждующих между собой на почве кровной мести. Близкие убитого, который сам был виновен в случившемся, отказывают почтенным посредникам – старейшинам в просьбе помириться. Подобное неуважительное отношение к суду и старшему поколению в старину также заслужило бы суровую кару, однако сегодня в Панкисском ущелье кистинские традиции заметно пошатнулись.

Теряет свои функции и авторитет сельского собрания осетин. Большая часть осетинского населения покинула ущелье, и их место заняли кистинцы и чеченцы. В таких смешанных поселениях чувствуют себя притесненными и оставшиеся на местах осетины, которые тоже собираются перебраться в Северную Осетию. Старейшины с. Корети призвали осетин из соседних сел на собрание с целью привести к присяге в том, что оставшиеся осетины не покинут село, а если и покинут, не продадут дома и усадьбы кистинцам. Призвали также осетин из соседних сел, переселиться в Корети, что даст всем возможность сохранить свое единство. Данной на собрание клятвы пока придерживаются, никто не покидает Корети, однако переселиться туда никто пока не собирается.

В Панкисском ущелье бытовала традиция, согласно которой в случаях неурядиц между грузинами, осетинами и кистинцами дело разбиралось почтенными старейшинами всех трех этнических групп, решение которых беспрекословно выполнялось. Подобные факты на межэтническом уровне не были зафиксированы экспедицией.

Таким образом, в Панкисском ущелье, с целью урегулирования проблем местного населения, на лицо

попытки использования механизмов традиционного правления, однако с минимальными результатами. Респонденты обеспокоены подобным обстоятельством. По их мнению, „уважение к традициям и старшему поколению, их влияние на молодежь все еще не утратило свою силу (имеют в виду хорошо воспитанных молодых людей), но для криминогенных элементов старшее поколение ничего уже не значит“. Традиционный суд все еще существует, но не для всех. Есть и совет старейшин и вместе с „сакребуло“ (государственный орган местного правления) старается навести порядок“. Как выяснилось, с советом старейшин сотрудничают и представители беженцев, также стараясь навести порядок.

В последнее время ситуация в Панкисском ущелье меняется. Правоохранительные органы смогли навести порядок в ущелье, разоблачены криминальные группы, изъято оружие и т.д.

Агрессия в обществе и традиционная социализация детей

В настоящее время среди некоторых беженцев - мужчин из Чечни, чувствуется высокая агрессивность и неэтичное поведение, которое выражается в пренебрежении по отношению к местным жителям. По нашему мнению, это является результатом не только того, что они выдают себя за «героев победителей, которых не карают», а с социально-антропологической точки зрения этому способствует и традиционная культура, выраженная в воспитании в воинственном духе с малых лет. Такие люди способствуют становлению отрицательного импульса не только по отношению к чеченскому народу, но и к панкисским кистинцам со стороны местного (грузинского и осетинского) населения. Как показывает этнографический материал, трудовое воспитание кистинских юношей, в отличие от девочек, начиналось в более позднем, десятилетнем возрасте. В процессе трудового воспитания мальчики получали и физическую закалку, хотя их физическое развитие этим не исчерпывалось. Мальчики, согласно традициям, должны были быть умелыми наездниками и храбрыми воинами. Поэтому в них с малых лет воспитывали выносливость, приучали к седлу, оружию и стрельбе по мишени. Так как многие из юношей имели собственное оружие и коня, они принимали участие в конно-спортивных состязаниях и вооруженных столкновениях. Подобному воспитанию, помимо того, что конно-спортивные состязания были самым популярным народным праздником, способствовала и древняя традиция кровной мести.

Усиленный интерес воспитателей к мальчикам объясняется тем, что эти последние по своей натуре слишком активные и неугомонные, что со стороны взрослых традиционно всегда имело высокую оценку, и их физическая сила, энергия и агрессивность заслуживали усиленную дисциплину в социализации. Мальчикам с раннего возраста предоставляли большую автономию. Что же касается социальной активности вне дома, то в кругу сверстников большое значение имело формирование мужского стиля. Одним словом, мальчиков готовили к общественной деятельности за пределами дома, чему и способствовала предоставленная им большая независимость.

Воспитанию определенных сторон характера (воля, чувство коллективности, справедливости, стремление к победе) у мальчиков служат такие игры, в которых ярко выражены соревнование и иерархичность и которые тем самым рассматриваются как путь к достижению высокого социального статуса.

В социализации детей значительную роль играют групповые игры – верховая езда, бег, стрельба из лука. За последнее время распространена „игра в войну“, в особенности среди детей беженцев-чеченцев. Дети копируют реальность: здесь и окопы, и взятие „в плен“ и т.д. Они рисуют танки, самолеты, разные батальные сцены и др. В играх детей находят место и наркотики – торгуются как настоящие продавцы и покупатели наркотиков.

Воспитывая мальчиков, взрослые стараются, чтобы они росли дерзкими, наглыми, смелыми, отважными, решительными и упорными. Слабых и трусливых никто не уважает. Выражением смелости и храбрости считают драку, ругань, сквернословие, чему и учат подростков. Но

особенно уважают бесстрашных и подвергают детей разным испытаниям, напр.: посылают ночью на кладбище за каким то пустяком. Даже маленькие девочки хотят замуж за таких смельчаков, которые голыми руками „могут содрать шкуру с живого медведя“. Помимо вышесказанного, воинственность воспитывается и на примере исторических фактов из жизни известных народных героев, истории которых охотно рассказывают детям. Что касается кистинских и чеченских детей, для них герои - это чеченцы-воины, которыми гордятся и которых во всем оправдывают.

Система такого воспитания не чужда кавказским народам; например в Грузии, согласно этнографическим материалам (архивы А. Очиаури, М. и Н. Балиаури, хранящиеся в Институте истории и этнологии им. И. Джавахишвили АН Грузии), система воспитания юношей была особенно усовершенствована в Хевсурети. Помимо того, что отец своего сына с малых лет развивал физически - учил фехтованию, стрельбе из лука, состязанию в силе, существовали такие праздники, где юноши и мальчики состязались в беге на определенную дистанцию, в метании камня, прыжках в высоту, в рукопашном бою и взятии в плен врага. Все это проф. В. Бардавелидзе³³ должным образом воспринимает, как определенную систему воспитания воинов - членов общины. Учитывая все это, становится ясным, почему характер подростка-хевсура, и даже его детские развлечения, носят ярко выраженную мужественность и воинственность.

³³ Бардавелидзе В., Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тб., 1957.

В играх детей-тушинцев пережитки воинственного воспитания менее ярко выражены, чем у хевсуров. Однако в Цова-Тушети обнаружены уникальные по своему содержанию игры. Одна из них древняя игра „взятие в плен“, когда две группы детей воюют между собой из-за границ и каждая группа пытается заполучить как можно больше пленных³⁴.

В Панкисском ущелье среди мальчиков особым одобрением пользовались групповые игры, развивающие проворство и ловкость („лахтаоба“ – игра в ремни, „осел и сторож“).

Так что, социализация ребенка через воспитание в горных регионах традиционно проходила на фоне агрессивности.

³⁴ Гогоберидзе Н., Народные традиции воспитания в горной части восточной Грузии (Игры и игрушки), Тб., 1974, (на груз. яз).

Причины депопуляции общества в постсоветском пространстве.

Субъектом системы популяционного воспроизводства являются этнос, этнические группы. Этничность в широком понимании включает в себя групповое родство. А родство тот феномен, который обуславливает рост – развитие общества и подобно популяционному воспроизводству является источником размножения – восполнения социума. Система популяционного воспроизводства и родство носят одинаковые – биологические аспекты, которые на фоне социальной адаптации создают все условия для размножения членов общества.

Организованность родства и популяционного воспроизводства выражена фиксированными на практике соответствующими обрядами, типизированными формами и средствами. Все эти признаки присущи любой этнической или конфессиональной группе, определяя специфику культуры каждой из них.

Как общественные системы, популяционное воспроизводство и родство являются непременным условием во времени для жизнеобеспечения общества. А это означает, что полученные по наследству традиции, культура, образ жизни перманентно передается от поколения к поколению. Жизнеспособность популяционного воспроизводства обусловлена динамичными процессами хозяйственных, социальных, управленческих и идеологических систем.

В системе популяционного воспроизводства Панкисского ущелья подавляющее большинство населения – кистинцы. Поэтому их биологическое воспроизводство

определяет функционирование механизмов единой системы существования людей в Панкисском ущелье. Родство в системе популяционного воспроизводства кистинцев обусловлено брачными союзами и функциональным назначением семьи. Брачные союзы рассматриваются с точки зрения моноэтнических и интерэтнических браков, где территориально – пространственный ареал и поселение сочетавшихся браком в макро– или микросреде играют значительную роль.

Брак среди кистинцев моноэтичен до настоящего момента, что способствует регуляции этнокультурных форм, доминированию традиционных морально-правовых норм и их функционированию и, что главное, сохранению этнического самосознания. Внутренние браки среди панкисских кистин закономерно удовлетворяют потребность в потомстве и рождаемостью и размножением регулируют систему популяционного воспроизводства. В рамках одного этнического и конфессионального круга биологическое воспроизводство, учитывая моральные аспекты, обуславливает культурные традиции, аккумуляцию и функционирование стереотипов поведения и эндогенных институтов.

В системе популяционного воспроизводства дети от смешанных браков имеют разную нагрузку: они либо вовсе не участвуют в системе популяционного воспроизводства (территориально отдалены), либо, имея раздвоенное самосознание (грузин-кистинец, осетин-кистинец, русский-кистинец и т.д.), не опираясь в полной мере на традиционную культуру, точно не соблюдают свои культурные ценности и не принимают полноценного участия в управлении кистинским обществом, в идеологических, правово-нормативных и др. процессах.

Кистинцы строго соблюдают присущие их быту брачные порядки и ритуалы. Однако грузинское окружение сыграло определенную роль в этой области. Несмотря на то, что у кистинцев выбор партнера строго регламентирован, не редки случаи вступления в брак с представителями различных конфессиональных и этнических единиц. В качестве партнера выбирали грузин, русских, осетин и т.д. Однако такие браки или недолговечны по причине несовместимости культур, например, по нашим материалам брак кистинца с русской оказался недолгим, они разошлись. Дочь, которая согласно кистинским обычаям принадлежит отцу, мать забрала с собой в Россию и отношения между отцом и дочерью прекратились; или же родство прекращается по случаю смерти иноэтнического или иноконфессионального партнера. В таком случае у детей от смешанного брака, оказавшихся в окружении родственников живого родителя (напр. кистинца), под воздействием этого самого окружения появляется горделивое чувство самосознания этнической (в данном случае кистинской) принадлежности, а родственная связь с окружением умершего родителя (матери в данном случае) теряется.

Итак, дети от смешанного брака или вообще не принимают участие в системе популяционного воспроизводства изучаемого общества, или же имея раздвоенное этническое самосознание, не могут следовать присущим данной этнической группе порядкам и культурным ценностям. Разумеется, такого рода участие будущего поколения в популяционном воспроизводстве общества имеет или отрицательный или несовершеннохарактер.

В социальном быту панкисских кистинцев семья – тот феномен, который рождаемостью и размножением,

степенью потребности на потомство и ее удовлетворения обеспечивает жизнеспособность социума.

Преобладание мужчин в семье считается гарантом богатства и силы. Мужчина регулировал отношения семьи, членов рода с макро- и микромиром, защищал их интересы и права. Многодетность у кистинцев связана с многоженством, и приоритетным началом является возросшая потребность иметь детей, преимущественно мужского пола, основным компонентом чего является «продолжение гена» и идея сильного рода.

Кистинская семья, где дочери являются подавляющим большинством, считается неполноценной. В таком случае кистинцы прибегают к двоеженству, т.к. ребенок мужского пола в семье залог продления рода. Эту традицию кистинцы чтят неукоснительно, она довольно сильно укоренилась в их сознании. Поэтому кистинец, не имея сына от первой жены, обязан ввести в дом вторую. Дочерей кистинцы ни во что не ставят, они не продолжатели рода. Конечно, дочери не всегда одобряют вторичную женитьбу отца, тем более, если вторая жена отца им приходится мачехой, однако важна и другая сторона двоеженства - в семье необходим мужчина - в качестве сына - хозяин семьи. И еще один немаловажный фактор - много братьев в семье богатство. Вводят вторую жену в семью и тогда, когда от первой не имеют детей вообще. Если жены между собой не ладят, первая жена может вернуться в отчий дом, однако детей (если они у нее есть) увести не имеет право - они остаются с отцом.

Причиной двоеженства или многоженства панкисские кистинцы в основном считают бездетность, в особенности не имение сына. Причиной может служить и капризный характер первой жены. Информаторы сообщают, что

многоженство в Панкисском ущелье и среди чеченцев было менее распространено. Более того, они не признают многоженство мусульманским обычаем, т.к. считают его богохульством.

Таким образом, двоеженство в сознании кистинца лишь обязательное условие для размножения, продолжения рода, роста численности населения и опять таки, опираясь на традиции, значительный элемент в системе популяционного воспроизводства общества.

Начиная с перестройки и далее, с усилением ваххабитского движения, кистинцы атаковали осетин под девизом: «Вы должны уехать отсюда, вы – пришельцы». Осетины, обеспокоенные мародерством, пребывающие в постоянном страхе перед неожиданными нападениями вооруженных групп, в массовом порядке покидают свои жилища и отправляются в эмиграцию. В опустевших осетинских селах остались лишь старики, пожилые и население фертильного возраста. Естественно, подобная демографическая картина негативно влияет на систему популяционного воспроизводства осетин, постепенно снижая уровень биологического воспроизводства. Оставшиеся старики и малочисленное население фертильного возраста не является той производственной силой, которая может пополнить социум через рождаемость и сохранить нормы традиционного поведения. Здесь физически отсутствует то поколение, которое должно участвовать в биологическом воспроизводстве и то, которое по наследству должно принять эстафету традиционной жизни. Массовая эмиграция оставила осетинские семьи без будущего поколения. Пожилые и малолетние физиологически лишены возможности пополнить население через рождаемость, и поэтому

удельный вес осетин в системе популяционного воспроизводства характеризуется негативным балансом.

С одной стороны, острота политической и демографической ситуаций приводит к кризису в семьях панкисских осетин, где степень потребности и возможности иметь детей несоразмерны, и спад рождаемости упирается в депопуляцию общества, а с другой стороны, эскалация напряженности между кистинцами и осетинами с последующими результатами направлена на деморализацию государства.

Напряженные отношения между панкисскими кистинцами и грузинами не сводятся к территориальным претензиям, ибо каждый кистинец твердо усвоил, что земля, на которой они живут, - неотъемлемая часть единой Грузии, однако и здесь то же тяжелое политическое и экономическое положение, успешный наркобизнес и сложная криминогенная ситуация определенным образом влияют на дальнейшее пребывание грузинского населения в ущелье. Большинство кистинцев отрицательно относится к той части молодежи, которая, угрожая оружием, грабит грузинское население. Установившиеся между грузинами и кистинцами за время их совместного проживания свойственные связи и искусственное родство в виде побратимства сегодня теряют свое прежнее содержание. Бытовые отношения, которые ограничиваются участием в свадебных церемониях и похоронных ритуалах, никак не уместаются в старой глобальной системе благорасположения, которая на протяжении веков функционировала в ущелье. Факт, что среди ущемленных, наряду с осетинами, есть и грузины. В такой ситуации в системе популяционного воспроизводства Панкисского ущелья биологическое воспроизводство грузин, на фоне рождаемости и размножения, не

удовлетворяет растущей потребности в потомстве и поэтому уровень удовлетворения потребности низок. Причина проста – молодежь покидает ущелье, в селах остаются лишь пожилые и старики, которые, так же, как и осетины, не покидают землю предков. Следовательно, биологическое воспроизводство не является для грузинского населения жизнеобеспечивающим условием, а это в какой-то мере отрицательно влияет на сохранение целостности страны.

Таким образом, сформированная в сложившейся за время совместного проживания социальной среде этнокультурная доминанта кистинца, который чтит обряды своих предков, была уравновешена традиционными стереотипами поведения и моральными нормами. Высказывая протест против неприемлемых для них новых обычаев, кистинцы тем самым способствуют продолжению традиций отцов и сохранению самобытности. Жизнеобеспечение кистинцев было основным условием воспроизводства популяционной системы с целью воспроизводства самого кистинского общества.

Проблемы глобальной модернизации, характерные для постсоветского периода, вызвали у населения Панкисского ущелья психологический стресс, что отрицательно повлияло на отношения кистинцев как с макро, так и с микромиром; были нарушены баланс культурно-исторических контактов и внутренняя целостность. Объективные и субъективные предпосылки привели к чередованию социумов, выразившегося в массовой эмиграции осетин, частичной эмиграции грузин и миграции в ущелье чеченских беженцев. В результате, в грузинской макросреде налицо дезинтеграция локальных культур, изменение демографической картины Панкисского ущелья,

расстройство коммуникационной сети и интерэтнического поля.

Распространение ваххабизма среди панкисских кистинцев внесло коррективы в традиционные духовно-моральные нормы и стереотипы поведения; произошли нивелирование традиционных обычаев и девальвация духовно-моральных ценностей и санкционированных норм поведения. Отчуждение явилось прямым результатом той криминогенной ситуации, которая нарушила внутреннее единство и стабильность населения Панкисского ущелья и отразилась непосредственно на системе популяционного воспроизводства.

В системе популяционного воспроизводства полиэтнического общества Панкисского ущелья, на фоне тяжелых политических и экономических условий, а также напряженных религиозных отношений заметны признаки депопуляции по всем ее параметрам – по рождаемости и размножению, морально-этическим нормам, проблемам наследственности. Там, где рост и развитие биологического воспроизводства находится на грани минимума, коэффициент духовно-моральных идеалов низок, и линия перманентной передачи традиций от поколения к поколению оборвана, в целом же уровень воспроизводства общества характеризуется дисбалансом. В результате возникает неполноценность семейных и брачных союзов, что ведет к расстройству функционального механизма родства и родственных отношений. Именно такие противоречивые моменты создают угрозу перерастания латентного конфликта в открытый. Нерегулируемая обстановка, направленная на эскалацию противостояний между этническими группами,

негативно влияет на систему популяционного воспроизводства и государственную безопасность.

Для жизнеспособности систем популяционного воспроизводства и сохранения родства необходимо непрерывно передавать от поколения к поколению традиции, обычаи и обряды. Общественный быт панкисских кистинцев консервативен, они чтят традиции и не допускают отклонений.

Информаторов больше всего беспокоит то, что растет отчуждение молодежи к традициям своих предков. Виной тому они считают то бедственное положение, в котором оказалось население, высокую криминогенность, приток наркотиков и т.д. Одним словом, молодежь не подчиняется старшему поколению, постепенно отходит от него и проявляет к нему неуважение. В результате, обесцениваются и культурные ценности. Сегодня молодежь старается, при первой возможности покинуть регион, а потому не придерживается законов популяции группы. Размножение не имеет фиксированной установки, и не подразумевает групповое самосохранение в регионе.

Маргинализация общества, которая на данном этапе присуща Панкисскому ущелью, рождает теньевые нормы поведения. Они разрушают стандарты традиционных стереотипов и субординационных связей в обществе³⁵.

³⁵ Албакова Ф., Современные проблемы развития традиционной вайнахской культуры, Общественно-политический журнал “Центральная Азия и Кавказ”, № 4 (5), 1999, Швеция.

Экономическое состояние региона

Все вышесказанное протекает на фоне сложнейшего социально-экономического положения в ущелье, сложившегося в последнее десятилетие, в контексте упадка производительных сил и экономики всей республики.

Казалось бы, после проведения значительных реформ – отмены государственной собственности и реализации частной и всех других форм собственности должно было произойти экономическое сближение всех этнических групп Панкисского ущелья. Однако внутренние неурядицы, чеченская война и напряженные на этой почве грузино-русские отношения отрицательно повлияли на экономическое развитие всего ущелья и общественную безопасность этнических групп.

С точки зрения общей экономической интеграции, Панкисское ущелье для Грузии – малый территориально-производственный комплекс с небольшими природными ресурсами и внутриущельным потенциалом. Несмотря на это, полиэтничное общество прилагает все усилия, чтобы решить проблемы экономического развития именно с этими ресурсами и потенциалом.

С переходом на рыночные отношения, сельскохозяйственные земли разного назначения (виноградники, фруктовые сады, пашни и т.д.) были разбиты на отдельные участки и переданы населению в частное владение.

Предполагалось, что с внедрением частной собственности начнется рациональное освоение земель и быстрое возрождение аграрного сектора, но все получилось иначе. Большая часть бывшего советского имущества оказалась в руках тех номенклатурных работников, которые распо-

лагали незаконно накопленным. Они, фактически частные собственники, ушли в теневую экономику. Соответственно при демократическом строе в хозяйственно-коммерческом и частном секторах оказалась малая часть населения. И все же, приватизация сыграла большую роль в формировании рыночной инфраструктуры в регионе. Несмотря на тяжелые социально-политические условия, некоторые все же занялись фермерско-семейным предпринимательским бизнесом, который пока носит полунатуральный характер. Одним из критериев такого бизнеса является равноправное участие членов семьи в создании семейной экономики, в распределении работ по хозяйству. Основными отраслями такого хозяйства являются традиционные земледелие и скотоводство. Несмотря на отсутствие практического опыта, в условиях экономической незащищенности определенное количество семей сумело сделать первые шаги в бизнесе.

Допущенные в приватизации серьезные ошибки, отсутствие гарантий экономической безопасности стали причиной безработицы, игнорирования экономических прав и ряда других негативных явлений. Одним из таких явлений стал процесс экономической миграции. Интеллектуальные и работоспособные силы из всех этнических групп в поисках работы покидали пределы не только ущелья, но и республики.

Среди негативных социальных явлений самыми тяжелыми, учитывая последствия, являются воровство, бандитизм, мародерство, похищение людей, которые создают угрозу социально-экономическому развитию и экономической безопасности ущелья. Преступления совершают криминальные группы в составе кистинцев и

представителей других национальностей. Такая ситуация способствует продлению депрессивного состояния экономики. Между этносами возникают конфликтные ситуации, от урегулирования которых во многом зависит социально-экономическая безопасность.

Растет недоверие к силовым структурам из-за того, что они плохо выполняют свои обязанности и не могут обеспечить соответствующих условий для подъема экономики. Среди населения усугубляется состояние апатии и индифферентности. Все вместе взятое ставит под угрозу развитие рыночной экономики в ущелье.

Экономическая безопасность Панкисского ущелья является частью системы экономической безопасности Грузии, в основе которой лежит независимость страны. С точки зрения национальной безопасности экономика – самое незащищенное звено. Обеспечение сегодня экономической безопасности в регионе, соседствующем со страной, находящейся в состоянии войны, что создает для ущелья, и не только для него, реальную опасность, – одна из значительных и в то же время сложных проблем государства.

Естественно сегодня, в условиях сложной внутренней и внешней политической ситуации, элементы капиталистических отношений развиваются слабо. По мнению населения ущелья, нет никаких положительных сдвигов в этом направлении. Однако проведение реформ, изменение форм собственности, зачатки рыночной экономики постепенно могут создать основу для капиталистического строя.

Для стратегии безопасности и нормального развития общества большое значение имеет экономическое состояние среды обитания этого общества.

Географические, природные и климатические условия, особенности рельефа, плодородность почвы и др. во многом определили характер сельского хозяйства Панкисского ущелья. Земельные и лесные угодья, воздух и водные ресурсы составляют природные богатства края. Здесь имеются пахотные, посевные и сенокосные луга, а также пастбища - альпийские и субальпийские.

Растительный покров сенокосных полей сравнительно высокостебельный, чем на пастбищах, калорийный для корма животных. Леса, расположенные выше пастбищ, смешанного типа, богаты дикими плодовыми деревьями, которые служат удовлетворению потребностей местного населения с точки зрения собирательства и разведения свиней. Здесь же, в Бацарском ущелье находится тиссовый заповедник, уникальный в своем роде. Хотя с геологической точки зрения ущелье мало изучено, в специальной литературе (Албуташвили, Маргошвили) есть сведения о наличии различных видов полезных ископаемых: серебра, меди, железа, марганца, горного хрусталя, гранита и т.д.

Одна из главных составляющих экономической защищенности, эта охрана природных ресурсов и их рациональное использование. Непременным условием развития и усовершенствования земледельческих отраслей в исследуемом регионе являются народные почвоохранные способы. Богатый народный опыт и практика размещения и развития хозяйственных отраслей используется и по сей день.

В виду того, что регион полиэтничный, каждая этническая группа (имеются в виду кистинцы и осетины) в свое время успешно прошли процесс адаптации и быстро усвоили сельскохозяйственные традиции местного

населения, привнеся и свои. Исторически для кистинцев приоритетной отраслью сельского хозяйства было скотоводство, а полеводство было вспомогательным и нередко даже незначительным по своему значению³⁶. Предположительно, что до появления кистинцев в этом крае местные леса и земли были освоены кахетинскими свиноводами. Однако, у панкисских кистинцев, в виду того, что они мусульмане, свиноводство не имело успеха. Им занимаются только осетины-христиане и грузины.

Таким образом, грузины, панкисские кистинцы и осетины занимаются животноводством (крупный и мелкий рогатый скот), земледелием (плодоводство, виноградарство) и ремесленничеством.

В связи с земельной реформой государственные земли разного сельскохозяйственного назначения, разделенные на соответствующие величины участки, были переданы в частные владения жителям ущелья местными приватизационными комиссиями, созданными в конце 1992 года. В начале 1993 года реформа была завершена. Участки были распределены поровну, по каждому дыму, однако, в зависимости от плотности населения, участки были неодинакового размера: в густонаселенных селениях по 0,50; 0,55 и даже 0,40 сотых га, а в редконаселенных - больше.

Вместе с земельной регистрацией была проведена и регистрация связанного с данным участком недвижимого имущества. Сельскими работниками считались те физические или юридические лица, которые заняты сельским хозяйством и получают от этого занятия больше половины своего

³⁶ Г а м к р е л и д з е Б., Хозяйственные традиции грузинского народа и современность, Тб., 1993, стр. 43.

дохода. Многие из них владельцы участков, остальные работают по договору, но хозяйство ведут самостоятельно.

В связи с регистрацией участков следует отметить, что незарегистрированными остались те участки, которые чеченцы купили у осетин (с. Халацани). Несмотря на то, что имеющие статус сельского работника физические и юридические лица могут заключить сделку купли-продажи без особого на то разрешения, приобретенный участок земли может стать частной собственностью только гражданина республики Грузия. В противном случае, земельная площадь сдается лишь в аренду. Сделка приобретает юридическую силу только после государственной регистрации. Таким образом, все сделки купли-продажи между чеченцами и осетинами и другими субъектами местных этнических групп, должны быть объявлены незаконными (действующий земельный закон Грузии).

Собственность является основой взаимоотношений между обществом и экономической системой. Одна форма собственности - социалистическая - сменилась другой - частной. Исходя из основ рыночной экономики, между государством и индивидом сложились новые отношения, в которых приоритет принадлежит индивиду. Государство должно относиться к правовому состоянию населения исходя из демократических принципов. Однако в Панкисском ущелье в последнее время осложнен вопрос неприкосновенности индивида и его движимого и недвижимого имущества. Экономическое благосостояние одних растет за счет похищения имущества других, и не только имущества - за счет похищения индивидов. От экономической безопасности и неприкосновенности семейного хозяйства и частной

собственности в значительной мере зависит и национальная неприкосновенность.

Земельная реформа не улучшила социально-экономические условия населения. Оказалось сложным преодолеть психологические барьеры нового общественного порядка, приспособиться к новым экономическим условиям, да еще кризисным для всей страны. Быстро возросли безработица, дефицит денежных единиц, степень преступности (наркомания, грабеж и т.д.). Появилась ностальгия по „советскому периоду“, когда люди имели средства на удовлетворение минимальных потребностей. В таком состоянии пребывает население в основном среднего и пожилого возраста, позабыв негативные стороны социалистического строя. Ущелью не подается электроэнергия, да и платежеспособность людей сведена к нулю. Крайне осложнили общую ситуацию чеченская война и беженцы.

Состояние экономики Панкисского ущелья в дальнейшем во многом будет зависеть от того, насколько успешно утвердятся основанные на семейной или же родственной базе фермерские хозяйства. До настоящего момента здесь лишь на базе одной семьи создана животноводческая ферма, где и работают все трудоспособные члены этой семьи. В период работы экспедиции в каждой этнической группе был собран материал как на отдельные семьи, так и на индивидов. В ущелье распространен нуклеарный, индивидуальный тип семей, в которых живут в основном 2, редко 3 поколения. Самые многочисленные индивидуальные семьи зафиксированы у кистинцев. Естественно, что семейный быт нагляднее отражает показатели этноспецифического характера, хотя наблюдается и много общего в системах правления, взаимопомощи и т.д.

Экспедиция ознакомилась с принципами доходов, их распределения и накопления. Во всех этнических группах семейные хозяйства производят разные сельскохозяйственные продукты, которые еле покрывают потребности семьей.

Беженцы из Чечни создали много проблем населению Панкисского ущелья. В ущелье всего 8000 душ местного населения, а число беженцев из Чечни 7000 - в основном дети, женщины и старики (оценочные данные за 1999 г.). Разумеется, и без того сложные экономические условия жителей исследуемого региона еще больше осложнились.

В ноябре 1999 года ООН прислала беженцам гуманитарную помощь в виде продуктов питания и предметов бытового обслуживания. Однако, по словам беженцев, более действенную помощь им оказали исламские страны. Особенно помогли им последователи одной из сект ислама ваххабиты. Они помогают и панкисским кистинцам. Так как ваххабиты располагают крупными денежными средствами в виде иностранной валюты, закупают для мусульманского населения скот, продукты, дрова, дома (у осетин) и т.д.; строят в селениях мечети и стараются привлечь даже кистинцев - каждому, кто готов обратиться в их веру, обещают в месяц 150\$. Это политическая игра, которую необходимо пресечь.

По сравнению с другими селами, в с. Омало больше беженцев. Именно они получают особую гуманитарную помощь; у них хорошо налаженное медицинское обслуживание, благоустроенный учебный процесс. По словам респондентов, инициаторами такого гуманитарного обслуживания являются Осман Ферзауль - представитель

президента Масхадова и представитель чеченской диаспоры в Дании (гражданин Дании).

Гуманитарной помощью пользуются не только беженцы и их хозяева – кистинцы, но и другие жители ущелья. Беженцы продают лишние предметы из гуманитарной помощи или же меняют их на продукты и нужные им вещи. У с. Дуиси беженцы открыли рынок, которая превратилась в экономически важный объект для всех селений ущелья. Продукты здесь гораздо дешевле, чем в официальных торговых заведениях. Рынком пользуются и грузины и осетины.

С появлением беженцев изменилась и демографическая картина Панкисского ущелья, что, наряду с другими факторами, создала определенную угрозу экономике края и опасность дестабилизации.

В постсоветский период, с распадом тоталитарного режима наблюдается рост этнического самосознания групп полиэтнического общества Панкисского ущелья. Перипетии переходного периода, война с Чечней, активизация кистинцев и осетин создала в исследуемом регионе определенную напряженность и противостояние этнических групп, вплоть до конфликтных ситуаций, что обернулось угрозой социально-экономическому развитию. Причины недовольства имеются у каждой из групп.

Кистинцы не поддерживают добрососедские отношения с другими этническими группами. Их сугубо личные интересы постепенно стали занимать приоритетное место в экономике, что создает опасность ущелью и всему кахетинскому региону. Свое старинное „занятие“ – грабеж, воровство, захват в заложники - они опять превратили в

источник дохода. Полное невнимание со стороны силовых структур вызывает недовольство грузинского и осетинского населения. Они пребывают в постоянном страхе. С наступлением темноты боятся выйти на улицу, боятся и те, которые не покидают свои жилища, т.к. зачастили случаи угона скота, кражи продуктов, разного инвентаря и людей.

Кистинцы агрессивно настроены против грузинских горцев – тушинов, объявили им экономическую блокаду. Их не допускают на летние пастбища, которыми они пользовались на протяжении веков и где они имеют подсобные базы.

Внутренние проблемы и сложности страны кистинцы обратили в свою пользу. Несмотря на то, что они твердят, что якобы „грузинская земля их родина и не собираются отобрать ее у грузин“, „этническая группа кистинцев единственная в Грузии, которая относится к грузинам с чувством признательности“, на самом деле их поступки противоречат этим высказываниям. Нарушение и даже игнорирование закона о пользовании пастбищами вызывают конфронтацию этнических групп, что таит в себе огромную опасность.

В связи с перечисленным выше, в ущелье стремительно меняется демографическая картина. Грузины и осетины покидают свои жилища и переезжают в другие регионы страны. Это может поставить ущелье перед лицом демографической аннексии.

Психологический мониторинг.

Российско-чеченский конфликт внес изменения в сферу сознания каждой без исключения этнической группы региона. На этом фоне в первую очередь следует установить особенности в процессе изменения стереотипов. Как известно, в сложных ситуациях этнические стереотипы претерпевают определенную трансформацию, которая, как правило, направлена на усиление уже имеющихся образов и представлений. Формируется т.н. экстремальный стереотип. Именно экстремальный стереотип с доминирующими негативными характеристиками отмечается в сложившихся за последние года отношениях осетин, кистин и, в некоторой степени, грузин.

Кистинцы в своих высказываниях и действиях проявляют крайний радикализм по отношению к осетинам, считая, что в существующем социально-политическом контексте, т.е. при наличии грузино-осетинского конфликта в республике, осетины должны покинуть грузинскую землю и переселиться к себе на родину. Осетины заявляют, что не кистинцам указывать им, так как они сами пришельцы, признавая это право только за грузинами, но, вместе с тем, обвиняют грузин в бездействии и инертности, напоминая им об участии чеченцев в абхазско-грузинской войне на стороне абхазов, апеллируют к тому, что они с грузинами единоверцы, христиане. Это обстоятельство особо подчеркивается во всех высказываниях осетин.

Грузино-кистинские отношения можно охарактеризовать как нейтральные, хотя и здесь заметно отчуждение.

Особого внимания заслуживает тема войны. Здесь примечательны т.н. феноменологическое поле или пережи-

ваемые моменты. В этой данности на передний план выступают чеченские беженцы, физическое и душевное состояние которых значительно повлияло и воздействовало на население региона.

В регион вошел новый социальный субъект, и эта новая социальная группа востребовала от принимающей стороны новый тип взаимоотношения и переосмысления ситуации. Российско-чеченский конфликт обусловил изменение социального феномена, отразившееся на межличностных и межгрупповых отношениях. У кистинцев в новом контексте произошла переоценка и формирование нового восприятия собственного «я». Тесные бытовые контакты с чеченскими беженцами заставили кистинцев по-новому взглянуть на Россию и российско-чеченские взаимоотношения. В их сознаний прерогативным стали родственные связи с чеченцами, обострились этнонациональные чувства. Россия, воспринимавшаяся до сих пор гарантом нормальной, обеспеченной жизни, превратилась в главного виновника несправедливой и захватнической войны. Естественно, такие изменения влекут за собой определенные психологические процессы. В подобной обстановке у субъекта возникает когнитивный диссонанс между старыми и новыми представлениями.

Когнитивный диссонанс является напряженным состоянием, которое проявляется всегда, когда две когниции, две идеи являются несовместимыми, взаимоисключающими. Существующий для кистинцев раньше положительный образ России сменился ее негативным образом. Осетинское население ущелья открыто выражает свою прорусскую ориентацию, так как надеется, что победа

над чеченцами лишит кистинцев возможности проявлять свою агрессию по отношению к осетинам.

Отношение грузин к России и русским неоднозначно. Грузинское население Панкисского ущелья встревожено создавшимся положением, оно считает, что совершенно незаслуженно втянуто в этот конфликт. Подступившая к их порогу война вызывает страх и беспокойство. Российско-чеченский конфликт создал для грузин дополнительные трудности и проблемы.

Этнокультурная дистанция представленных этнических групп, отрицательный характер стереотипов, сложное социально-экономическое положение региона не дают гарантии того, что здесь не сложится такой социальный климат, при котором латентный конфликт может перерасти в открытое противостояние. Не исключено также, что этот конфликт примет этнический характер. Все вышесказанное является непосредственной угрозой для национальной безопасности страны.

Целью этнопсихологической экспедиции являлось путем эмпирического и включенного наблюдения изучить этнические группы Панкисского ущелья, в частности психосоциальную атмосферу и взаимоотношения этнических групп - характер этнических стереотипов; оказать психологическую помощь той части населения, с которой экспедиция непосредственно контактировала, т.е. местным жителям и чеченцам-беженцам.

По ходу сбора материала психологи разработали метод общения с респондентом, согласно которому респондент рассматривается не только как источник материала, но и как пострадавшее лицо, нуждающееся в сочувствии и психологической помощи. Такой подход был

обусловлен существующим социально-политическим положением, каковым является война в Чечне, беженцы, распавшаяся экономика, тяжелые экономические условия в регионе и т.д. Подобный „ориентированный на респондента подход“ дает возможность в первую очередь собрать богатый материал из первоисточника и к тому же способствует снижению агрессии и невротизаций, что свойственно для среды с межэтнической напряженностью.

Психологи уделяли значительное время и работе в детских группах. Имеются в виду травмированные дети-беженцы, а также местные, образ жизни которых сильно осложнила война с Чечней. Отношения с детьми определялись терапевтическим стилем общения, что подразумевает оказание психологической помощи находящимся в кризисном состоянии детям.

Экспедиция расположилась в районном центре, в г. Ахмета, где была безопасная для обработки собранного материала атмосфера. Выезд на полевые работы осуществлялся ежедневно по заранее разработанному рабочему плану.

Расположение экспедиции в г. Ахмета, где жить было сравнительно безопасно, предоставила психологам благоприятные условия для включенного наблюдения. С одной стороны, ученые были максимально не ограничены во времени - могли работать допоздна, с другой, имея непосредственный контакт с местным населением, в период экспедиции разделяли их образ жизни. Результаты такого общения были положительными: мусульмане, представляющие собой, как известно, „закрытую культуру“, дали доступ психологам ко всем имеющим для них определенный интерес ритуалам. По ходу работы респон-

денты открыто выражали свое отношение касательно конкретных лиц, ситуации и даже официоза. Не были исключением и беженцы. В целом, общение ученых с респондентами можно охарактеризовать как „открытое и доброжелательное“, что выразалось в положительной реакции со стороны жителей.

В качестве рабочего метода психологи выбрали метод неформального интервью, а при возможности, если респондент не протестовал, применяли диктофон. При сборании материала в „группах встреч“ со взрослыми и детьми применялись элементы основного принципа терапевтической коммуникации, т.е. динамической коммуникации с детьми, не ограниченной только пассивным выслушиванием (Нил Капор Станулевич).

Панкисское ущелье этнически неоднобразно. В местных селениях живут панкисские кистинцы (за ним численное преимущество), осетины, грузины - пшавы и тушины. По нашему мнению, численно преобладающие кистинцы и создают здесь доминантную культуру. Неоднобразна картина и с конфессиональной точки зрения: панкисские кистинцы мусульманского вероисповедания, а пшавы, тушины и осетины - правоверные христиане. Таким образом, весь регион заселен христианами и мусульманами. Такое сосуществование не создает в других регионах Грузии особых проблем, однако, учитывая современную сложную политическую ситуацию, положение в регионе не из легких, а именно:

а) Чеченская война - в результате беженцы; опасность для грузинского населения; между тем поддержка со стороны кистинцев;

б) Осетино-грузинские взаимоотношения - осетины с биокультуральным сознанием;

в) Адаптивность панкисских кистинцев к новым ориентациям как Чечни, так и России;

г) Ваххабизм - явление положительное то ли отрицательное (разные точки зрения).

Проблема взаимоотношения между старшим и младшим поколениями

Кистинцы до начала Чеченской войны, точнее в период коммунистического режима, уезжали на заработки как в Чечню, так и в другие регионы России, что было выгодно и с экономической и с психологической точки зрения. Сама Чечня, являясь частью РСФСР, естественно была подвержена русификации, однако влияние России не была ею полностью осознано, т.к. прорусская ориентация тогда не создавала ей особых сложностей. Сами чеченцы отрицают русское влияние, хотя оно явно на лицо. Судя по собранному материалу, мнения респондентов - чеченцев подтверждают и респонденты - кистинцы: „Мы многому научились у грузин, они же (т.е. чеченцы) ничему у русских не научились“. Кистинцы особенно подчеркивают свое незнание русского языка: „Они (чеченцы) говорят по-русски, а мы русский хорошо не знаем“. Так говорят они, когда хотят подчеркнуть разницу между собой и чеченцами. Панкисские кистинцы считают, что грузинских заимствований у них много (даже если не могут объяснить как следует-что именно): Это и грузинская еда, и порядок оплакивания покойника - скорбят и носят траур в течение

40 дней по близким родственникам³⁷ (влияние проживающего по соседству грузинского населения), и относительно свободный образ жизни по сравнению с чеченцами. Кистинцы не отказываются и от алкогольных напитков (влияние также грузинское), хотя респонденты полностью в этом и не признаются, т.к. по мусульманским обычаям пить запрещено.

Естественно, что этническая группа, в сосуществовании с другими группами, подвержена процессу аккультурации, тем более в условиях национальной политики СССР. Так произошло с чеченцами (влияние русское) и панкисскими кистинцами (влияние грузинское). Другое дело, как относится к этому сама этническая группа. Признавая грузинское влияние, кистинцы тем самым вносят коррективы в свои религиозные обычаи. Заимствования довольно трудно воспринимаются мусульманами и не только ими, однако усвоенное настолько пустило корни, что его непризнание тоже нельзя.

Беженцы-чеченцы произвели определенное влияние на ориентацию панкисских кистинцев, у которых появилась возможность сравнить себя с чеченцами. Со своей стороны мигранты тоже оказались в непривычной для них ситуации среди кистинцев с биокультурным мышлением. На лицо социально-психологические особенности этнической миграции. Кистинцы приняли мигрантов как гостей. Респонденты подчеркивают, что они, как положено у вейнахов, идут на уступки ради гостей - чем могут, помогают им. Беженцев устраивает социальный статус гостя, т.к. в гостях долго не задерживаются и есть надежда вернуться домой, ведь война скоро кончится. Госте-приимство, уважение к

³⁷ Маргошвилл Л., Обычаи панкисских кистов и современность, Тб. 1985. (на груз. яз.).

гостям один из главных признаков кавказской культуры и основанные на социальной роли взаимоотношения, естественно, находят отражение в общении и поведении как кистинцев, так и чеченцев. Респондент из с. Омало сообщил, что вначале кистинцы, сами же малоимущие, приютили беженцев под свою кровлю, делили поровну с мигрантами домашние продукты, а затем мигранты делили с хозяевами полученную гуманитарную помощь. Так что, мигранты в свою очередь помогали хозяевам. По мнению психологов, такие отношения между беженцами и основным населением не совсем типичное общение гостя и хозяина. В автостерео-типах как кистинцы, так и чеченцы особое значение придавали кавказскому гостеприимству, „кавказской“ отзывчивости и взаимопомощи. Такого рода идентичность восприятия роли „гостя“ и роли „беженца“ представило в новом свете взаимоотношения между группами „мы“ и „они“.

Группы встреч

Осетинское село Думастури. Оппозицию „мы - они“ наиболее ярко выражали осетины в упреках по отношению кистинцев. „Сообщая об этнических ситуациях, люди тем самым хотят выдвинуть, не какую нибудь позитивную акцию, а упрекнуть „других“ в неподобающем поведении“³⁸. Негативный стереотип по отношению к кистинцам осетины выражают лишь словесно, поскольку они боятся выразить активно свои острые переживания. Во время работы в „группах встреч“ осетины из с. Думастури жаловались, что

³⁸ Ван Демик, Язык, познание, коммуникация, „Прогресс“, М. 1989.

живут в крайне притесненном состоянии. Осетины-респонденты отмечают, что кистинцы не дают им пасти коров, отнимают телят; что кистинцы неверующие, поклоняются не тому богу, что христиане; занимаются похищением людей. Пожилая осетинка призналась, что лучше голодать, чем постоянно жить в страхе за то, что выгонят с этой земли. Она родилась в этом крае, и не считает Осетию своей родиной, редко туда ездит. Осетины признаются в том, что заставить их покинуть этот край имеют право грузины, но ни в коем случае кистинцы, т.к. это ущелье им не принадлежит, и опасаются, что оно останется за чеченцами и кистинцами, в чем они видят ущемление христиан. Об экономических неурядицах они говорят меньше. Предметом особого беспокойства являются неналаженные с кистинцами отношения и острое чувство незащищенности, сознание, что никому до них дела нет.

В случае осетин налицо увеличение культуральной дистанции на религиозной почве, о чем указывают и иностранные авторы, хотя существует соображение, что религия „делает более человечными и мягкими эти отношения“³⁹. В данной ситуации отношения обострены под воздействием политических, экономических, религиозных и культурных факторов, а также активации негативных стереотипов по отношению к кистинцам. В отношении же России гетеростереотип отличается положительными характеристиками, что еще больше обостряет и без того натянутые отношения этих этнических групп.

Одна из „групповых встреч“ в с. Земо Халацани (в группе были женщины - пшавы, кистинцы и беженцы из

³⁹ Лебедева Н.М., Социальная психология оккультурации этнических групп, Автореферат докторской диссертации, М., 1997.

Чечни - этнически и религиозно неоднородная группа) показала, что, несмотря на тяжелейшие экономические условия, жители селения положительно относятся друг к другу, сочувствуют и помогают в нужде. Отрицательно относятся к правительству, властям. Можно сказать, что противостояние на религиозной или этнической почве между ними не отмечается. Они благодарны представителям общества „Врачи без границ“. Этот положительный образ они распространяют в целом на всю немецкую нацию, что вполне закономерно, т.к. созданный по какому-то признаку впечатление приписывается целой этнической группе, тем более, если оно увязывается с острыми эмоциональными переживаниями, в данном случае со сложной операцией, сделанной безвозмездно ребенку.

В том же селении психологи работали и с детскими группами; имели возможность с помощью беседы и рисования пообщаться с подростками. В рисунках дети отдавали предпочтение сюжетам на военную тему. Подробно об этом в соответствующей главе.

Стереотипы

Этнические стереотипы - это социальные образы, представления, которые меняются время от времени по ходу изменения социальной или политической ситуации в ареале той или иной нации, расы или конфессиональной группы. Известно, что эти стереотипы обостряются с эскалацией социальной напряженности и если в обычной „спокойной“ обстановке они не создают проблем, то в конфликтной ситуации фиксированные представления имеют отрица-

тельный заряд и создают в отношениях определенные трудности.

В Панкиси экспедиция работала в довольно напряженной ситуации, созданной в первую очередь войной в Чечене. Война представила панкисским кистинцам в новом свете как Россию, так и собственно Чечню и ее население. „Нестабильная ситуация влечет за собой проблемы чисто психологического характера, такие как разрушение установленных социальных стереотипов, изменение системы ценностей, кризис социальной идентичности“⁴⁰.

Гетеростереотип панкисских кистинцев по отношению к русским на данном этапе, в общем, отрицательного характера. К России, как к государству и русскому народу у них разные отношения. Мнение и чеченцев и кистинцев о проживающих в Чечне русских одинаково положительное. Более того, они считают, что сами русские из Чечни плохо относятся к русским из России. По словам респондентов, Россия виновна в их бедах; они проклинают жаждущих войну «тех», «других» русских; у них другие обычаи, их женщины более раскрепощены, чем они; и там же - они хорошие соседи.

У панкисских кистинцев отношение к русским двоякое - с одной стороны Россия, куда они ездили на заработки, где у них близкие и друзья, воюет с Чечней, а с другой стороны, учитывая их посткоммунистический менталитет, они носители прорусской ориентации. Россия для кистинцев была символом спокойной, налаженной, законопослушной жизни и изменить или же заменить этот образ другим сегодня довольно сложно. Кистинцы

⁴⁰ Андреева Г.М., Социальная психология, Московский университет, М., 1980 г., с.216.

стараятся объяснить, почему Россия воюет с Чечней: „там огромное богатство - нефть, там второй Кувейт будет“. Для них это мифическое богатство и это на полном серьезе.

К грузинам панкисские кистинцы относятся положительно; подчеркивают, что с грузинами имеют много общего и даже многому у них научились. Пожив с чеченскими беженцами под одной крышей, кистинцы сделали объектом наблюдения и свои и чеченские религиозные ритуалы и поведение. Такая объективация дала возможность кистинцам сравнить себя с грузинами и чеченцами и отметить „общее“ и „отличительное“.

В целом вера, мусульманская религия в иерархии ценностной системы кистинцев занимают видное место.

Этническая идентификация панкисских кистинцев в определенной мере подверглась трансформации на фоне чеченской войны. Грузию они считают „родиной-матерью“, а Чечню - „родиной-отцом“. Респондент кистинец, проживающий в Чечне, говорит так: „Кистинец, который живет в Омало, говорит, что он „омалоиец“ а чеченец место не укажет. Понятно, что „кистинец“ не национальность, но пусть отметит, что он кистинец, почему говорит, что он „омалоиец“?

Отношение панкисских кистинцев к ваххабизму

Последователи ваххабизма появились в Грузии в 1990-91 гг. „Вербовку“ они начинают проповедованием идеи социальной гармонии, добра, терпения, призывают отвернуться от жизни во лжи. Много разговоров о добрых делах ваххабитов - о борьбе с алкоголизмом, беспутной

жизнью, помощи нуждающимся и т.д. Как известно, ваххабиты являются фанатическими последователями мусульманской религии.

Секта именем религии требовала выполнение и сохранность мусульманских обычаев, что вызывало и вызывает положительное к ней отношение. Однако сегодня секта превратилась в объединенную идеей справедливости вооруженную банду (материалы прессы), которая, борясь с несправедливостью, сама стала очагом несправедливости.

Кистинцы к ваххабизму относятся по-разному. Возникшая здесь в период чеченской войны, секта проповедует социальное равенство, уважение к традициям, добро, терпение и т.д. Кистинцы считают, что ваххабиты умело воюют, помогают нуждающимся, гуманитарную помощь распределяют поровну и что главное, они, в отличие от русских, которые стараются искоренить в Чечне мусульманские обряды, заботятся о сохранении исламской религии. Однако есть и другие соображения. Старшее поколение, в отличие от молодежи, не симпатизирует ваххабитам и считает, что вместо того, чтоб блюсти Коран, они сквернят религию, т.к. пристрастны к оружию, не уважают старших, их авторитет. „Когда возносишь богу молитву, и там присутствуют деньги, это очень плохо, они в бога не верят, разве только в оружие. Это из-за войны их поддерживают, потому что ваххабиты помогают нуждающимся“ - сообщила психологам одна кистинка.

В с. Цинубани молодежь отнеслась к членам экспедиции агрессивно, чего нельзя сказать о старшем поколении. Пожилые помогли экспедиции, чем могли, предоставили весьма интересный и примечательный материал. „Младшие“ нарушили мусульманские правила и

фактически восстали против „старших“; неуважительно встретили гостей, что также чуждо мусульманам.

В целом по отношению к ваххабизму в исследуемом регионе действует сложившийся в сознании (во взглядах) закон „первичного эффекта“, т.е. на данном этапе война выдвинула на первый план такие характеристики как „славный боец“, „справедливый“, „протягивающий руку помощи“, „блюститель Корана“. Такая информация находит своеобразное отражение у беженцев из Чечни, главным образом у женщин и детей, т.е. у тех, которые больше всего нуждаются в помощи и содействии.

Дети

Наблюдение над детскими группами можно вести на ранней стадии развития, когда дети все еще не мыслят абстрактно. Естественно, что они не могут осознать категорию „еврей“, „индеец“, „француз“, однако осмысление конкретного „еврея“, „индейца“, как плохого или хорошего им доступно⁴¹.

Работа с детьми в Панкисском ущелье шла по двум направлениям: а) собрать необходимый для исследования материал, отражающий детские ориентации и б) оказать поставленным в тяжелое положение чеченской войной детям психологическую помощь. В „группах встречи“ были по 10-15 ребят, они имели возможность рассказать о своих переживаниях, рисовать по своему желанию рисунки.

Примечательно, как относятся дети к своей и чужой этнической группе, какова их этническая идентификация и

⁴¹ Ш и б у т а н и Т., Социальная психология, Прогресс, М., 1998, стр. 316.

ориентация. Свою группу от других дети панкисских кистинцев в основном отделяют - „мы“, „они“, однако не могут объяснить какова разница между ними и грузинами, или же чеченцами. Все сводится к тому, что они говорят на разных языках и одеваются по-разному, у них разные кушанья, молятся все по-своему. В качестве примера называют отдельные слова, которые по-чеченски и по-кистински звучат неодинаково.

Своеобразная и этническая идентификация. Как правило, национальность дети определяют по месту жительства: „я халацнели (т.е. из села Халацани), они чеченцы - в Чечне живут, а мы - кистинцы, живем в Кистети“. Одного ребенка, который сказал, что он осетин, но из-за того, что живет в Ахмета, стал грузином, мать (грузинка) пожурела, т.к. он осетин и не должен от этого отказываться. Грузинским детям не нравятся кистинцы (говорят непристойные слова), им не нравятся дети-мусульмане. Во взаимоотношениях все время присутствует и тема войны и оставшиеся в памяти впечатления. Дети знают, что где-то падают бомбы; знают военные термины, знают, что такое гуманитарная помощь, беженцы, оружие; знают, что Россия воюет с Чечней, что кистинцы на стороне чеченцев, что ваххабиты хорошо воюют и т.д.

Дети-беженцы, и не только одни беженцы, в основном рисуют на военную тему. Дети из с. Дзибахеве рисовали в основном танки, вертолеты, горевшие дома, снайпера на крыше здания и т.д., некоторые рисовали флаг Чечни и на нем надпись по-русски - „Мир“. Основной мотив этих рисунков агрессия, страх, мщение. Дети мало говорили о своих переживаниях, в основном рассказывали о том, что нарисовали. Во время работы с детьми, во дворе,

присутствовали и родители, которые тоже принимали участие в нашей беседе. Одна из них с сожалением отметила, что дети только о войне и говорят. Они не знают, что такое детские игры, как одеть куклу. Играют в войну; кто-то полицейский и у другого отнимает наркотики. У бабушек и матерей нет возможности учить девочек шить, пришивать пуговицы, т.е. учить тому, чему их в свою очередь учили их бабушки. И это горькое сожаление, поскольку вместо детских занятий в жизни ребят присутствуют война, оружие и наркотики.

Сегодня жители Панкисского ущелья оставлены на произвол судьбы, варятся в собственном котле. В крае не чувствуется действие юрисдикции государства. Как бы отчужденный от страны народ живет по старинному обычаю. По нормам адата и шариата судит правого и виновного, выносит приговор и приводит его в исполнение. Правительство обязано уделять больше внимания этому региону. Здесь можно выискать уйму возможностей для обеспечения людей работой: построить предприятия по переработке шерсти, фруктов и ягод, поощрить собирательство, кустарное производство. Необходимо восстановить социально-культурные, экономические связи, чтобы находящийся в крайней нужде народ не был зависим только от помощи, поступающей из арабского мира.

Кризис культуры – это кризис общества

Кризисные трансформации этничности являются основным источником негативной энергии. Этничность как форма социальной идентичности, т.е. этническая идентичность приобретает особое значение тогда, когда в развитии полиэтничного общества наступает период кризиса.

Нестабильность общества – аномия приводит к понижению потенциала «Я». Нестабильное «Я» начинает поиски стабильного и сильного «Мы». А это значит, что личность старается точно определить социальные и психологические границы своего существования, чем и выходит за рамки «Я» и идентифицирует себя с какой-нибудь группой или же общностью.

Расширяя индивидуальные границы, в новой идентичности личность ищет покой и стабильность. В случае же, если общество не в состоянии обеспечить людям таковое, то уже этническая группа дает им самоуверенность⁴². Именно поэтому этническая идентичность рассматривается в качестве главного орудия, которая дает группе возможность маркировать осязаемые и надежные для себя границы.

Этничность служит внутриэтнической интеграции и тем самым способствует развитию дезинтеграционных тенденции среди полиэтничного общества в целом. Этничность выполняет функцию культурной различительности, однако этнические границы становятся тесными и искусственными тогда, когда этнокультурную вариационность группы заменяет нарастание противоречивого

⁴² H o b s b a u m E.J., *Ethnicity and Nationalism in Europe Today// Anthropology Today*, 1992, vol. 8. # 1.

характера его требований. В таком случае этническая граница уже превращается в место этнических стычек, более того, из самооборонного орудия она вполне может превратиться в орудие дезинтеграции и отчужденности в обществе. На основе социально-перцептивных механизмов, регулирующих межгрупповое восприятие, аккумулируется негативная информация, восприятия выбираются с учетом этносоциальной почвы, уменьшается внутригрупповое и усиливается межгрупповое различие, происходит генерализация эмоций по этническим критериям, привлекают к ответственности и считают виновным чуждую группу и создавшие условия, происходит переоценка культурных различий, естественная же любовь к своему народу перерастает в этнонационалистическую политическую доктрину, поддерживаемую народными массами.

Четким примером внутриэтнической интеграции является Панкисское ущелье, где проживают этнически различные группы и несмотря на это, можно с убеждением сказать, что в ущелье явно налицо единый социальный организм, т.е. своеобразная субкультура. До последнего времени и осетины и кистинцы, вместе с грузинским населением, были ориентированны на Грузию не только экономически, но и социально, идеологически и политически.

Разумеется, все это имеет свою основу. Как отмечалось, кистинцы появились в регионе в основном с 30ых гг. XIX века, а осетины – 20 гг. XX в. Здесь были моноэтнические грузинские, кистинские и осетинские села. Несмотря на противоречия, проблемы, локальные особенности, между ними установились определенные

отношения, что и превратило ущелье в единый социальный организм. Иначе было бы невысказано мирное совместное проживание полиэтничного общества. В качестве гаранта безопасности каждая этногруппа применяла традиционные обычаи. Самым действенным из них был широко распространенный на Кавказе институт побратимства. У каждого кистинца имелся побратим - кахетинец. Одну из форм искусственного родства - крещение - группы разных конфессии (мусульмане, христиане) превратили из чисто религиозного ритуала в залог сближения и межэтнических отношений. Перед гарантиями охраны безопасности разрушались границы этнических традиций и они становились собственностью определенной субкультуры.

Большую роль в этом отношении сыграли широко распространенные (даже при коммунистическом режиме) в ущелье синкретные религиозные верования – обряды и ритуалы, в основе которых лежали идентичные для горцев языческие верования – представления.

Разумеется, и это имело определенную основу. Напр.: в грузинских религиозных празднествах принимали участие и кистинцы и осетины. У них были общие святилища, где проводились почти что идентичные ритуалы. Это и не удивительно, ибо религиозные мировоззрения грузинских горцев синкретичны и, наряду с христианскими, содержат дохристианские элементы, которые не были чужды и для пришлых групп и именно поэтому они легко усвоили грузинские религиозные воззрения.

Нужно отметить и то, что существующая издавна территориальная близость грузин и вейнахов способствовала возникновению общих святилищ по обе стороны границы. Подобная историческая сопричастность

помогала двум, временами противостоящим, сторонам жить мирно, без чего не состоялись бы отношения двух соседствующих народов.

Положительную роль сыграло также миссионерское общество восстановления православного христианства на Кавказе. Именно это общество и построило церковь Св. Георгия в с. Джоколо Панкисского ущелья, где в 1886 году кистинцы приняли христианство. Новообращенным дали грузинские имена, а к их фамилиям приставили окончание «швили» на грузинский лад, т.ч. у кистинцев и осетин фамилии сегодня, можно сказать грузинские.

Грузинский же язык был и по сей день остается средством коммуникации между ними.

Репрессии 1944 года, которым подверглись чеченцы и ингуши, не коснулись кистинцев и по этой причине, они еще больше сблизились с грузинским народом.

Таким образом, не одновременно переселившиеся этногруппы, несмотря на этническую разность, образовали в ущелье единую, стойкую социальную среду, подкрепленную дополнительно и идеологией.

Даже позднее распространившийся в ущелье ислам не смог породить среди кистинцев радикальное отчуждение по отношению к грузинской среде. Проповедники ислама из Чечни, Дагестана и Азербайджана внедряли на Кавказе суфизм – мистико-аскетическое учение. Из 12 главных суфийских братств на Северном Кавказе, в том числе и в Панкисском ущелье, нашли распространение два: *кадирия* и *кунтхадж* (название связывают с именем проповедника чеченца Кунтхадж) и *накибанд*.

В ущелье ислам до такой степени пустил корни, что в 1902 г. в с. Дуиси была воздвигнута мечеть, где приверженцы этой религии и по сей день проводят религиозные ритуалы. Обратим внимание и на тот факт, что жители сел Омало и Джоколо оставались христианами вплоть до 50ых годов XX века. И даже при таких обстоятельствах кистинцы, вместе с грузинами и осетинами, до 90ых годов отмечали празднества грузинских святилищ – св. Георгия, Тушоли, Копала, Лашари и др., а к пасхе даже красили яйца.

Этнически отличные от грузин панкисские кистинцы и осетины, несмотря на, можно сказать, существенную разность культур, все же были прочно интегрированы в грузинское общество, что было обусловлено механизмом самозащиты общества, служившем его безопасности и выживанию и применявшим в этих целях, как уже было отмечено, элементы традиционной культуры.

Полиэтническое общество такого рода представляло из себя единый цельный организм, существование которого было обусловлено его расположением на микротерритории в замкнутой (географически) среде и одновременно общим экономическим пространством, которое при советской власти вначале увязывался с колхозом, а затем с принципом хозяйственного устройства. Культурная дистанция между группами с различными культурами заполнялась экономическими и социальными отношениями. Именно так и были доведены до минимума возможности возникновения противоречия и противостояния между этногруппами.

Эти отношения были настолько значительны, что они вторгались в сферу культуры и нарушали ее самое

сокровенное свойство – экзогамию, т.е. члены групп вступали в смешанные браки. Определенные социально-политические процессы или закрепляют за группой отмеченное явление или наоборот, устраняют ее, ибо, как известно, в общих чертах организационная структура группы формируется непосредственно под влиянием процесса этнического самоотнесения или же процесса отнесения других к чужим группам. Применение этнической идентичности при социальных взаимоотношениях, самоотнесение или же отнесение других к определенным категориям и формирует по существу этническую группу по знаку организационности.

Согласно Ф. Барту, «взаимоотношения в такой социальной системе не приводят к ликвидации этнических разностей путем их изменений или же аккультурации; культурные разности сохраняются независимо от межэтнических контактов и зависимости друг от друга»⁴³.

Таким образом, социальные факторы, в основу которых лежит феномен категоричной принадлежности, а не какие то «объективно» существующие культурные различия, определяют членство той или иной группы. Между этнической общностью и культурным сходство - различием нет прямого и однозначного соответствия. В процессе самоидентификации и отнесения других к определенным этническим группам этнические категории принимают во внимание не просто общее число объективных различий, а выборочно те различия, которым сам индивид придает значение (концепция Ф. Барта).

⁴³ Ethnic groups and boundaries. The Social Organization of Culture Differences, F. Bart, eol Bergen, London Universitets Forlaget/Allen the Unwin, 1969, p 10.

Этнические границы образуют особенную, своеобразную структуру социальной жизни, т.е. по-своему формируют социальную жизнь: они поневоле создают сложную организацию социальных отношений, которую определяют поведение и взаимоотношения. Этнические категории, со своей стороны, возможны лишь в том случае, если поведение отличается существенными различительными характеристиками, в том числе и значительными культурными особенностями. Именно этот процесс обеспечивает охранность этнической группы: формирование структуры процесса межэтнических отношений происходит на основе культурных различий.

Поэтому наличие базовых этнических категорий, обязывающие их носителей иметь определенное ведущее поведение, это тот фактор, который способствует распространению культурных различий. Вместе с тем, в полиэтничном обществе каждый член этнической группы старается сохранить культурные различия. Культурное взаимопонимание способствует взаимозависимости групп и создает сферы симбиозной совместимости. А в тех сферах, где не происходит культурное взаимополнение, не может быть ни одной базы, сформированной на основе этнических отношений – в таких сферах или нет никакого взаимодействия, или же если есть таковое, то без учета этнической идентичности.

Воззрения Ф. Барта в корне изменили подход к исследованию этнических и культурных различительностей: вместо изучения объективно существующих и исторически обусловленных (полученных по наследству) свойств этнической группы внимание было заострено на индивидуальное сознание и на обусловленное этим

сознанием социальное поведение, которое находит выражение в системе социальных ролей. Особенно плодотворным в этом отношении оказалось перемещение акцента исследований культурных различий из сферы собственно материальной культуры на сферу социальных представлений.

Наряду с другими проблемами, в исследуемом регионе особо важным является сглаживание именно этих двух вопросов, но одновременно, в современных условиях, не менее значителен и религиозный фактор, как один из весомых элементов этнического самосознания.

За исключением мечетей и минаретов, селения Панкисского ущелья типично грузинские. На грузинский лад сооружены здесь жилые и хозяйственные постройки. Можно сказать, что мигранты прошли полную адаптацию к грузинской среде, хотя можно было ожидать и обратный процесс, наподобие заселенных армянами или же духоборами джавахетских селений, где в первом случае доминировал армянский элемент, а во втором – русский. Армянские села с туфовыми стенами жилых домов создают типично армянское окружение, духоборские же селения с русскими хатами, со спокойными речками и аистовыми гнездами – русскую среду. Обе этнические группы, несмотря на полную адаптацию к окружающей среде, в силу разных причин были менее интегрированы в грузинскую социальную среду.

И все же, несмотря на такую успешную адаптацию и интеграцию панкисского общества, ситуация изменилась кардинальным образом и в особенности с 90ых годов XX века. В связи с происшедшими в это время событиями (грузино-осетинский конфликт), часть осетинского

населения покинула ущелье и нашла прибежище как в Самачабло (в советское время Южная Осетия), так и в Северной Осетии-Алании. В последующие же годы, экономическая необеспеченность вынудила кистинцев превратиться в экономических мигрантов. До т.н. Первой чечено-русской войны в ущелье оставались лишь одни старики да дети. Большая часть трудоспособного населения уехала в Чечню на заработки, а многие и совсем оставили ущелье и вернулись назад вместе с чеченцами уже в качестве беженцев. В этот же период в ущелье распространился ваххабизм - религиозно-политическая секта суннитского ислама, цель которого заключается в реставрации ислама времен Мухаммеда. Ваххабиты признают лишь Коран – священную книгу мусульман и отказываются чтить все рукотворное. Ваххабизм проповедует равноправие всех мусульман, несмотря на их социальный и экономический статус. Ваххабиты верят, что истинный мусульманин только ваххабит, остальные - грешники. Суфизм, в отличие от ваххабизма, нашел опору в национальных традициях, обрядах, т.е. во всем, чего категорически не признает ваххабизм. Ваххабизм внедряет свои диаметрально различные правила и порядки во всем – в поведении, наружном облике и т.д.

Изменения религиозного характера в Панкисском ущелье приняли своеобразный оборот. Против ваххабизма здесь выступает не молодежь, а старшее поколение, которое считает, что молодежь, следуя ваххабизму, тем самым наносит оскорбление религии, ибо в деяниях приверженцев ваххабизма старшие больше усматривают стремление к владению оружием, неуважению старших, отрицанию традиций, чем почитание Корана. Они уверены, что

«купленной на деньги религией» бога ублажить нельзя: «Очень плохо, когда молишься богу, а там еще и деньги присутствуют, они в бога не верят, только в оружие верят; это все из-за войны». Не нравится им и внешний облик ваххабитов – усы для панкисских кистинцев символ мужского достоинства, а сбривание их они воспринимают как неуважение к свято чтимым традициям.

Среди последователей ваххабизма в основном молодежь мужского пола, а что же касается их жен или сестер, то они находятся под строгим режимом и беспрекословно подчиняются мужскому диктату. Ваххабитов молодые отождествляют с героями-чеченцами, борющимися за независимость Чечни.

Многие уезжают учиться в мусульманские страны, где, видимо, получают идеологический заряд определенного направления, который противоречит идеологическому направлению не только панкисских кистинцев, но и общегрузинскому в целом. На фоне интенсивного проповедования новых идей не исключено и изменение курса общественной ориентации, что повлечет за собой не только противостояние среди кистинцев Панкисского ущелья, но будет неприемлема и для грузинской культуры, и, само собой разумеется, отрицательно повлияет на государственную безопасность.

Досадно, однако факт, что официальные структуры не могут взять под контроль ряд явлений, в том числе и подобное религиозное направление, а это может привести к политизации микрорегиона. Так было на Северном Кавказе, где под лозунгами политизированного ислама объединились нетолерантные к традиционному исламу радикальные направления.

Ситуация в Панкисском регионе резко изменилась после первой чеченской войны. «Победа» в этой войне вызвала резкий подъем этнического и конфессионального объединения, в особенности среди молодежи. В дополнение ко всему, в ущелье появились беженцы и ваххабиты. Начался процесс деадаптации; разваливаются сплоченные веками взаимные связи; в кистинском обществе зародилась конфронтация между поколениями. Старшие потеряли влияние над молодежью, слабеет традиция беспрекословного подчинения молодых старшим. Молодежь с неофитским усердием следует мусульманским догмам, и требует того же от старшего поколения, которое остается верным традиционному исламу.

Сегодня нарушены традиционные нормы урегулирования общественной жизни. «Религиозный раскол» нарушил действующие до последних времен традиционные многовековые нормы. Организованные «советом старейшин» традиционные собрания завершались безрезультатно, в особенности те, на которых осуждалась криминальная ситуация.

Как было сказано выше, в настоящее время в поведении подростков и молодых людей чувствуется агрессивность и неуважительное отношение к местному населению. По нашему мнению, причиной тому является не только то, что они возомнили себя «победителями, которых не судят», но и, с точки зрения социальной антропологии, системы воспитания согласно традиционной культуре Кавказа – ведь детей мужского пола с колыбельного возраста приучали быть отчаянными, воспитывали в них воинственный дух.

Общекавказская система воспитания мальчиков оказалась плодотворной почвой для распространения идеологии ваххабизма – джихада, в основу которого лежит непримиримость к оппонентам и фанатическая верность идее – «Тот, кто не с нами, он против нас», что само собой увязывается с феноменом агрессивности. До настоящего момента в науке остается спорным вопрос о том, что есть агрессия - феномен культуры или же биологическое выявление человека.

Понятия - человечество и насилие - большинство ученых рассматривают как понятия нераздельные. Насилие в ряде случаев признано как необходимое для развития и прогресса условие. Если воспринять культуру, как освоенную человеком среду, то насилие есть один из ее элементов, который, наряду с другими элементами, является жизненно необходимым для человека⁴⁴.

«Насилие факт изменчивый, это исторически развитая культурная категория. Многие из исторически сформированных традиционных форм насилия с течением времени теряют свою функцию, некоторые трансформируются, параллельно этому появляются новые формы насилия с новыми средствами и целями, выяснение сущности которых делает возможным представить тенденции развития общества»⁴⁵.

⁴⁴ Хуцишвили К.Г., Проблема изучения форм насилия в исторической динамике, (по этнографическим материалам), Грузинское наследие, т. IV, Кутаиси, 2000, стр. 48.

⁴⁵ Хуцишвили К.Г., Вопросы изучения проблем насилия в социальной антропологии, научная конференция посвященная памяти Александра Орбелиани, Общество Александра Орбелиани., Тб. 1999, стр. 79.

Путем общественных отношений осуществляется формирование человека как личности, значительным механизмом социализации которого является идентификация, т.е. отождествление личности со своей группой, выработка социально ценных личностных качеств, т.е. социализация личности. А социализация это тот процесс, через который человек учится участвовать в социальной группе.

Согласно этнографическому материалу, социализация детей посредством системы воспитания в горных регионах опиралась на агрессивность, которая способствовала выработке негативного поведения. Все это, со своей стороны, порождалось социальными условиями и находило выражение в таких личностных факторах, каковыми являются потребность в статусе и авторитарных тенденциях. Кое-кто из панкисских кистинцев осуществил эту потребность, и взял с сегодняшней точки зрения в свои руки контроль над ущельем, т.е. они стали участниками наркобизнеса и других криминальных деяний. Другая часть молодежи подражает им⁴⁶. Эта часть молодежи придер-

⁴⁶ Таких молодых людей грузинское население ущелья именует «боевиками» и все беды приписываются им, т.е. участники криминальных деяний отождествлены с «боевиками». Они не смогли подобрать другое название для носителей подобной этики. Под словом «боевик» они объединили всех криминальных субъектов и похитителей человека с целью выкупа, и распространителей наркотиков, и похитителей скота и т.д. В языкознании есть понятие перемещения сема, т.е. когда значение заимствованного слова меняется – расширяется или сужается. Именно таким образом грузинское население ущелья объединило «криминалов нового типа» под словом «боевик». Отсюда и берет начало то недоразумение, которое так активно муссировалось в грузинской массмедии. Журналисты, расспрашивая население, искали боевиков (по мнению В. Путина – террористов и экстремистов, по мнению же чеченцев –

живается именно той веры и тому поведению, которые полностью удовлетворяют осознанную ими потребность в агрессивности. Именно в возрасте до двадцати лет часть молодых кистинцев в отличие от старшего поколения, выражает открытую агрессию по отношению местных осетин и латентную агрессию по отношению грузин. Неуважительно относятся они и к старшему поколению, не подчиняются им и обвиняют в незнании ислама; они не признают никаких законов, у них свой собственный мир и имидж «крепких парней»; появился особый стиль поведения «настоящего джигита», который сегодня разъезжает не на коне, а на «джипе»; не считаются они также с официальными, юридическими и традиционными нормами, ибо, как сами считают, признают один лишь ислам в «первозданном» виде, а не тот «коммунистического покроя ислам» и сожалеют, что старшее поколение, из-за своего «невежества» (борцов за независимость) и население подтверждало их нахождение в ущелье; разумеется, подразумевались обыкновенные криминалы, а не террористы. Журналисты же не выясняли, о каких именно боевиках шла речь. Так было вплоть до осени 2000 года, когда в ущелье на самом деле появились гонимые чеченской войной «боевики» (и, по мнению Путина, и, по мнению чеченцев). Несомненно, что «обласканная» Путиным и муссирующая в русской массмедии тема «боевиков» еще до появления в ущелье чеченских бойцов, имела определенные цели. Россия под этим предлогом усиленно пыталась перебросить на территорию Грузии свои боевые военные силы и таким образом втянуть Грузию в чеченскую войну. Однако ситуация радикально изменилась после 11 сентября 2001 года, когда, против терроризма активно выступили США. «Организованный Россией «панкисский кризис» вышел из-под ее контроля и оказался в подчинении США. Америка приступила к подготовке грузинских силовых структур для борьбы против терроризма. Однако антидемократические силы России опять продолжают дискредитировать Грузию и стараются «вторгнуться» на ее территорию под предлогом борьбы против терроризма.

верит в какой-то неопределенный, неверный ислам. Настало время, по их убеждению, исправить «старые ошибки» и возродить настоящее мусульманство шамильских времен.

Ислам в Грузии до настоящего времени не создавал проблемы и препятствия ни грузинскому государству, ни основной религии страны – православию. Известно, что Грузия – страна полиэтническая и поликонфессиональная, - всегда славилась толерантностью по отношению других вероисповеданий. Проявления ислама в нашей стране происходили преимущественно на уровнях бытового и традиционного, чем мировоззренческого. В частности, кистинцы Панкисского ущелья веровали в синкретную религию, одинаково соблюдали как христианские, так и дохристианские – языческие ритуалы. Заодно соблюдали и чисто мусульманские обряды: суматва (обрезание), пищевые запреты (свинина), погребальные ритуалы (похороны до захода солнца, тип кладбища). Мусульманин-кистинец обязан произнести за день пятикратную молитву; особенно чтят пост в месяце рамазан. По окончании поста празднуют. Через два месяца после рамазанского поста в течение девяти дней соблюдают другой пост – чурбан марх. Кистинцы отмечают и день рождения Мухаммеда – мевлуд\мавлуд. Сегодня ситуация резко изменилась – новообращенная молодежь отвергает ислам с синкретными элементами и от старшего поколения требует четкого соблюдения норм «истинного ислама».

Молодые считают, что соблюдение «истинного ислама» так, как его соблюдают чеченцы, это и есть реанимированная ценность в этническом самосознании. По их мнению, такую форму ислама кистинцы воспринимают без критики и считают ее источником пополнения духовных

ценностей. Этим они стремятся к интеграции в чеченскую моральную культуру и в то же время отрицают свою маргинализацию в Грузии. Новой религиозной ценностью стала конверсия – протест против старой идеологии. Однако пока она не будет воспринята как нечто лично важное, а это процесс длительный, она будет существовать лишь на уровне декларации и народ не сможет реально следовать ей. Так что, вокруг этого вопроса солидарность масс может и не состояться.

На самом деле они могут и не стать «истинными верующими», однако вера реально приводит в действие национальные идеи. В трансформирующемся обществе ценности этнического самосохранения и символы (идентификации и самоутверждения) начинают быстро действовать, усиливается уважение и тяготение к исторической родине, чем и возмещают ущерб, нанесенный обществу. Это способствует политизации элиты и манипулированию национальными идеями и ценностями. Общество панкисских кистинцев пока не достигло этого этапа.

Однако тяготение к «истинному исламу» все больше замечается в последнее время и среди старшего поколения и виной тому служит страх перед ваххабизмом – столь отдаленным и неприемлемым для традиционной культуры кистинцев направлением. Непримируемость привела к тому, что в с. Дуиси, где действует построенная еще в 1902 г. мечеть, построили новую мечеть для ваххабитов, т.к. в старую их не пускали. Появились новые мечети и в селах Омало, Джоколо и Биркиани, в которых, соблюдая все правила, читают намазан. В Джоколо не функционирует в свое время реставрированная (построено в 1866 г.) православная церковь, которая, оставшаяся без прихожан,

сегодня представляет собой лишь памятник культуры. Ситуация настолько напряжена, что единственная действующая церковь ущелья сегодня лишена функции, т.к. грузины и осетины ее уже не посещают. Возможно, что упомянутая церковь разделит плачевную участь других христианских памятников в мусульманском мире, т.к. сильные тенденции реисламизации кистинцев способствуют их присоединению к всеобщему мусульманскому миру. В конечном итоге все это ведет к потере этнической самобытности кистинцев и их изоляции от общегрузинской культуры. Подобное отчуждение, несомненно, негативным образом отразится на гражданскую интеграцию и приостановит развитие единого открытого общества.

Само собой разумеется, что процесс реисламизации в Панкисском ущелье рождает среди молодежи ориентацию на мусульманский мир, в частности ориентацию на идентичность с Чечней; вместе с тем, чувствуется и отрицание грузинских ценностей.

Немаловажную роль сыграло и появление в обществе родственного этноса – чеченских беженцев. Вместе с ними в ущелье в качестве беженцев вернулись и экономические мигранты – кистинцы. Этим двух групп в Чечне не разделяла никакая дистанция – ни культурная, ни социальная и ни экономическая. Кистинцы прошли успешную адаптацию в чеченской родственной среде; так же успешно приспособились они и к проблемам урбанизации (жили в основном в г. Грозном), что во многом было обусловлено экономическим благосостоянием (по их словам, там им хорошо жилось и если б не война, даже можно было разбогатеть).

Таким образом, беженцы в ущелье появились как единое, сплоченное, не противопоставленное общество.

Процесс адаптации прошел почти безболезненно - не было необходимости в особенных психологических механизмах, во всяком случае, приезжие не подверглись «культурному шоку», т.е. стрессогенная степень новой культурной среды сводилась к минимуму. Несмотря на то, что панкисцы были ориентированы на грузинскую культуру, параметры близости – отдаленности культур расходились в меньшей степени. Именно это и способствовало с одной стороны изменению ориентаций и интеграций кистинцев в чеченский мир, а с другой стороны – отчуждению и отдалению от грузин и осетин. Однако можно сказать, что процесс оказался обоюдным.

Разность культур в ущелье создает сегодня негативный социально-перцепционный образ соседней культуры. «Пересмотрены» старые связи и отношения и начался новый процесс адаптации. В этом процессе каждая из групп вырабатывает собственные механизмы реадаптации. Культуры соседних групп оказались отчужденными, отдаленными друг от друга и противопоставленными. И чем больше отдалается группа в этом процессе от соседней культуры, тем сильнее воспринимает она различие соседней культуры и активнее вырабатывает прочный механизм психологической защиты, типа позитивного «мы» и негативного «они». Разграничиваются этнические автостереотипы и гетеростереотипы. Несмотря на общность материальной культуры, появляются духовные и психологические границы. Приводятся в действие исторические, социальные и политические разграничительные механизмы. Этнокультурная разность перерастает в разность политических ориентации. Постепенно складывается направленный друг на друга «образ врага».

На фоне политических явлений и обоюдного этно-отчуждения в обществе Панкисского ущелья отчетливо обозначился феномен «образа врага», т.е. то, что у них с кем-то враждебные отношения и относятся к ним с недоверием. В силу такого настроения усугубляется противостояние и группы оказываются в конфликтном состоянии.

В «образе врага» оказываются разные объекты – для кистинцев и беженцев-чеченцев это Россия; для грузин – кистины, в ряде случаев беженцы-чеченцы и Россия, ибо считают, что они являются источником всех зол в ущелье, т.к. именно из-за родственных чеченцам кистинцев бомбит Россия ущелье. Грузины сегодня ассоциируют с кистинцами и распространение наркотиков, и похищение людей, и воровство – одним словом, криминальный мир. Те же кистинцы являются «образом врага» и для проживающих здесь осетин. Подобное настроение, подкрепленное с некорректными поступками, явно указывает на присутствие «образа врага» в ущелье.

Дело в том, что члены общества и отдельные лица не в состоянии найти объективные причины происходящего и дать глубинный анализ социальных и политических процессов. Поэтому любое негативное явление оценивается ими по этническому признаку, в ряде случаев ошибочно и преувеличенно. Исходя из сказанного, этногруппы сегодня отмечают друг у друга много агрессии и зла. Напр., такие вербальные высказывания грузин: «А почему у меня в паспорте не должны отметить национальность? Я же не такой как кистинец? Это они наркотики завезли, развратили молодежь. Не чеченцы виноваты, а местные кистинцы, это они воруют».

Кистинец в адрес осетин: «Хватит с полна, они много наворовали. Утекло их время, ныне настало наше время. Они изменили Грузии, пусть уходят отсюда, из Грузии».

Осетин в адрес кистинцев: «Боимся мы, выйти из дома опасно. Мы не виноваты, это они виноваты в том, что происходит. Наркотики они распространяют, людей они похищают. Все равно Россия их победит».

«Образ врага» формирует заранее отрицательно настроенное стереотипное мышление, содействующее процессу дегуманизации, что облегчает нанести противнику не только вербальное, но и конкретное, физическое оскорбление. Наглядным примером тому служит разгром осетинских сел одной группой молодых кистинцев. Часто кистинцы в знак протеста грабят и разрушают даже то, что имеет для них мало значения, напр., грабят фруктовые сады, запрещают осетинам появляться в определенных местах – купаться на речке, приходиться в спортивный зал и т.д. И все это происходит открыто.

Мы уже отметили, что «образ врага» рождает негативные стереотипы, которые акцентируют лишь одни отрицательные стороны и деяния. И в памяти, и в сознании остаются одни отрицательные переживания.

«Образ врага» формирует поведение группы и глубоко пускает корни в социальной системе; она усиливает внутригрупповую мобилизацию и усугубляет опозитив «мы - они», участники которого все больше отдаляются друг от друга – «они» другие, не такие как «мы»; каждый поступок, каждое поведение проходит через негативную призму; они лишены позитивного; «они» невежды, плохие, грубые, воры и т.д.; «они» должны быть наказаны, а если другой нации, пусть уходят на свою историческую родину. В конечном

итоге разница и негативный стереотип служат лишь тому, что «другой» для «нас» опасен, и поэтому любая агрессия – и скрытая, и явная – оправдана и приемлема. Исключается любой корректив, позитивная критика, обсуждение, размышление и другого вида конструктивные действия.

Ни одна из сторон не считает себя виновной в противостоянии, повод к которому они ищут друг у друга и не ищут подлинную, реальную причину; более того, совершение преступления, нарушение закона или же этнических норм хоть одним членом любой группы воспринимается как вина всего этноса: «Виноваты чеченцы!», «Виноваты осетины!», «Виноваты кистинцы!», «Виноваты грузины!», т.е. в глазах общества виновата всегда та «противостоящая» группа, оценка которой дискредитирована.

«Образ врага» особенно опасен в том случае, если он складывается у каждой из противостоящих сторон. Это называется «зеркальным образом»⁴⁷ - каждая из сторон максимально негативно воспринимает любой поступок другой стороны. Любой поступок усиливает враждебное отношение, напряженность и обостряет конфликт, который в любой момент может перерасти в вооруженное противостояние по той причине, что каждая из сторон готова к самообороне, а это с точки зрения противостоящей стороны воспринимается как нападение. Несмотря на то, что ситуация в ущелье чревато эскалацией конфликта по всем пунктам, все же противостояние этногрупп в Панкисском ущелье фактически не переросло в вооруженный конфликт.

⁴⁷ Тишков В.А., Концептуальная эволюция национальной политики в России, журн.: «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», №100, М., 1996, стр. 30–31.

Дело в том, что ущелье не только оказалось практически закрытым силовыми структурами Грузии, но здесь и на самом деле сформировалась реально закрытая социальная система.

Однако должны отметить и то, что изоляция ущелья силовыми структурами, якобы его охрана, носит мишурный характер. Закрыв ущелье, тем самым они дали волю нарастанию криминогенной ситуации и, разумеется, получили еще большую прибыль незаконным путем. Итак, ущелье оказалось недоступным для общественности, но поразительно доступным для наркобизнеса и преступников, что накалило криминогенную ситуацию. Таким образом, внутри закрытого общества не то что разрешились текущие проблемы (попытки чего несколько раз имел совет старейшин), а наоборот, эскалация преступности превзошла всякие границы.

Однако на личностном уровне не все в обществе настроены агрессивно друг против друга. По ходу работы в отдельных случаях встречали даже полную эмпатию. А эмпатия, как известно, это сочувствие по отношению противника, попытка осознать его ценности, вникнуть в мотивы его поступков и постараться на некоторое время отойти от собственной точки зрения. Эмпатичные люди выходят за рамки своего ограниченного восприятия и глубже проникают в переживания противника. Эмпатия облачает противника в «человеческое одеяние» и делает обозримым человеческие мысли, страхи и слабости, которые направляют его поведение⁴⁸.

В ущелье не мало эмпатичных людей, они встречаются в каждой этнической группе, в особенности в тех селах, где местное население и беженцы находятся в

⁴⁸ Тишков В.А., Указ. работа, стр. 30–31.

непосредственном контакте. Прямые же общения помогает им получить достоверную информацию друг о друге, выявить в группах общие интересы. Однако отдельные случаи таких контактов не в силах разрушить феномен «образа врага», тогда как наилучшим способом для этого является сотрудничество с целью решения общих проблем. И все же, в Панкисском ущелье наблюдаются осознание общих интересов и зачатки сотрудничества хотя бы в том, что, по мнению населения, все беды «исходят от силовых структур, а у криминалов нет этничности». Судя по этому постулату, все еще не поздно разрядить противостояние в обществе при том условии, что в этом процессе свою роль выполнят государственные структуры. Без помощи официальных структур общество не в силах выйти из тупика, не в силах преодолеть проблемы, грозящие обществу гибелью, тем более на фоне того, что и в ущелье, и, вообще в государстве полно сложных политических, социально-бытовых, экономических проблем. Местные жители считают, что если «уберут из ущелья криминалов», они сами справятся со своими трудностями. Какихнибудь особых претензий по отношению социальной или же бытовой сфер они на данном этапе не имеют, хотя и в этих сферах много проблем. Фрустрированные люди все еще надеются, что сами смогут выйти из создавшегося положения и найти пути жизнеобеспечения. «Мы труженики и не пропадем, лишь бы криминалов убрали» - говорят они. Ясно, что на шкале ценностей панкисского полиэтничного общества произошли изменения; более того, смело можно сказать, что отношение к ценностям обесценилось. Единственная ценность, которая явно выдвинута - это «выживание», рядом с которым другие потребности отходят

на задний план. Возникает проблема первостепенной важности – выжить, спасти себя физически (в прямом смысле этого слова) от наркомании, грабежа, вымогательства, от бомбежек.

Очевидно, что в Панкисском ущелье сложились тяжелейшие условия. Налицо все параметры противостояния этногрупп: не вступают в браки с представителями противостоящих этногрупп, не дружат с ними, не входят в деловые контакты.

Означенные параметры четко выявляют национальные отношения к социальным контактам и степень взаимоотношений между представителями разных этнических групп во время социальных контактов.

Согласно этим трем параметрам, в политическом обществе Панкисского ущелья приоритетным партнером считается лишь член собственной этнической группы, т.е. можно сказать, что имеем дело с закрытым социумом.

Наши исследования подтверждают, что наличие в приграничном регионе Грузии напряженного до предела, с внутренними противостояниями полиэтничного общества само по себе является носителем заряда открытого конфликта. Однако в исследуемом регионе нет открытого конфликта. Попытаемся разъяснить причину.

Во время «панкисского кризиса» неоднократно было зафиксировано мнение, что кистинцы требуют автономии, или же хотят отделиться от Грузии и присоединиться к Чечне, что Панкисское ущелье уже потеряно и т.д.; т.е. явно была попытка приладить суть абхазского и осетинского конфликтов к ситуации в Панкисском ущелье. Нам не раз пришлось услышать такое от населения в течение двухлетней работы в регионе. То, что в основу распростра-

нения таких мнений лежала провокация, подстрекательство, несомненно. Постараемся объяснить почему.

Сегодня в мире наблюдается тенденция, суть которой состоит в том, что любая нация - доминантная или же представляющая национальное меньшинство должна связывать свою идентичность в государстве с гражданством, а не с этничностью⁴⁹. Однако на практике, в постсоветском пространстве осуществить это оказалось делом весьма трудным по причине еще сохранившегося здесь советского менталитета, особенно часто проявляющегося на фоне конфликтных ситуаций. “Чувство гражданства совершенно чуждо советскому человеку. Дело не в том, умен он или глуп; просто ему в принципе чуждо гражданство как возможное ощущение. Когда существование такого чувства возможно для человека, когда он способен осуществить эти возможности, тогда оно становится для него необходимым в том понимании, что без него человек не представляет себя: если этого нет, то и меня нет”⁵⁰. Таково философское осмысление этой проблемы Мерабом Мамардашвили. И все же необходимо, чтобы представители доминантной нации или национального меньшинства, вне зависимости от их желания, избавились от чувства этнонационализма и приучили себя к совместному проживанию в одном полиэтничном государстве, в основу которого будут положены такие ценности, как взаимоуважение, терпимость,

⁴⁹ 25 марта 1993 года был принят довольно либеральный закон о гражданстве Грузии, который уравнивает права представителей всех национальностей, не устанавливает никакого ценза, обращаясь к нулевому варианту.

⁵⁰ М а м а р д а ш в и л и М. Беседы о философии. Тб., 1992, стр. 144 - 145. (груз.)

прощение и т.д. Эту мысль высказывали многие ученые и политологи, однако реальность и практика свидетельствуют совершенно о другом. Необходимость остается необходимостью, а жизнь диктует нам свои условия. Нет сомнения в том, что ни один народ сам по себе не желает конфликта. С этой целью этносы не возникали и не исчезали. История человечества же полна различных противостояний, противоречий, конфликтов и кровопролитных войн. Как отмечалось, большинство конфликтов связано с проблемой национальных меньшинств. Каково же в этом отношении положение в Грузии? В каких ее регионах возможна вспышка открытых конфликтов после распада СССР?

Подобно многим другим странам, Грузия является многонациональным государством. В течение столетий на ее территории по разным причинам оседали представители разных национальностей. Согласно переписи населения 1989 года, здесь проживали представители нескольких десятков национальностей, из коих до десяти были поселены компактно. На территории доминантного этноса они создали “микроострова этноменьшинств” (термин условен). Некоторые из них оказались в приграничных зонах Грузии, причем по соседству с государствами, населенными идентичными им этносами. Таковы, например, армянские поселения в Джавахети, которые граничат с Арменией; проживающие в Квемо Картли азербайджанцы граничат с Азербайджаном; осетины, проживающие в Шида Картли - с Северной Осетией (Аланией); кистинцы (вайнахи-чечены) - с Чечней (Республика Ичкерия), авары - с Дагестаном. Обитателей таких “островов” мы условно назвали “первым иноэтничным типом”. Некоторые

группы негрузинской национальности более изолированы от своего этноса, т.к. их историческая родина не граничит непосредственно с Грузией. Представители этих групп компактно и дисперсивно расселены во внутренних регионах республики: это русские, греки, ассирийцы, курды и др. Их условно можно назвать “вторым иноэтническим типом”. (Абхазию нельзя отнести ни к одному из выше-названных типов, хотя ее периферийно-пограничное расположение является одной из главных причин для возникновения сепаратистских претензий. К тому же, абхазы политически ориентируются не на родственный этнос, а на Россию. Следовательно, по этим признакам они занимают промежуточное положение между этими двумя иноэтническими типами).

Поселения первого иноэтнического типа заполняют собой лимитрофные зоны республики. Этнографические наблюдения показывают, что в подобных зонах создается особый микромир, в котором синкретизированы культурные элементы различных этносов. Политическая ситуация в государстве вызывает здесь своеобразные процессы, обусловленные требованиями безопасности страны, выраженной в особой стратегии, выработанной двумя этносами и основанной на гибкой политике взаимоуступок, что отражается в их культуре через определенные традиции.

В мирное время население лимитрофной полосы живет замкнуто и отчужденно от общественной жизни страны, но в напряженное время его роль резко возрастает. Оно способствует смягчению конфликта или упорядочению отношений между этносами. Хотя в ряде случаев эти “островки” первого типа сами могут превратиться в очаги напряжения, инициатора беспорядков.

Грузия всегда уделяла особое внимание приграничным регионам. Правители Грузии старались привнести сюда культуру, просвещение, упрочить христианство, возводя церкви и создавая особые льготные условия для местного населения. В приграничных зонах всегда была велика возможность провоцирования беспорядков со стороны внешних экспансивных сил, поэтому было желательно сплотить здесь грузинское и негрузинское население и таким образом создать надежную опору государственности, своего рода плацдарм. По этой причине национальные меньшинства приграничных зон всегда были объектом особой заботы грузинского государства.

С течением времени, в силу определенных обстоятельств, в названных лимитрофных зонах грузины оказались в меньшинстве, а национальные меньшинства достигли господствующего положения и начали притеснять грузин, живущих на микротерритории, тем самым нарушая права человека. Начался процесс частичной ассимиляции титульного этноса.

Происшедшие за последнее время в Грузии события показали, что “очаги напряжения” появились именно в регионах первого типа, т.е. там, где жители считают себя родственными населению сопредельных государств и постоянно тяготеют к воссоединению с ними, хотя часто они не являются аборигенами тех мест. Например, основная масса поселенцев-армян в Джавахети являются не выходцами из Армении, а переселенцами из Турции, а поселенцы Квемо Каргли являются выходцами из Ирана, а не Азербайджана. Что касается населения второго типа, в его среде не ожидается возникновение открытого конфликта.

В течение последнего десятилетия политический, экономический и социальный кризис отразился на состоянии не только доминантного населения, но и национальных меньшинств. Процесс “политизации” коснулся как грузин, так и национальных меньшинств. Созданию конфликтных ситуаций, наряду с внешними силами, способствовала и местная “политическая элита”, которая для сохранения своего влияния встала на путь этнического противостояния. “Политики” Осетии и Абхазии, а параллельно и представители армянского и азербайджанского меньшинств избрали путь этнического национализма, чему способствовало проявление “грузинского национализма”. Для “политической элиты” этнонационализм стал средством манипулирования массами. Напряженность постепенно охватила большую часть народа. Быстрый экономический развал, шаткое социальное положение и информационный вакуум способствовали разрушению самосознания. До распада СССР этнические группы (национальные меньшинства) знали, что они живут в едином государстве - Советском Союзе, однако после демонтажа последнего их сознание лишилось основы, и они начали поиски другой идентификации. Было логичным искать свою идентичность опять-таки в бывшем СССР (ведь население времен коммунистического правления было психологически “запрограммированным”, ригидным - находилось в плену определенного мышления и менталитета). Стремление живущего в приграничной полосе, т.е. относящегося к первому иноэтническому типу, населения к приобретению новой идентичности было относительно легко осуществимо. По представлению этих жителей, они отделились бы от Грузии, изменили бы границы и

присоединились бы к родственной республике, которая не была еще оппозиционно настроена по отношению к России, воспринимаемой ими, как Советский Союз. Нетрудно догадаться, что за всем этим последовали бы этнотерриториальные конфликты, которые, возможно, впоследствии переросли бы в междоусобные войны. В таких предполагаемых конфликтах не исключено поощрение, закулисное вмешательство внешних экспансивных сил. Джавахети и Квемо Картли-потенциально конфликтные регионы - не пошли по этому пути, на что имелись свои причины.

Приграничные территориальные конфликты характерны не только для Грузии. Они, можно сказать - всеобщее явление. Национальные меньшинства, компактно населяющие приграничные регионы, везде представляют собой “фактор риска”. Науке известно несколько видов таких противостояний. Например, американский профессор Дональд Горовиц выделяет два вида таких явлений: “сепаратизм и ирредентизм”⁵¹. Автор дефинирует сепаратизм, как “выход группы и занимаемой ею территории из-под юрисдикции государства, составной частью которого она является.

⁵¹ Ирредентизм (итальянский - irredentismo//irredento) означает “неосвобожденный, находящийся под чужим господством“. В Италии конца XIX и начала XX в. политическое и общественное движение, ставившее перед собой цель присоединить к Италии приграничные области, населенные итальянцами (Триест, Трентино и др.). После первой мировой войны ирредентизм слился с фашизмом. Несмотря на то, что термин “ирредентизм” сегодня не популярен в кругах политиков и политологов, мы считаем такое деление уместным, ибо это дает возможность лучше представить себе конфликтные ситуации, имеющие место в Грузии.

Ирредентизм же есть объединение этнически родственного населения и его приграничной территории с родственным государством, которое готово их присоединить. За выходом из-под юрисдикции путем сепаратизма следует создание нового государства, а результатом ирредентизма является присоединение - аннексия определенной территории тем государством, которое выражает готовность присоединить ту или иную группу, но это не есть простая аннексия; в основе такой аннексии лежит этническое родство”⁵².

В регионах, отделившихся путем сепаратизма или ирредентизма, нарушается баланс этнического состава, возможно превращение полиэтнического микрорегиона в моноэтнический, т.к. представители неродственного этноса могут не пожелать жить в другом государстве, а представители доминантного этноса вообще покинут эту территорию и переместятся в глубь страны, как насильственно перемещенные лица. Находящиеся же на этой территории другие этнические группы могут принять решение вернуться на свою историческую родину.

Как отмечает Д. Горовиц, на практике такое воссоединение (ирредентизм) происходит не так уж часто: “Государство, которое согласно присоединить к себе ту или иную этническую группу, может быть более бедным, чем то, в котором в данный момент проживает группа, подлежащая воссоединению, оно может быть более авторитарным или нежелательным по каким-либо причинам. Возможно и такое положение, когда люди, находящиеся у власти воссоединяющего государства, относятся к

⁵² Г о р о в и ц Д., Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение, в сб. : “Национальная политика в Российской Федерации”, М., 1993, стр.145.

потенциально воссоединяемой группе как к “неотесанной деревенщине” или как к людям, слишком долго проживавшим под культурным влиянием чуждого режима”⁵³.

В Грузии существует шесть пограничных регионов с компактно проживающим негрузинским населением: Абхазия, Шида Картли (т.н. Южная Осетия), Квемо Картли, Джавахети, а в Кахети - Панкисское ущелье и Кварельский район. На сей раз мы не коснемся их исторического прошлого, а только отметим, что народ, проживающий в течение долгого времени в Грузии, уже не является “гостем” и должен разделить общие интересы доминантного этноса, хотя реальность показывает, что именно в таких регионах называют конфликтные ситуации.

Из перечисленных шести регионов каждый мог стать “очагом” этноконфликта, однако реально только четыре являются носителями “фактора риска”; в остальных двух открытых столкновений ожидать не приходится, хотя здесь прослеживаются конфликтные ситуации, связанные с бытовыми, социальными и даже политическими вопросами. Не исключено, что и эти разногласия могут быть представлены под видом этнического конфликта.

Положение в этих регионах можно охарактеризовать следующим образом: в двух регионах “высокой степени риска” (Абхазия и т.н. Южная Осетия) уже произошел открытый конфликт. В двух - Джавахети и Квемо Картли - при особых обстоятельствах можно проследить “предконфликтную ситуацию” (термин условен в отношении этих регионов), а в двух остальных население [в Кварельском районе - аварцы, в Панкисском ущелье - кистинцы {чеченцы}] не является носителем “фактора высокого

⁵³ Г о р о в и ц Д., Указ. работа, стр. 147.

риска”. Иначе говоря, предконфликтные ситуации в двух регионах, при наличии определенных причин, могут перерасти в открытое столкновение с целью сепаратизма или ирредентизма. Что же касается двух последних регионов, то здесь почти исключена возможность возникновения открытых столкновений. Это имеет свое объяснение. В регионах “высокой степени риска” (первого типа) следует ожидать как сепаратистский, так и ирредентный конфликты, что обусловлено следующими факторами:

1. Компактным поселением в приграничной полосе;
2. Непосредственным соседством с родственным этносом, страной соотечественников;
3. Сознанием того, что потенциально национальное меньшинство в процентном отношении не такая уж малая часть населения государства;
4. Наличием традиционной культуры, языка, самосознания и самоназвания;
5. Доминантностью в микрорегионе;
6. Наличием автономии с официальным правлением;
7. Определенным этническим составом местного правления;
8. Тяжелым экономическим и социальным положением в государстве.

Происходящий в Абхазии конфликт можно считать сепаратистским, хотя вначале он имел претензию быть “ирредентным”, ибо опирался то на конфедерацию соседних народов Кавказа, то на присоединение к России. Но в конце концов принял облик сепаратизма, ибо регион претендует на выделение в отдельное государство. В остальных трех регионах происходили ирредентные конфликты, т.е. проявлялось желание присоединения к

соседней родственной стране. Из них в одном регионе произошел открытый конфликт. Оставшиеся два региона, ввиду перемены политической ситуации, не выражают подобных желаний, однако остаются потенциальными “кандидатами” ирредентного конфликта в особых ситуациях в будущем.

Рассмотрим, что происходит в остальных двух регионах (Панкийское ущелье и Кварельский район). Как мы уже отмечали, здесь не следует ожидать ни открытых столкновений, ни конфликтных ситуаций с “высокой степенью риска”. Факторы, способствующие конфликту, здесь те же; разница состоит в том, что процентное отношение этнических меньшинств к населению государства здесь незначительно и они имеют ограниченное коммуникационное сообщение со своими родственными республиками. Для связи служат лишь горные пешеходные тропы. Однако и здесь, как и в других регионах Грузии, наблюдается особое этнополитическое положение, представляющее интерес. Примером этого служит хотя бы Панкийский вопрос с высоким криминогенным положением, но конфликт в Панкиси никогда не станет в ряд абхазского и осетинского этноконфликта.

Итак, конфликтные ситуации у этнических меньшинств приграничных регионов условно можно разделить на два вида: ситуации с “высокой степенью риска” и ситуации с “малой степенью риска”. Группы с “высокой степенью риска” являются потенциальными кандидатами открытых этноконфликтов (четыре региона), а ситуациям с “малой степенью риска” труднее перерасти в открыт этноконфликт (два региона). В свою очередь, конфликт “с высокой степенью риска” может быть двух видов: 1) сепаратистским

(Абхазия) и 2) ирредентным (т.н. Южная Осетия) - здесь произошли открытые конфликты, и потенциально опасные зоны Квемо Картли (с азербайджанским населением) и Джавахети (с армянским населением). В самом начале все четыре региона были “кандидатами” конфликта “с высокой степенью риска”, хотя в двух из них противостояния не произошло и, возможно, не произойдет, если не будет для того соответствующих условий.

Этнические меньшинства, компактно или дисперсивно расселенные внутри страны, не являются “кандидатами” этнических конфликтов. Здесь следует ожидать иного рода противостояния, в основу которых могут лечь различные бытовые, социальные, культурные, юридические проблемы, оформленные в виде претензий к государственным институтам и к доминантной нации. Более того, ирредентные претензии негрузинского населения приграничных регионов не разделяют представители того же этноса, компактно проживающие во внутренних районах страны. Например, абхазы, проживающие в Аджарии, не присоединились к требованиям представителей своего этноса, населяющего Абхазию; а к требованиям 60 тысяч осетин, населяющих автономную область, не присоединились 100 тысяч представителей того же этноса, проживающих в центральных регионах и городах Грузии. Таким образом, можно сказать, что этноконфликты потенциально ожидаемы в приграничных регионах тогда, когда этому способствует процентное соотношение численности этнического меньшинства к доминантной нации.

Как этнолог, я не могу не отметить тот факт, что движущей силой этноконфликтов в основном являются “политические лидеры” этих этнических групп. Наша

многолетняя практика полевых работ (особенно за последние годы) ясно показала, что народ в Шида Картли (т.н. Южной Осетии) и Абхазии не был сторонником этноконфликтов. Наоборот, чувствовалась напряженность и даже страх в ожидании конфликта. Совсем иные настроения были заметны в среде “этноэлиты”, которая, между прочим, работала бок о бок с нами и почти не скрывала своих намерений. Так что, элита, как правило, оказывает большое влияние на ход политической жизни. Все зависит от того, кто именно возьмет бразды правления в свои руки. Это выявилось и на практике. Здравомыслящая, образованная часть этнической элиты не выступает против целостности Грузии и не является сторонницей ее распада, что хорошо видно на примере абхазов и осетин.

Этноконфликты всегда начинают деструктивные элитарные элементы, используя этнонационализм для манипулирования народом. В это время массы не выходят на арену действий: они вовлекаются в конфликт только на последующих этапах. Таким образом, этничность может и не быть основной причиной начала конфликта. Конфликт перерастает в этнический, когда массы начинают принимать в нем активное участие. И разжигание, и предотвращение конфликта находится в компетенции элиты, “ибо элиты, а не “массы” склонны и способны вызывать вражду, организовывать противостояния и вовлекать “массы” в насильственные действия с разрушительными для них последствиями. Согласие и сотрудничество элит и есть тот самый “мир между народами”, по поводу которого сегодня произносится так много заклинаний теми, кто намеренно или по неведению его же и разрушает”⁵⁴.

⁵⁴ Т и ш к о в В.А. Указ. работа, стр. 30– 31).

Можно сказать, что этноконфликты (сепаратистские и ирредентные) среди панкисских кистинцев потенциально не ожидаемы, поскольку процентное соотношение численности кистинцев к доминантному этносу слишком незначительно. Панкиси не расположен непосредственно у политической границы соседнего государства и в силу этого не находится в непосредственном соседстве с родственным этносом – конечного населенного пункта ущелья и первого поселения Чечни разделяют приблизительно 100 километров расстояния за Кавказским, высокогорным, труднопроходимым хребтом. Пути сообщения (одни лишь тропинки через горные перевалы) ограничены из-за географического рельефа.

Поэтому, даже при возникновении в ущелье любого вида конфликта, не может быть и речи об ирредентном стремлении со стороны кистинцев; т.е. они не смогут пойти по этому пути – требовать отделения от Грузии и присоединения к Чечне, или же автономии. Подобные стремления в ущелье не наблюдаются.

Таким образом, информации по этому поводу не соответствуют истине и их, распространяемых массмедией, можно считать малой частью большой провокации.

«Избранное для провокации» общество Панкисского ущелья сегодня находится в состоянии кризиса. Проистекающим в обществе бытовым, социальным или же политическим процессам присущи все характерные для пребывающего в переходном периоде государства трудности. Обременительная социальная среда отягощена политическими страстями и кистинцы находятся перед лицом тяжелейших процессов. Однако в том, что традиционно закрытое панкисское общество не стремится стать открытым,

не стоит винить одну лишь политическую ситуацию – тормозящей причиной выступает также традиционно закрытая этническая культура кистинцев.

Совсем недавно изменился процесс социального развития, имевший место при советском строе и это повлекло за собой изменения в существующих в стране институтах, обществе, группах, индивидах. Изменяется поведенческий тип и вместе с ним – мышление, менталитет и мировоззрение.

Человечество прошло долгий путь, прежде чем прийти к демократическому государству. Но демократия должна осуществляться не только в политической, но и в правовой, экономической, социальной, духовной и культурной сферах.

Демократическое государство не может существовать без демократического общества. Но для его становления требуется различная продолжительность времени при различных условиях.

Строительство демократического общества должны осуществить мы, народ, общественность. Как известно, общность – общество есть организованная совокупность людей, проживающих и осуществляющих жизненно важные действия в единой социальной среде⁵⁵, что само по себе подразумевает наличие сильных общественных структур, без которых невозможно удовлетворить потребности жизнеобеспечения, организовать процесс труда, развивать культуру, т.е. все то, что способствует дальнейшему

⁵⁵ Bottomore T., Structure and History, Approaches to the Study of Social Structure, Ed. P. Blau, N. Y. 1975; Lipset S. M., Social Structure and Social Change, Approaches to the Study of Social Structure, Ed. P. Blau, N. Y. 1975.

развитию общества и эволюции. Такое восприятие проблемы является в основном приоритетом этнологов⁵⁶.

Человек и общество, состоящее из этих людей, сами создают свою историю, полную противоречий и трудностей. Чтобы добиться чего-либо, каждый человек в своих действиях руководствуется целями, идеалами, ценностями и выбирает конкретные способы для достижения намеченного. Основной целью для него, прежде всего, является стремление самому удовлетворить материальные и духовные потребности. Тоталитарное государство создает его лидер, но демократическое государство строит общество, сам народ совместно со своим лидером. А потому ответственность надо брать и на себя. Для этого же необходимо задействовать механизмы социального контроля, начиная с личностного уровня, например, каждый человек должен контролировать, куда уходят его деньги, т.е. налоги. Традиция и обычай должны контролировать наше поведение, городскую и сельскую архитектуру и многое другое. Следует знать, что строить рядом с церковью здание, выше нее и заслоняющее ее – недопустимо; должны существовать социальные запреты, санкции, например, штрафы, которые не были чужды традиционной грузинской культуре.

Заслуживает внимания то, как влияет уже сформировавшаяся в процессе социального и исторического развития этническая культура на способность адаптироваться к современной индустриальной цивилизации.

Этот процесс протекает весьма болезненно на фоне смены формаций государства или других политических изменений. В обществе проявляются два взаимоисключающих

⁵⁶ Дюркгейм Э., О разделении общественного труда. Метод социологии, М., 1991.

настроения: возвышение – гиперболизация национальных ценностей и наоборот – полная фрустрация и нигилизм. Адаптация – процесс приспособления к новой окружающей среде, который влечет за собой перестройку собственных систем ценностных установок и ориентаций, но до определенных пределов, пока изменения не затрагивают самую сущность общности.

Можно допустить, что основными системообразующими единицами культуры являются типы самоопределения личности. Индивид при самооценке опирается на такой важный компонент личностного определения как реальная или воображаемая референтная группа. Это – социальная общность, на нормы, ценности и мнение которой ориентируется индивид в своем поведении. Референтная группа выступает в роли эталона, с помощью которого индивид оценивает себя и других.

Типологизация этнокультурных систем возможна по характеру личностной определенности. Основой типологизации является тип структуры референтной группы. На этой гипотетической шкале вначале и в конце располагаются два полярных (и несколько идеализированных) типа. Один из них в качестве образца для формирования референтной группы берет реальную социальную группу, например: семейно-родственную, родовую, соседскую общину и т.д. В таком типе господствует гармонично-коллективная модель. Здесь человек сам по себе ничего не значит.

При другом типе базой и моделью референтной группы при ее формировании выступает условная социальная группа, объединенная единством цели, например: конфессиональная группа, партия и другие малые общности.

Личностное определение (кто есть я) в «реальной социальной группе» происходит иерархическим путем. Во второй же, «условной социальной группе» самоопределение (кто есть я) зависит от личностного, индивидуального вклада в ту или иную деятельность. Этот тип направлен на индивидуальную самореализацию. Поэтому такое самоопределение происходит «путем деятельного самоопределения»⁵⁷.

В культуре, в которой доминирует иерархический тип самоопределения, член социальной группы считает себя ответственным за успех группы. В свою очередь, группа несет ответственность за поведение индивида, что влечет за собой внешний социальный контроль со стороны группы, общности над деятельностью каждого члена коллектива. Иными словами, человек при таком типе самоопределения отвечает за свои действия не перед самим собой (согласно своим внутренним критериям), а перед группой и по ее критериям, т.е. за успешное выполнение своих обязанностей внутри групповой иерархии. Неудача в выполнении этих обязательств приводит к возникновению чувства стыда перед общиной, но не к появлению чувства вины перед самим собой, как это имеет место при самоопределении через деятельность. Человек здесь не является судьей самому себе, и оценку своих поступков производит с позиции группы. Отчасти это подразумевает, что за пределами общины любые действия, не приносящие ущерба общине, не рассматриваются как предосудительные, что порождает двойной стандарт поведения (по

⁵⁷ Шубитидзе В., Безопасность и адаптационная способность этнической культуры в новой социально-культурной среде, в книге: Панкисский кризис, Тб. 2002 г, стр. 81-82. (на груз. яз).

отношению к своим и по отношению к посторонним). В подобной системе самоопределения личности «быть кем-то» означает «быть как все»⁵⁸.

В иерархическом типе самоопределения индивид одевается так же, как его социум, ведет себя так же, как его социум, а в деятельном типе индивид старается вести себя так, как ему хочется, или же противоположно общепринятым нормам. Таким было одевание «стиляг» в 60-е годы. Таковы сегодня серьги или длинные, связанные «хвостом» волосы у мужчин, с которыми наше общество не мирилось ни тогда, ни теперь. Все это является контркультурой, которая играет определенную роль в исторической динамике, так как она появляется в противовес субкультуре и характеризуется созидательными возможностями. Она не может разрушить старое, но в какой-то мере, особенно в сознании людей, изменяет его. Подобные ситуации возникают тогда, когда локальные ценности малых групп принимают универсальный характер для социума. Именно здесь происходит контр-культурное противостояние, т.е. его можно считать не политической, но все же революцией стиля «снизу». Революция стиля может быть даже важнее, т.к. политическая революция может произойти за один день, но жизнь может оставаться прежней, пока не изменится стиль.

Иерархический тип содержит в себе вертикальную солидарность лиц, носящих различный статус, а тип самоопределения через деятельность – горизонтальную солидарность лиц, занимающих одно и то же положение.

⁵⁸ Кузнецов И.М., Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности, СЭ, 1, 1988, стр. 15-27.

Доминирование вертикальной солидарности создает благоприятные условия для развития протекционизма – в частности, протекционизма национального, общинного, родового, семейно-родственного – исходя из того, какой стадийный тип выступает в данной культуре единицей социальной организации. Сознательное нарушение моральных и правовых норм является попыткой сохранения личностной определенности в системе традиционной культуры, т.е. самоопределение личности как участника государственной структуры – поверхностно, не выражает истинное, глубинное положение вещей⁵⁹. К этому же явлению можно отнести и коррупцию, которая не зависит лишь от культурного типа самоопределения личности, но она занимает свое место в этом процессе.

Этнические культуры также можно делить на открытые и закрытые системы. Понятие открытых и закрытых систем является ключевым для системной методологии.

«Принципом существования открытых систем выступает развитие через освоение нового и иного, через внутреннее усложнение и многообразие (прогрессивный тип развития); для закрытых систем характерна консервация существующего положения, препятствие взаимодействиям, способным изменить систему (регрессивный тип развития)»⁶⁰. Поступательное движение развития человечества обеспечивают именно открытые системы.

Открытые и закрытые системы и иерархические и деятельные типы культур являются схожими структурами.

⁵⁹ Кузнецов И.М., там же, стр. 15-27.

⁶⁰ Шалаев В., Этнос как открытые и закрытые системы, Этнологический вестник, 2 (8), М., 1995, стр. 198.

В ряде обществ они могут сосуществовать как двойные системы или типы и выражаться в виде ядра и периферий.

Принято мнение, что открытые системы характерны для европейского общества, а закрытые – для азиатского. Но в чистом виде их в мире трудно обнаружить. С этой точки зрения нам представляется заслуживающей внимания грузинская культура, которая содержит оба этих типа в той или иной мере. Хотя в целом мы относимся более к закрытой системе и иерархическому типу. Но в то же время в нашей культуре настолько силен принцип ядра, что периферийный тип не в состоянии затормозить его деятельность. Ядро культуры характеризует городской образ жизни. И оно всегда тяготело к прогрессу. Принятый новый элемент ядро перерабатывало в себе, оттеняло национальным колоритом, отшлифовывало и отфильтровывало, перемещало на периферию и так – раз за разом, в течение веков в непрерывном вращении меняла облик культуры.

Примечателен и тот факт, что географическое положение и геополитика Грузии в большой степени определяет открытость и закрытость культурных систем. Если сегодня европейская культура относится к открытым системам, а азиатская – к закрытым, то в Грузии, можно смело утверждать, действуют обе системы, но доминантной является все же закрытая система. Этому способствует также и многообразие среды – в горах дольше сохраняется закрытая система, а процесс миграции населения оказал влияние на открытую систему, т.е. на тип самоопределения через деятельность или ядро. В переходный период на фоне социальных и политических изменений, миграции, вызванные этноконфликтами, еще больше повлияли на открытые системы. Периферийная культура одержала верх

над ядром. Сегодня в обществе наблюдается борьба культур разных типов. Для становления нового, демократического государства наиболее благоприятна открытая система культуры, но ей препятствует закрытая система. Из-за нее затрудняется проведение реформ; прекрасным примером этому служит вопрос введения в паспорт графы гражданства и отказ от нее в пользу графы национальность. Преобразования всецело зависят от типа культуры страны. В Прибалтике, где преобладает более открытая система культуры, успешно проводят реформы, там также ниже процент коррупции. Совершенно противоположные процессы происходят в странах Средней Азии, культура которых относится к закрытой системе. Здесь постперестроечный период отличается замкнутостью и изолированностью общества. Ответ на это следует искать в собственной культуре. Но Грузия имеет перспективу. Грузинская этническая культура издавна стремится к открытости, но ее движение было искусственно задержано, естественное эволюционное развитие было несколько раз прервано: сначала было заторможено развитие капитализма, а затем произошла мифологизация социализма и гиперболизация ложных ценностей. Эти процессы помешали консолидации традиционной грузинской этнической культуры. Этой консолидации помешала также т.н. «перестройка», к которой затем добавилась глобализация. В постперестроечный период выяснилось, что коммунистическая идея «дружбы народов» была построена на мифах, и проживающие в Грузии другие нации не были интегрированы в грузинскую культуру. Каждая же неинтегрированная культура является изолированной, отчужденной, закрытой системой.

Все вышесказанное стало причиной того, что в психике грузина не сложился гражданственный менталитет, т.е. осознание того, что его домом является не только собственный очаг, но также все то, что находится за порогом этого дома: подъезд, улица, село, город и, наконец, вся страна!

При переходе на новый этап развития, формировании нового социального мышления главной задачей является преодоление как теоретических, так и практически существующих мифических и утопических воззрений о развитии общества.

Неизбежным условием эффективного сотрудничества и любой совместной деятельности с представителями иной культуры или в иной культурной среде является понимание иных культурных ценностей. Умение общаться с представителями различных культур, умение ценить различные культуры, терпимость даст возможность сосуществованию разным типам культуры. Знание культуры - это способ диалога закрытых и открытых систем общества. Если будет достигнут диалог, то сосуществование закрытых и открытых систем не станет барьером для развития нового общества.

На каждом этапе своего развития у любого общества есть определенные задачи и цели, решение и осуществление которых зависит, в первую очередь, от того, которая из социально важных деяний осуществляется в процессе социальной практики.

Если социальная практика чревата нежелательными для общества социальными и экономическими последствиями, это означает, что социальная практика противоречит естественноисторическим процессам

развития. В таком случае общество окажется в состоянии деградации и застоя и возьмет старт стадия социально-экономического и социально-политического развала.

Одновременно в обществе начнется стихийное движение таких сил, разрушительная деятельность которых чревата тяжелыми последствиями. В обществе, которое находится в таком состоянии, растет возможность манипуляции человеком, а так же социальная несправедливость и неравенство.

Происшедшие за переходной период в государственной жизни изменения своеобразно отражаются на развитие культуры. Очевидно, культура общества Панкисского ущелья переживает кризис, а кризис не такое уж необычное явление в развитии культуры – он в отдельных случаях грозит культуре распадом и крахом, но случается и наоборот – за кризисом наступает пора расцвета культуры.

Кризис в культуре вполне может принять форму конфликта в культуре, что выражается в критической стадии противоречий на уровне позиций и ориентаций отдельных лиц, групп, в отношениях личности с группой, личности с обществом, между объединениями и коалициями. Культурный конфликт, в отличие от другого вида конфликтов, специфичен именно своей идеологической обусловленностью, несовместимой позицией оценок, мировоззренческими и религиозными нормами, нормами установок, способами осуществления социально важных актов и т.д., т.е. разница заключается в социальном опыте, зафиксированном в параметрах противостоящих сторон (индивидуальных или же групповых).

Во время культурного конфликта происходит пересмотр собственных ценностей и оценка чужих ценностей с точки зрения собственных. Именно поэтому трудно достигаем компромисс между участниками конфликта. Имеет место различная оценка и интерпретация культурных текстов, преимущество которых заключается в том, что они являются опозитивом – или «наш», или «не наш», а не «наш и не наш». Выбор, разумеется, всегда в пользу «нашего». Каждая группа общества выступает в защиту «нашего» и оказывает сопротивление «не нашему», даже в том случае, если «не наш» чуть раньше был частью «нашего». Можно сказать, что культурный конфликт есть конфликт амбиций (личности, группы) и именно поэтому конфликт такого вида бескомпромиссен. Ни один из членов общества Панкисского ущелья (будь то грузин, осетин или же кистинец) в данное время не чувствует себя комфортно. Противостояние между группами происходит по этническому признаку, налицо строгое разграничение этнических культур.

Сегодня в Панкисском ущелье разрушена культура, на формирование которой ушли десятилетия; сплоченная, правда мозаичная, но все же единая культура ущелья, которая, используя свои спецхарактеристики, заботилась о стабильности общества, его безопасности. Она оказалась зависимой не только от политической ситуации, но и от степени сплоченности ее составных частей. Во имя самозащиты панкисское общество создавала такие оптимальные обычаи, которые одновременно способствовали и регулировали популяцию общества, охраняли мир (единые святилища и празднества, действие институтов искусственного родства, побратимства и родство через крещение в межэтнических отношениях) и в то же время

сохраняли самобытность. Это значит, что в ущелье параллельно функционировали характерные для каждой этногруппы этнические культуры, столь различные друг от друга.

Было пересмотрено также и этническое самосознание. Национальное самосознание, как идеология, эта та сфера, в которой имеет место перманентный процесс переосмысления, отвечающий требованиям социально-политических ситуаций. Именно посредством национального самосознания традиционный национально-культурный фонд, как национальная историческая память или же национальная история (в отличие от истории народа) оказывается включенным в текущие ситуации или же наоборот, происходит интерпретация исторической судьбы народа и национальных реалий.

В процессе ежедневной коммуникации формируются отмеченные символами смысловые поля, которые могут сохранить и аккумулировать в себе и историческую практику того или иного народа, и основные ценности, существенные с точки зрения этого общества. Аккумуляция-процесс селекционный, поскольку структура семантического поля текущей ситуации подсказывает критерий того, что нужно сохранить.

Социально-политическая ситуация подвергла испытанию традиционную культуру. Элементы, стабилизирующие межобщественные отношения быстро исчезли, и общество впало в кризис. Единая, цельная культура распалась на микроэтнокультуры каждой отдельно взятой группы, чему, безусловно, оказало содействие изменение ориентаций. Кистинцы, прежде ориентированные на Грузию, вырабатывали нормы совместного проживания по

отношению к этой стране. А сегодня молодежь не желает выработать какие-нибудь новые правила по отношению к «слабой и бедной» Грузии, т.к. их ориентация уже направлена на Чечню. Общеизвестно, что одним из неперемных условий для жизнеобеспечения общества является популяционное воспроизводство, обусловленное динамичными процессами хозяйственных, социальных, управленческих и идеологических систем. Однако, если пересекаются пути означенных процессов, т.е. начинается пересмотр – корректировка древних традиций, отказ от элементов, удерживающих единство и безопасность общества и способствующих его развитию, такое общество обречено на распад. Это не значит, что общество перестанет существовать вообще, нет. Оно прекратит существование на прежнем месте, в прежней форме и в прежних условиях. Индивиды, люди останутся в нем по этническим признакам, но общество продолжит жизнедеятельность в других условиях и в другой среде, т.е. это уже будет другое общество.

Не лишен интереса и тот факт, что старинный обряд-представление «берикаоба», сегодня уже видоизмененное, превратился в новый элемент культуры с новым содержанием типичного «рэкета», который устраивается открыто, якобы под знаком традиционного ритуала. Ритуальный праздник «берикаоба» в Панкиси, так же как и в других регионах, проводится в ночь перед пасхой, разумеется, уже не в первоизданном виде. Суть этого ритуала заключалась в том, что его участники (молодежь), с палками в руках, ходили по дворам и просили у населения съестные припасы (в основном яйца и конфеты). Они довольствовались тем, что давали им люди. Каждая этногруппа – грузины, кистинцы, осетине – проводили ритуал в своих собственных селах.

За последнее время, в условиях напряженной обстановки и агрессии одной части кистинской молодежи по отношению осетин, этот праздник принял иную форму и иной характер. Информаторы сообщают, что они заранее боятся кануна пасхи, поскольку в этот день начинается «берикаоба» уже в трансформированном виде. Молодые люди, вместо палок вооруженные уже автоматами, врываются в семьи, не то, что просят, а насильно отнимают все, что возможно (после того, как им дают причитающееся по обряду), грабят, уносят с собой не только съестное, но и домашнюю утварь, одежду и т.д., одним словом, разоряют семью. Весь этот обряд носит не развлекательный, а разорительный характер. И творят все это кистинцы и исключительно в осетинских поселениях со следующими словами: «Вам все это уже не нужно, вам все равно придется отсюда уехать». Возможно, такие «обрядовые шествия» не так уж часты, но не настолько редки, чтоб остаться незамеченными.

Подобная видоизмененная форма народного ритуала существенно отличается от народного праздника «берикаоба», т.к. сегодня она все больше напоминает форму рэкета. Этнолог Дж. Рухадзе пишет: «Берикаоба выражает необъятную энергию молодежи и радость к предстоящему обильноурожайному году и возрожденной жизни, что находит выражение в истинно общенародном безграничном веселье»⁶¹.

Рэкетирование осетинских сел под ширмой «берикаоба» направляет «необъятную энергию молодежи» в совершенно другое русло, не имеющего ничего общего с «плодородием, плодovitостью, со средствами и верованиями размножения

⁶¹ Рухадзе Дж., Народные праздники возрождения природных сил в Грузии, «Наука», Тб., 1999, стр. 9, (на груз. яз.).

урожая и скотины, с богатыми земледельческими традициями»⁶².

Сегодня ритуал не отличается ни разнообразием и ни разноцветностью масок и одежды. Сегодня «войны и разгульные «берики» настоящие, а не имитированные.

«Берикаоба» этот тот праздник, который от других отличается тем, что «хронология его неоднообразна. В нем отражен каждый этап развития нашего национального бытия, виден след трагических и другого характера событий, сопутствующих жизнь народа: войн, революций, переворотов и политических выступлений»⁶³. Дело в том, что этот обряд в Панкиси сегодня не театрализованное представление, а на самом деле, реально имеет форму «рэкета» и грабежа.

Известный ученый этнолог Дж. Рухадзе исчерпывающе изучила вопрос «берикаоба-кееноба» (кееноба – праздник в понедельник первой недели великого поста), посвятила этому вопросу специальный труд, в котором представлены не только богатый этнографический материал, но и сама история изучения вопроса. А история эта гласит, что этот обряд не обходил стороной и инсценировал борьбу с врагами и победу над ними в разнообразных формах, увязанных с разными историческими фактами. Поэтому многие ученые (Ал. Хаханашвили, М. Абрамишвили, Г. Церетели, Р. Эристави, И. Гришашвили, Ив. Джавахишвили, Ш. Амиранашвили, Ш. Чхетия, Д. Джанелидзе и др.) считали этот обряд символом борьбы с врагами – «победы грузин над персами» (Р. Эристави), «вторжения Мурвана-кру (VIII в.) и гибели его армии» (Г. Церетели), «борьбы

⁶² Рухадзе Дж., указ. работа, стр. 9.

⁶³ Рухадзе Дж., там же, стр. 9.

грузинского народа с иностранными завоевателями» (Ш. Амиранашвили), «мистификации и патриотической пропаганды» (Ш. Чхетия), «борьбы грузинского народа против царизма» (Д. Джанелидзе), «борьбы царя с иранским ханом или шахом, или же кесаря с царем» (Ив. Джавахишвили).

Дело в том, что за последнее время кистинцы почти предали забвению «берикаоба». Да этот ритуал и не должен был быть действующим по той простой причине, что это не мусульманский обряд и не должен был стать для приверженцев «реального мусульманства» объектом интереса. Однако в условиях всеобщей криминогенной ситуации в ущелье праздник приобрел новую окраску – о нем не забыли, он видоизменился. Видоизмененный обряд дал возможность проявить по отношению осетин возникшую в последнее время агрессию. Именно исторически вложенный в «берикаоба» феномен – элементы войны, противостояния, присутствие врага и победа над ним – сделали возможным использование этого обряда кистинцами в свою пользу.

В восточной Грузии разделенные на две группы «противников» участники “кееноба//берикаоба” были вооружены деревянными саблями и рогатинами, а выражением сражения считались борьба и кулачный бой⁶⁵. “Помимо этого, примечательно, что главарь вражеской стороны “кеени” должен был быть вымазан сажей, т.е. его хотели представить в качестве главаря и представителя рода темнокожих”. Это, по мнению ученого, указывает, «что грузинские племена, сами светлокожие, считали своим противником людей чернокожих»⁶⁶.

⁶⁴ Джавахишвили Ив.А., Собрание сочинений, т. I, Тб., 1949 г., стр. 115. (на груз. яз.).

⁶⁵ Джавахишвили Ив.А., указ. работа, стр. 116.

Участники зафиксированного нами в Панкиси модернизированного «берикаоба» не нуждаются в изменении внешности, заплатанной одежде и т.д. По словам информаторов, вместо палок сегодня орудуют автоматами, нагоняют на население страх и обряд, который был увязан с возрождением природы и оплодотворением, ничего общего с традиционным праздником, кроме названия, уже не имеет. С приближением пасхи осетинское население ущелья обращается к полиции за помощью.

Раньше, когда «наряженные участники «берикаоба» ходили по двором, впереди шли «тавберика» (главный берика) и царица со свитой. Музыканты играли, плясали и пели. Вошедшую во двор процессию тоже встречали с плясками, песнями. Берика, приплясывая, деревянной саблей, т.е. фаллосом касался земли. Это означало, что хозяин должен был вынести им съестные продукты, о чем и просили его участники своим пением.

Хозяева выносили из дома яйца, сыр, муку, жир, хлеб, иногда даже деньги, одним словом, все что могли, отдавали «берикам». А если «берку» не угощали, то этой семье грозили неурожайность, нищета, вымирание скота в семье, смерть. В таком случае «берика» в знак недовольства, валил на землю одного из членов семьи. Однако участники этим не довольствовались, врываются в дом и «громили»..., что с радостью встречали хозяева, т.к. подобный «разгром» предвещал изобилие и достаток⁶⁷.

⁶⁷ Абакелия Н., Алавердашвили Л., Гамбашидзе Н., Календарь грузинских народных праздников, Тб., 1992 г., стр. 72-74, (на груз. яз.).

Единственное, что в настоящее время сохранилось из описанного нами обряда, так это «разгром», но уже настоящим оружием и полным разорением семьи. Люди не то что радуются такому празднику, наоборот, обращаются за помощью к полиции.

Все вышесказанное дает нам право заключить, что действующий сегодня обряд «разгрома» есть социальное явление, моделированное в культурном контексте, т.е. из-за реально существующего поведения и стремления к реализму выбирается определенный обряд традиционной культуры, одна из акций которого, имеющая символическое значение, используется в этнографическом контексте, однако в трансформированном виде. Налицо оппозиционное состояние позитивного «мы» и негативного «они»: «мы» имеет право притеснить их, потому что «они» плохие. В архаичном обществе имело место строго нормативная социализация индивида от биологического, независимого «я» ребенка к тотальному «мы», диффузия взрослого индивида в системе регламентации и табуирования, принятие безальтернативных стереотипов поведения. Индивидуальность механически осознает социальный опыт и не в состоянии его изменить.

Прежде всего, в коллективной культуре ценится групповая солидарность. Именно общественные связи определяют для коллективистов в поведение человека и содействуют его самоопределению – кого он из себя представляет. В данном случае личность является не независимой, а взаимозависимой. «Я» менее значительна, чем «мы». Именно это в кистинском обществе и стало причиной изменения ориентации по принципу «мы». Та

часть молодежи, которая внутренне не согласна с таким стремлением, вынуждена подчиниться коллективистскому настроению. Подтверждением тому служит та относительная стеснительность и скрытность старшего поколения в соблюдении древних (синкретных) традиций. Вербальный протест общества не в состоянии изменить что-либо. Единственным выражением протеста, который смогли осуществить, было то, что ваххабитов не впустили в старую мечеть (с. Дуиси) и они были вынуждены построить отдельную мечеть для ваххабитов в той же деревне. Коллективность в культуре вовсе не означает, что индивид или микрогруппа являются незащищенными, немощными или же не в состоянии контролировать ситуацию. Личность защищена в коллективной культуре, однако ее личная не знающая границ свобода разрушает социальную оболочку культуры и подрывает общие ценности.

Еще большей закрытости и без того закрытой культуре панкисского общества способствует «реальная мусульманизация», что не позволяет контркультуре распространиться среди молодежи, т.е. не происходят созидательные изменения. Культура все больше закрывается. А это становится препятствием на пути демократического процесса, проведения реформ; ситуацию усугубляет криминализация (наркобизнес, воровство, похищение людей и т.д.) Подобная ситуация негативно влияет на безопасность Грузинского государства.

**CRISIS OF ETHNOCULTURE AND
SAFETY OF A SOCIETY
(PANKISI GORGE)**

S U M M A R Y

Security as a political category was formed in Western Europe in the 17th century and then was accepted throughout the whole civilized world. Gradually gaining more importance, nowadays, it occupies a stable position side by side with such concepts as liberty, democracy, human rights; security problem being of great importance in the process of development of any state, determines its internal and foreign policy and strategy of governing. In due course, the meaning of security has been changing. Its sense in political and everyday consciousness as well as in various ethnic-cultural environment is comparatively different. Ethnic-cultural environment is determined by the stage of historical development of the culture is, values which are preferable for representatives of this culture and specific ethnic stereotypes predominating in this culture. And still, universal, common to all mankind values and eternal interests were found. They made possible to create a reasonable, distinctly formulated and harmonious system of security acceptable for any state national interests and aspirations accounted. The English word “security” was generally accepted and interpreted as feeling, condition (status) of safety, guarantee; one of its meanings also implies foresight and prevention of possible danger, instability, risk and threat.

The spectrum of security is boundless: beginning from individual security of a person at the vital level and ending with global security on a universal scale. Between these extreme points, there are many aspects or kinds of security: economic, demographic, ethnic-cultural, religious, ecological, criminological, social, military, security of dignity, etc. The level of security is determined by the subject or the object of security – individual, society, state or union of states. One of the operative elements of security as a political category is a security threat.

Variety of aspects or kinds of security sometimes leads to their confrontation. Clash of interests of different level securities (e.g. personal security and security of the society or state) can lead to contradiction too, as a result the balance is disturbed and security threat appears. Wish for self-determination, self-identification of ethnic groups within a state may become a source of threat to security for that state and then lead to either a latent or an open conflict. Such a situation (often deliberately instigated from the outside) develops into separatism or irredentism and creates a threat to the state sovereignty. The same can be said in connection with religious groups within the state or religious trends imposed from the outside. In this case, human rights for religious freedom and religious security begin to conflict with interests of the state; confrontation evolves when followers of the traditional religion predominant in the country that can cause destabilization. This is especially dangerous for any country in transition to the market economy, where legal principles have yet not been properly established. Illegal, uncontrolled mass migration can become a source of

threat to security. When the rate of migration becomes too high or reaches a critical limit, a threat appears to the economic, social, ethnic-demographic aspects of security of the recipient country. Therefore since recently, when migration became a large-scale phenomenon all over the world, the immigration policy has been revised even in the countries with the most liberal regime: selective migration, migrants stream control, migrants quotas for various types of migrants have been introduced and the problem of deportation illegal migrants has become more acute. It seems *prima facie* that these measures contradict such achievements in the social humanitarian sphere as granting asylum, human rights protection, but, on the other hand, they are necessitated by security of the state, which will be given priority.

The idea of security as a political category has a long history of development. Its stages distinctly reflect social, cultural, economic conditions of society, the level of its welfare, the priorities practiced by the people forming this society at this or that concrete historical moment. Currently, several alternative projects of conceptual understanding of security have been elaborated. Practically, they are recognized by all political scientists, theorists and statesmen of the world. The most significant among these variants are the conception of national security and the conception of common security.

The concept of national security has a long history, existing as long as the state itself. This concept is recognized and accepted by almost all the countries of the world and is the main principle

of the state governance. Traditionally, proceeding from the concept of national security, the exclusive function of guaranteeing such security is entrusted to the state. All the mechanisms of the state power and the institutional security system are subordinated to it. The state as a subject of security features as the sole protector and guarantor of personal freedom, political, social and economic rights of its citizens and social groups. It is responsible for providing the people with the basic necessities of life: food, housing, education, healthcare, adequate remuneration of labor, since social stability is an indispensable condition of any country's security. The state must foresee and prevent ethnic and religious contradictions which can become a source of threat to its security and then grow into an armed conflict. And finally, the main objective of the state is to preserve its sovereignty, independence, territorial integrity, equality of rights with respect to other countries. Here the hierarchical nature of security aspects manifests itself as the main feature of national security. In case of any threat to security of the highest priority are those aspects of security which are directly connected main feature of national security manifests itself: h with national interests of the country.

The second alternative concept – the concept the of common security rejects the unconditional priority and exclusive status of the state in respect to security. Here, security of an individual as a person and not only as a citizen of a particular state is brought to the fore. The state monopoly for the responsibility for internal and foreign security is rejected as well. Followers of this concept allot equal rights to local government authorities

non-governmental organizations, and the public opinion. The basis of the concept of common security is the idea of minimal sufficient security that must be universal for all countries throughout the world. This is physical security, economic security, ethnic-cultural and social security and most importantly the security of one's dignity which emphasizes high humanistic contents of this concept, since if one is forced to save his or her life at the cost of infringement or loss of dignity, he/she thereby tramples upon his/her personality, and all the democratic rights achieved by society become senseless. Undoubtedly, only a powerful state with an established institutional system of governing and legal machinery can assure common security. Therefore in this respect too, defense potential of the country and keeping social order within the state are of great importance. National security is one of the most important but not the first-priority aspects of common security.

The essence of the third alternative security concept— societal security can be briefly described as first-priority protection from dangerous external impacts of the welfare gained by a unique social-cultural environment. Here, naturally, a confrontation is implied between interests of the developed countries and the Third World countries which are regarded as a source of environmental, criminal, demographic, economic threat. The concept of societal security has not taken its final shape yet, it is in the making now, but the existing attempt to create it ipso facto points to the need of such kind of security; in other words, “prosperous society” with a favorable social environment has realized the necessity of protecting its values from the danger

coming from the community which is at a lower stage of development. Moreover, discussions of global conflict have become more frequent among the leading political scientists and specialists on conflicts over the past decade. The discussions were caused by Huntington's prognosis concerning clash of civilizations. In this case, differences in cultural codes of civilizations are interpreted as a source of threat. But one should bear in mind that mankind during its existence could have gained the richest experience of common ethnic-cultural coexistence based on the ability of any ethnic culture to adapt to natural-climatic, social and alien ethnic-cultural environment.

Ethnos with its specific ethnic culture can be regarded as a micro-scale model of civilization. Like in a drop of water, characteristic features of civilization are distinctly reflected in the ethnos.

As for ethnic-cultural security of migrants, a paradoxical, at first sight, phenomenon has been revealed: regardless of the level of in the country of migrants' destination, the so called 3rd generation phenomenon” manifests itself among supposedly quite naturalized migrants: this is the situation when grandchildren of the immigrants begin to return to their ethnic roots. In this case, one should speak about the phenomenon of ethnos as a certain social community. At the present-day level of the social-cultural development of society, a scarcely explicable phenomenon has been revealed: an unprecedented rise of ethnic-national self-reflexion at both the individual level and at that of social consciousness. Global migration throughout

the world, integration and unification of cultural and everyday life elements, unhindered communications with any part of the world either by transport or through computer network: one could expect that all the above should be conducive to gradual decrease and ultimately total disappearance of the person's self-perception as one belonging to a certain ethnic group. But none of the people's community, notwithstanding the social ground it is based on (formational, political, class or professional), proved to be not firm to become a basis for self-determination, self-identification of a person or of a group. The feeling of belonging to a certain ethnos turned out to be the most stable in the course of time. Ethnos was and still is the basic category – an objective phenomenon, reality of history and the present.

Parallel to the natural historical process of society development, there were attempts in mankind's history to create by means of artificial leveling of ethnic groups, new people's communities based on a new collective psychology with new guidelines and ideals. The Soviet Union and the socialist countries are an example of such attempts. But it was sufficient to shake the bases of the communist system – and a burst of separatism and ethnic conflicts flared up over the entire area of the former Soviet Union, within what was regarded as the “monolith Soviet nation”; a striking splash of self-consciousness and self-determination took place. The same can be said about the countries of Eastern Europe, especially the republics of the Balkan Peninsula which were part of the former Yugoslav Federation. It seems that an attempt to artificially create a new society succeeded in Australia and in the United States. In the

USA, an American super ethnos has been formed that gave birth to such a phenomenon as “the American citizen”. But, since recently, we have been observing a restoration of ethnicity here too, i.e. determination of one's ethnic belonging becomes more and more important. This process can be accounted for by a number of factors, since it is connected with the impact of a variety of psychological, social-political and economic aspects. But the fact is that at the highest stage of mankind's development, under the conditions of extreme individualization, people tend to return to the principle of self-determination through their ethnic determination.

Such a stability of ethnicity in the course of time becomes understandable if we assume that mankind's development as a regular progressive movement depends on local diversities of culture, its multi variant nature. In this aspect, ethnic-cultural variety of humans is an equivalent of biological species in the process of biological evolution, where instead of the genetic code (despite the endogamous nature of ethnos) the cultural code works as a basis of adaptation to the environment. Among all other creatures, only humans will adapt to the environment through culture, by means of passing cultural traditions from one generation to another. Ethnic identification is formed through the sphere of consciousness, by means of adoption of cultural code in the process of socialization of individuals, adoption of social-normative traditions and value system. Among fundamental and permanently acting functions, just adaptive function of culture as a selective activity aimed at self-

preservation and protection of social organism is initial and leading.

By now, the security concept has been elaborated in Georgia too; there are two alternative projects of this concept — one submitted by the Ministry of Foreign Affairs and the other-by the Security Council at the Parliament of Georgia. Their alternative nature consists in their approach to the problem. The first one (elaborated by the Ministry of Foreign Affairs) is to be implemented rather as a theoretical project, since it contains many general theses and is devoid of concrete elements. The other one, in our opinion, is closer to the practices and vital interests of this country. But both projects are still under consideration and therefore inaccessible for the general public. From discussions with the workgroup members, we could only learn that both projects are based on the concept of national security which in view of today's situation in Georgia is the most optimal and fully justified decision. The state system of Georgia is currently in the making; "civil society" with its institutional system has yet not been established here, and so it still unable to assume, together with the government, part of the responsibility for the country's security as it does in the countries with a stable democratic system. The state remains the only guarantor of the country security. This exclusive function of the state is also justified by the "small country" status the Georgia is one of such countries. As is known, for the countries with this status, especially the ones within the scope of big states' interests, the main problem is physical and political survival, preservation of sovereignty and territorial integrity.

In Georgia, this problem coincides with the uniting national idea and is therefore extremely urgent.

Today, the processes that are underway in the Caucasus - one of the hotspots in the world - impact not only the neighboring countries, but also the world policy as a whole. Together with the Balkans and the Near East, this region is regarded as the most dangerous hotbed of tension threatening the stability of the whole world.

The open and latent conflicts in the Caucasus have involved into confrontation quite a few nations inhabiting the region. However, due to certain reasons, regional (at first sight) confrontations have recently acquired global character that has become the subject of a thorough scientific research and numerous of publications over the last decades. But examination of the problems related to ethnic conflicts, oil, religion, etc. separately and only by means of ethnographic and historical methods gives no possibility to go deep into the very heart of the problems. Their acuteness and complexity require analysis of geopolitical approaches and principles.

At present, the political establishment and politicians-theorists have extended the content of geopolitics, since, unlike historical and sociological disciplines, it considers politics as a subject and a phenomenon in totality, studying its deep strata. Therefore, geopolitics remains indispensable in modeling historical processes. While politics, in the broad sense, is an action aimed at achieving a certain goal, geopolitics is a science studying

actions aimed at meeting national interests and those of the population.

The changes occurring over the last decades have changed the political map of the world: geopolitical interests came to the forefront which in fact in its turn, has led to the necessity of elaborating new geostrategical plans and systems, although the traditional Euro-Atlantic confrontation that had originated in the middle of the 20th century still remains in force. The models of geopolitical security built on the doctrine of internecine dissensions of opposing parties were characteristic of the epoch of the cold war in the 19th and 20th centuries. The geopolitical approaches of the past continue to act at the present. Nevertheless, new tendencies have appeared in the geopolitical ideas, which is reflected, in the first place, in the fact of revision of geopolitical approaches.

At the end of the 20th century, the civilized world tried to overcome the extremes of individualism and collectivism through focusing attention on interpersonal, interethnic, interreligious and economic relations (communications) (Dergachev: 2000, 48). At the same time, globalization that has become the main determinative symptom of the 21st century necessitates revision of national security doctrines built on confrontation. Small wonder, since the borders between states tend to disappear and the world becomes so close that it is impossible to solve the problems of public health, environment protection and world security without making joint efforts.

Hence it may be inferred that, the influence of globalization upon geopolitics doctrines will increase in the near future.

The process of globalization and anti-terrorist war taking place in the USA will undoubtedly lead to transformation of the existing geopolitical ideas built on confrontation of forces. However, this is a matter of the future, while old ideas as a current reality will continue serving geopoliticians for a long time. That is why when considering geopolitical problems, we should be guided by real (i.e. existing) doctrines. The future depends on how globalization will be realized and whose interests will be lobbied, because no idea has been realized within a pure theory. Life and interests of the mighty of this world prompt corrections that will radically change the aims and problems determined by the theory. Therefore there is common sense in the wide-spread opinion that consensus between the countries of the Atlantic and non-Atlantic civilizations achieved at the intergovernmental level can only be temporary and insecure (Migrations: 2000; 46), at least, at the current stage, when confrontations between and among political coalitions are being replaced by confrontation between the poverty and richness of civilizations.

The problem of the Caucasus – an area situated at the superethnic border where two civilizations intersect, has turned into a particular, important case in the framework of global confrontation of Eurasian and Atlantic ideas. In the opinion of Ukrainian geopolitician V. Dergachev, the Caucasus is in the Euromar. And the Euromar is the most important “motive force”

of spiritual progress of mankind, the basis of eccentralized social-cultural systems, the barrier against “marine elements” of the open society and westernization, the barrier against a chimera: form of contacts between incompatible superethnoses.

Thus, the way of further development of the world in many respects depends on the control over the Euromar and spreading influence over it becomes especially important. At the same time, there is an increase of dangerous tendencies to divide the Euromar according to ethnic or religious signs – an example of which are local conflicts in the Caucasus, the Balkans and Central Asia. But many scientists believe that use of force in settling such problems does not remove the question from the agenda and that such methods can cause the third world war.

Z. Brzezinski, believes that the Caucasus, like other territories of the “Eurasian Balkans” is an important geopolitical region near the Russian border. He writes that control over the Caucasus features within the scope of interests of both the USA and Russia (Brzezinski; 1999; 69-73). And what is more, in his opinion, the Caucasus is an important geopolitical space for all the countries and nations related to this region. The “Eurasian Balkans” are situated on a transport highway and occupy an important geopolitical area. Countries included in this area have their historical ambitions. It is economically profitable to possess these countries (oil deposits). At the same time, there is a force vacuum and an unstable internal situation here. These countries have problems connected with their boundaries; they are ethnically heterogeneous and some of them are involved in

internecine struggle of territorial, ethnic and religious nature (Z. Brzezinski: 1999, 150-151). These countries are: Georgia, Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan and Afghanistan (Z. Brzezinski: 1999, 151-152). These countries, ethnically heterogeneous and politically unstable, form a geopolitical region rather important for both the USA and Eurasia (Z. Brzezinski: 1999, 69-73).

Among the geopolitical interests of Russia and Western Europe, the Caucasus has always been a traditional object of confrontation, which is and evidenced by centuries-old wars for the control over the Caucasus. Russia tried to create a geopolitical “bridge” between the Balkans and the Black Sea, cut through geopolitical windows southward – towards the Caucasus, Iran, Afghanistan and China. The geostrategical location of the Caucasus predetermines its special significance for the national security of Russia. In this context, the Caucasus is a knot of confrontations between the two geopolitical poles: the USA (or, rather, the countries of the North Atlantic alliance) and Russia, and, accordingly, Caucasian conflicts are considered to be a subject of the world policy.

It is just this confrontation that is reflected in the processes taking place in the Caucasus nowadays. After the collapse of the Soviet Union and declaration of independence by the Transcaucasian republics, a multivector orientation with a religious bias has been predominant in the Caucasus. Russia has lost mechanisms of full control over the region. In parallel, the Atlantic forces have become more active in the region. Using

different methods and local factors, both parties began to implement their own strategic plans. Russia, proceeding from her geopolitical interests, tries to bring the Caucasus under the control of Moscow again using the traditional method of a pro-Russian orientation of the regional elite and playing on internal contradictions. The USA, on the contrary, is concerned with bringing the region out of this control and subordinating it to its own strategic interests. Without the Caucasus, Russia loses control over the Mediterranean Sea and over approaches to the Central Asia and, most importantly, it will no longer be able to control power resources of the Caspian Sea and Central Asia.

The 21st century has added new nuances to the hard geopolitical factors: control over the transportation of power resources (oil, natural gas) has become one of the important factors of geopolitics. Today, the energy problem is a key question of politics whose solution will have an influence on the preservation of well-being of the Western world. During the Persian Gulf war, joint action of the Western countries as a united front under the leadership of the USA, has shown that despite certain internal contradictions, the West is consolidated in settlement of global problems, and energy sphere falls within the scope of such problems. The war in the Persian Gulf has also shown how unstable the might of the West is and that any difficulties in the Arab countries (this danger has appeared under the conditions of intensifying Islamic fundamentalism and increasing the contrast between poverty and richness) are fraught with serious consequences for the world policy and the West as a whole. The real might of the West, its hegemony fully depend

on Arab sources of energy, and the unstable peace in the Arab region. It is necessary to look for such an alternative that will not depend on other regions or countries claiming the status of super-states. From this viewpoint, oil and oil-pipeline of the Central Asia and the Caspian Sea are an important geopolitical factor. Strategic plans of the USA include the creation of a geopolitical area not controlled by either Russia or Iran that will connect the Caspian Sea with the Turkish coasts of the Black and the of the Mediterranean Seas.

The control over new Eurasian communication networks is of no less importance for both Russia and the USA. The role of transcontinental communications has been growing in Eurasia. The Eurasian transport corridor will connect Ukraine, the South Caucasus and Central Asia, and the establishment of such a corridor will be fraught with hard communicational and geopolitical consequences for Russia.

One of the possible directions of the Great Silk Road and TRACECA is their passing across the middle part of the Black Sea to the South Caucasus, the Caspian Sea and Central Asia. Selection of the direction of Transcaucasian highway will depend on the geopolitical situation in these regions. Of a certain interest is also the project of economic collaboration of the Black Sea basin countries that includes the creation of a circular transport corridor (the so called Ring Road) where Georgia is also involved. The central role in these projects is given to the Caucasus. Devoid of communication networks passing via the Caucasus, Russia will not be able to realize the Eurasian idea

and thus impede the world domination of the USA, which is the main interest of the United States. If transport corridors including oil pipelines and gas pipelines connect the Caspian region and Central Asia with economically developed countries in the world, geopolitical pluralism will become real in the region. In the experts' opinion, in the near future, the world security will depend to a great extent on military-political processes in the Caucasus which involve more and more countries and nations. After the fall of the Berlin wall, geopolitical and geoeconomic disintegration of our bipolar world started, and projects appeared aimed at restoration of the Great Silk Road with possible further transition through the Balkans, the Caucasus, the Near East to Afghanistan. However, ethnic-political conflicts have changed the situation. Under these conditions, security of the Russian Federation directly depends on stability in the North Caucasus (Khoperskaya: 1999; 36).

From the standpoint of geopolitics, the location of Georgia in the Caucasus is most convenient, since it has possibilities of communications by land, by air and by sea? Georgia's Black Sea coast connects the country with the world ocean and is the shortest route between Asia and Europe. Therefore, the one who owns Georgia, owns the Caucasus. This is the historical fate of Georgia: from time immemorial it has been an object of interests of different conquerors, such as the Byzantine Empire, Iran, Arabs, Turkey, Russia.

Taking into account the geopolitical importance of Georgia, powerful countries and super-states make every effort to

subordinate Georgia and the whole of the Caucasus to their essential geopolitical interests. Georgia is regarded as a nexus country of the Eurasian communication corridor in the region. As the Washington analysts mention, if the events in Georgia develop contrary to the interests of the West, the regions of the Caucasus and Central Asia will be beyond the bounds of global processes that, in its turn, will influence the political orientation of the countries of this region. That is why American experts believe that "Georgia will be either a threshold of the region or its blocking". The Ambassador of Georgia to the USA T.Japaridze states that "the realization of global projects in the region, as well as security of the whole region depends on the stability and orientation of Georgia" ("Dilis gazeti" (Morning Newspaper): 18.09.2001; 10).

Due to an increased demand for oil, geopolitical importance of Georgia has also increased. Situated between Europe and Asian oil deposits and natural gas pools, Georgia has the most strategically important location in the Caucasus. At the same time, the Caucasian corridor is not only intended for transferring Caspian oil. Central Asia's oil rich regions are also included in the above-mentioned project.

At present, the internal situation in Georgia is most difficult. After the loss of Abkhazia (to which Russia has greatly contributed) Georgia was forced to become a member of the CIS and today, just through the CIS and Russia, Georgia tries to restore her territorial integrity. At the same time, she also takes into account the strategic interests of the West. The

President of the country tries to balance interrelations with Russia and with the West. The experts' opinions are similar on this matter. Unlike pro-Moscow orientated Armenia, and Azerbaijan with its orientation to Turkey (and, accordingly, to the USA), Georgia tries to derive benefits from the existing geopolitical situation and, by manoeuvring between the two parts, to observe her own interests that is rather difficult but, nevertheless, the only proper geostrategy. Especially taking into account the fact that Georgia is one of the unstable but geopolitically important countries of the "Eurasian Balkans" where, in case of necessity, both Russia and the USA can cause destabilization.

This naturally, accounts for a powerful pressure Russia puts upon Georgia accusing it of harboring and otherwise supporting Chechen separatists and the USA standing behind them, together with Turkish and Arab terrorists. The Pankisi gorge is an epicenter of these confrontations, and chronicles of events that occurred here during the last years, clearly show what a complicated geopolitical problem we are dealing with here. Although there are many conflict areas in the Caucasus which are only not of regional importance, but have, rather, turned into the area of geostrategic confrontations of super-states, here, in the Pankisi gorge, a harmless (at the first sight) zone among the existing zones of either open or latent conflicts in the Caucasus, geopolitical interests (including military-economic and social-cultural geointerests) of the region and super-states intersect in more explicit form than at other places. From this point of view, there is no more explosive spot in the region than

the Pankisi gorge. Even the most acute conflicts in Georgia, such as those in Abkhazia and Samachablo (South Ossetia) have not become subjects of the world policy: they are considered to be of regional importance only. As for the Pankisi gorge, from the very beginning it became part of global policy. This situation is caused by the fact that nowadays Chechnya is a center of geopolitical activity in the Caucasus and the Pankisi gorge is, in some way, a possible continuation of the open Chechen conflict on the territory of Georgia, since this is just the place where geopolitical interests of the countries of the region intersect with those of super-states. Promotional factors are the geographic location of the gorge, a population with its ethnic-cultural peculiarity, a great number of Chechen refugees and "transparency" of Georgian borders for Moslems united under the military banner. Along with other factors, the Pankisi gorge has turned into a weak link in the system of the country's security, because as a result of the Chechen war, a great number of displaced persons have crowded here. And migration is a threat to the country's security since it decreases the level of public concordance even within the country. Arrival of migrants threatens individual and group security with a clash of ethnic standards and stereotypes, social and cultural marginalization of migrants, their criminalization, monopolization by them of a number of economically active sectors, competition, etc. (Migration: 2000; 41). In addition, the external forces spare no effort to antagonize the Pankisi gorge inhabitants to the whole population of the country. Fortunately, these efforts have failed to produce any serious consequences despite the fact that at

times the situation becomes more acute as a result of a wild outburst of criminal elements.

During an almost two-century co-residence of different ethnic groups in the Pankisi gorge, a single social organism has been formed there though not without contradictions and difficulties, but nevertheless with lasting intercommunications.

Until 1990, all the three ethnic groups residing in the Pankisi gorge: Georgians, Kists and Ossetians used to live in complete accord, without any serious confrontation. Although sometimes breach of public order happened (thefts, fights, murders), there were traditional mechanisms to settle such incidents (through negotiations and discussions, etc.). In this respect, the inhabitants of the Pankisi gorge and the Kakhetian population created no problems for the state. Nowadays, however, the situation has radically changed in the Pankisi gorge, and the local population tries to stop crime using the same traditional forms of governance, restoring forgotten traditions and mechanisms practiced by the ancestors. Among Moslems, public life is regulated by the norms of Moslem law. But in those communities where Pankisi Kists moved from, Islam had not been spread by the time of their migration. In the villages of Maista and Malkhista, public and family life was regulated according to the traditional ceremonial law. Problems of village, community or gorge were discussed at a general meeting where decisions were made. All the male representatives of the full legal age attended such meetings, which were forbidden for women. The meetings were held by the elders. As a rule,

problems were solved by a majority vote, however in extraordinary situations the elders' vote was decisive. The meetings discussed agricultural problems, border guarding, forming of military detachments, observance of moral-ethic norms, punishment and pardon of offenders, etc. Legal-personal matters (such as marriage, blood feud, confrontation between families, etc.) were investigated by previously chosen mediators. Ossetians had their general meeting too. In the mountainous regions of Georgia, in particular Pshavi, similar problems were solved at the village meeting. Every member of the community was bound to follow the decisions made at these meetings.

During a certain time after their relocation to Georgia, the Kists and the Ossets kept traditional customs and ceremonies; however recently they have rarely resorted to the old forms of governance. But since the official structures are unable to put down crime in the region, and Kists' and Chechens' authority is at a low ebb, the elders began to convene public meetings to make various arrangements aimed at catching local criminals. For example, on the elders' initiative, groups of young volunteers were formed to keep public order; as a result, some groups of criminals were arrested; an Azerbaijanian was freed who had been kidnapped for ransom; a meeting was convened to openly express public opinion on vahhabism, etc. If the criminal situation in Pankisi had not been aggravating, the results of the above measures would have been much better. However, owing to corruption and support rendered to criminals by some officials of the law-enforcement bodies, it is still impossible to establish order in the region.

The Russian-Chechen conflict and the ensuing war had a considerable influence on the interethnic relations in the region and contributed to their change.

With the arrival of Chechen refugees in the Pankisi gorge, the tension in Georgian-Russian political relations, as well as in intergroup ethnic-social relations in the region has increased. Every ethnic-social group is revising its attitude to other groups and forming new stereotypes. Practically, redistribution of forces takes place in the region. Georgian group which due to its small number is not considered to be a serious force, interprets the existing situation (the criminogenic situation caused, in their opinion, by the Kists and the Chechens and a real threat from the Russians) as an infringement of their (i.e. Georgian citizens') rights. The negative stereotype of the Chechens formed since the period of the Abkhazian war, has become a lot stronger. The Georgians believe that the Chechens, as well as the Kists have forgotten that the territory where they are living now is part of Georgia. At the same time, the self-identification of some young Kists as "Chechens" gradually results in equalling Kists with Chechens in Georgians' consciousness, although those Georgians who still have friendly relations with Kists, differentiate between them according to the following principle: "A Kist is from our side, while a Chechen is a newcomer". As for the inhabitants of other regions (e.g. the Kakheti region), the distinction between a "Kist and a Chechen" is rather vague.

Members of the Ossetian social group display a negative attitude to both Chechens and Kists, understandably, with the exception

of those Kists whom they know personally and respect. However step by step, this verge wore out and the latent confrontation with Kists tends to transform into an open one, but due to small numbers of the Ossetian social group, the latent conflict will hardly develop into an open opposition. A negative stereotype of the Kist and the Chechen has already been formed in the consciousness of Ossetians who regard them as being able to do anything to achieve their aims. Ossetians' attitude to Georgians is negative too, though one cannot assert that there is a negative stereotype. Ossetians dislike lack of concern and inactivity of the Georgians when their own and the Ossetians' fate is at stake. One can say that in this social group, negative stereotypes of Georgians are being formed, as they are indifferent towards the fate of their co-religionist Ossetians. As regards Georgians' attitude to the Chechens and Kists, an enemy image has been already formed in the person of a "Chechen" and in the person of a "Kist". And regardless of whether Ossetians stay in the Pankisi gorge or change their residence, the already formed negative stereotype will work during a long period of time in a generalized form and will undoubtedly affect the relations between these two nations.

The Kists' approach to the current situation in the region and to the social group of Chechen refugees is different: the older generation definitely distinguish their own social group from the Chechen social group and consider the latter to be temporary visitors who complicate their relations with the aboriginal population of the country, i.e. the Georgians (they disregard the ethnic-social group of Ossetians). As for young Kists, they

identify themselves with the Chechens and believe that the only difference between them is the place of birth – Georgia and Chechnya respectively. Both the older and the younger generations consider refugees to be their, i.e. the Kists' and not the Georgians' guests. It is noteworthy that the Kists' expectations concerning the duration of the Chechens' stay differ from that of the Georgians' and the Ossetians': the Kists believe that the Chechens will not stay in the gorge for a long time, since there are difficult conditions of life and different traditions. Kists dissociate themselves from the social group of Chechens, and on the territory of Georgia they call themselves "Kists" and not "Chechens", although they admit their common ethnic roots. In a certain sense, such a differentiation is a self-defense mechanism, because just in this way the Kists try to protect themselves against physical extermination that befell the Chechens during the two last Russian-Chechen military campaigns. A latent negative attitude towards Chechens is felt among Kists, since Chechens with their activities and new social values threaten their peaceful life in the Pankisi gorge and their peaceful co-existence with other ethnic-social groups. On the other hand, clearly realizing their obligations towards Chechens and taking into account their ethnic identity, they are forced to compromise to a certain degree, to accept "rules of the game" actively imposed by Chechens in their microworld and here the support of young Kists who fully share the values of "new Chechnya" (as the Chechens call it) plays a considerable role.

The language barrier and ethnic "sympathy" are a serious problem in the relationship between the Kists and the Chechens.

The Kists consider themselves to be "Georgianized" and the Chechens (though they do not admit this) to be "Russified". Consequently their spoken language contains many Georgian loan words and they use the Georgian language as a second language, while the Chechens use Russian and there are many Russian words in their spoken language.

As regards the Chechens' attitude to the social groups of Kists, Georgians and Ossetians, it is devoid of an emotional aspect; they consider themselves refugees, temporarily displaced persons who will not have to live in an uncomfortable environment for a long time. However their "neutrality" has the so-called "inner bottom". There is an impression that in comparison with other social groups (Georgians – because of Abkhazia and Samachablo), Chechens feel a certain "superiority", in the first place because the members of other ethnic groups are not "fighters", they do not defend their homeland and do not try to fix their position in Pankisi. There is one more common feature of their relations with Georgians, Ossetians and Kists: they consider themselves town-dwellers and regard their countrymen as representatives of low social strata. And thirdly, concerning Kists: Chechens do not take Kists as "true" Chechens, although they admit that they have common roots with the former. Kists (especially young ones) try "to be Chechens" mainly because it is advantageous at present, since in their conflict with Russia Chechens became famous in the Moslem world as fighters for independence and freedom. The word "Chechen" has become a synonym of a fighter for independence. There is an impression that "to be a Chechen" is not only "prestigious" for young Chechens and Kists, but this

is also an indication of being a first-rate person, while those who did not fight for independence and freedom (that is, in this case, those Kists who did not fight in Chechnya) are regarded as second-rate people. It is noteworthy that Kists (and even members of their families) who have taken part in the military campaigns against Russia call themselves “Chechens”, while those who for some reasons did not participate in the fight for independence of Chechnya call themselves “Kists”. Practically today, the forthcoming civil status of an individual is being determined in this way, ignoring one’s own ethnic bases: anyone involved in the fight for independence of Chechnya is a Chechen and a citizen of Chechnya with all the privileges, while a person who is not – is a Kist and therefore a citizen of another country, that is Georgia. Thus, “to be a Chechen” is prestigious for those of young Kists who intend to see their future connected with Chechnya.

The relationship between and among monoethnic groups in the Pankisi gorge has a history of almost two centuries. These relations (structural, functional) followed the principles of the development of the Georgian state. However, after disintegration of the Soviet Union, harmony in the relationship between the mentioned groups in this polyethnic region has disappeared and communications have become complicated. Severe economic conditions: unemployment, lack of livelihood, war in Chechnya that caused a considerable influx of refugees to the gorge, and especially spread of vahhabism as a political force among the dominant population have changed interethnic relations built on tolerance. New values: money and weapons have

considerably influenced mainly Kists’ world outlook. Abuse of hard drugs should also be taken into account. All the above has pushed a part of the youth to stealing, marauding and kidnapping.

A number of these phenomena, namely the fact that today the Pankisi gorge is a region of destabilization where transformation of a latent conflict into an open one is quite possible, has a negative influence on the system of population reproduction that manifests itself in a drop of biological reproduction and leveling of moral aspects.

Since the period of ‘perestroika’ and further on with strengthening of the vahhabist movement, Kists have attacked Ossetians under the slogan “Ossetians must leave, they are Christians”. And Ossetians, worried about marauding, living in permanent fear of unprovoked attacks of armed groups, began to leave their homes and emigrate in great numbers. Only old people and the population of fertile age remain in Ossetians villages. It is natural that such a demographic situation has negative influence on the system of population reproduction of Ossetians which is proved by gradual reducing of biological reproduction rate. The population remaining in the villages are not productive to increase the socium. Here we witness physical absence of a generation that is able to biologically reproduce the population on and inherit elements of traditional life. Mass emigration has deprived Ossetian families of a future generation. The elderly people and those under age are physically un-able to fill up population through fertility and so proportion of Ossetians in

the system reproduction of the population is characterized by a negative balance.

Escalation of tension between Kists and Ossetians cause depopulation.

Deterioration of relations between Kists and Georgians is not connected with territorial claims, since every Kist has learned very well that the territory they live on is an integral part of Georgia; however the above - mentioned difficult political and economic situation, flourishing drug and trafficking complicated criminogenic situation have a certain influence on further residence of Georgian population in the gorge. Most of the Kists have a negative attitude to those youngsters who threaten them with weapons and rob the Georgian population. Relations through marriage and artificial kindred in the form of blood brotherhood established during the period peaceful of co-residence are losing their former contents. Day-to-day contacts are now limited and reduced to joint participation in wedding ceremonies and funeral rituals are a far cry from the favorable disposition which used to function in the gorge for the centuries. The fact is that along with Ossetians, there are also Georgians among the aggrieved people in the gorge. Under these conditions in the system of population reproduction of the Pankisi gorge, the rate of biological reproduction of Georgians does not meet a growing need of having posterity. The reason is simple: young people leave the gorge, only elderly people remain in the villages who, like Ossetians, do not wish to leave the land of their ancestors. Thus, for the Georgian population, the situation is

just analogous to the Ossetians'; this to a certain degree negatively influences integrity of the country.

Kists form the majority of inhabitants in the Pankisi gorge. Therefore their biological reproduction determines the functioning of mechanisms of the pattern of people's co-existence in the Pankisi gorge. In the reproduction system of the Kist population, kindred is formed by conjugal units and functional destination of the family. Conjugal units are considered from the standpoint of monoethnic and interethnic marriages, where territorial and spatial area and settling of married persons in macro- and micro-environment are of great importance.

Upto now, marriage among Kists has been monoethnic that promotes ethnic-cultural forms, predominance of traditional moral and legal norms and their functioning and, chiefly, preservation of ethnic self-consciousness. Internal marriages among the Pankisi Kists naturally satisfy the need to have descendants and regulate the system of population reproduction. Within the framework of one ethnic and religious community and taking into account moral aspects, biological reproduction assures preservation of cultural traditions, accumulation and functioning of behavioural stereotypes and endogenous institutions.

Within the system of population reproduction, children born in mixed marriage have difficult lot: they either do not participate in the system of population reproduction at all (when they do

not live in the community), or having a split self-consciousness (Georgian-Kist, Ossetian-Kist, Russian-Kist) and not based on traditional culture in full measure, they do not fully accept their cultural values and do not take an active part in governing the Kist community, in the ideological, legal and other processes.

In the social life of the Pankisi Kists, the family is a phenomenon which by means of birth rate and reproduction, level of the need for descendants and its satisfaction assures survival of the community.

If men are in majority in a family, this family is considered to be large. Men regulate relations within the family, kin members with macro- and micro-world, protect their interests and rights. Having many children is connected with polygamy and the desire to have many children, mainly boys, becomes a priority factor and the key component now is continuation of the paternal gene and the idea of a strong kin.

Thus, the ethnic-cultural dominant of a Kist formed in this social environment a Kist who honoured traditional ceremonies of his ancestors was counter balanced by traditional stereotypes of proper behaviour and moral norms. Expressing their protest against customs which are unacceptable to them, Kists opt for continuation of their fathers' traditions and for preservation of their national peculiarity. The physical existence of living Kists was the main condition of the population reproduction system aimed at maintaining the Kist community.

However, the problems of global modernization characteristic of the post-Soviet period have caused psychological distress among the population of the Pankisi gorge which, in its turn produced a negative influence on the Kists' relations with both macro- and micro-world; all this disturbed the balance of cultural-historical contacts and internal integrity. Objective and subjective preconditions have led to changes in the composition of the communities due to mass emigration of Ossetians, partial emigration of Georgians and arrival of Chechen refugees into the gorge. As a result, there is direct evidence of disintegration of the local cultures and changes in the demographic picture of the Pankisi gorge, disarray in the communications network and in the sphere of interethnic relations.

The spread of vahhabism among the Pankisi Kists has changed traditional spiritual and moral norms and stereotypes of behaviour, causing leveling of traditional customs and devaluation of spiritual and moral values and hitherto practiced norms of behavior. These changes result from the criminogenic situation that has broken the erstwhile internal unity and stability of the Pankisi gorge population and directly reflected on the system of population reproduction.

In population reproduction system of the multiethnic community inhabiting the Pankisi gorge, against the background of severe political and economic conditions, as well as religious tension, there are evident signs of depopulation in all its aspects: birth rate and reproduction, moral and ethnic norms, heredity problems. Where the biological reproduction approaches the

minimum, the level of spiritual and moral ideals is also low, passing of traditions from one generation to another is disturbed and in general, the level of community reproduction is characterized by disbalance. This undermines the family and conjugal units and leads to disorder in the functional mechanism of kindred relations. These contradictory factors create a threat that a latent conflict may develop into an open one. Such a situation leads to escalation of confrontation between ethnic groups has a negative influence on the system of population reproduction and national security.

All the above - mentioned processes take place against the background of the most difficult social-economic situation in the gorge that has emerged over the last decade and in the context of a decline of productive forces and economy in the whole country.

One would think that after carrying out important reforms – abolishing state ownership and re-introduction of private property and all other forms of ownership, all the ethnic groups of the Pankisi gorge should become economically closer to one another. However, internal disorder, the Chechen war and consequent tension in the Georgian-Russian relations had an adverse effect on the economic development of the whole gorge and on the public security of the ethnic groups that reside there.

From the standpoint of a general economic integration within Georgia, the Pankisi gorge is a small territorial-production complex with small natural resources and an intergorge potential. Despite this, its multiethnic community makes every

effort to solve problems of economic development by means of just these resources and potential.

In the course of transition to market relations, agricultural lands of different types (vineyards, orchards, arable land) were divided into individual plots and given to the population for private possession.

It was expected that with the re-introduction of private property, rational cultivation of land would start, contributing to a speedy revival of the agricultural sector. But we never lived up to these expectations. It turned out that the most of the former Soviet property passed into the hands of those office-bearers who had illegally possessed accumulated funds. Practically private owners, they moved to the shadow economy. And accordingly, under democracy, only a small part of the population are involved in the economic-commercial and private sector. Nevertheless, privatization has played a great role in the formation of market infrastructure in the region. Despite severe social-political conditions, some people started forming in the form of semi-natural economy. One of the criteria of this business is equal participation of all family members in the creation of household economics, in the division of economic activities. The main branches of such economy traditionally are agriculture and cattle-breeding. Despite lack of practical experience, under the conditions of economic vulnerability, a certain number of families could make first steps in business.

Serious mistakes made during the privatization, lack of guarantees for economic security have caused unemployment, neglect of economic rights and a number of other negative phenomena. Economic migration is one of these phenomena. Capable and Intelligent people from all ethnic groups have left not only the gorge but the country in search of an employment.

Among the negative social phenomena, the worst ones (taking into account their consequences) are robbery, gangsterism, marauding, kidnapping which threaten the social-economic development and the economic security of the gorge. Criminal groups manned by Kists and representatives of other nationalities commit crimes. This situation contributes to further economic decline. Conflict situations arise between ethnoses and social-economic security depends on settlement of these conflicts.

Distrust of power structures grows, since they will not do their duty properly and therefore are unable to provide the necessary conditions for the development of economy' together with apathy and indifference growing among the population create a threat to the development of market economy in the gorge.

Economic security of the Pankisi gorge is part of the system of economic security of Georgia based on the independence of the country. From the viewpoint of national security, economy is the most unprotected field. Assurance of economic security in the region bordering the country that is in the state of war, is one of the most important and at the same time complicated problems to be solved by the state.

It is natural that today under the conditions of difficult internal and external political situation, the elements of capitalist relations are developing poorly. In the opinion of the gorge inhabitants, there are no successful results in this field. However, carrying out reforms, changing the forms of property, elements of market economy can gradually create a basis for the capitalist system.

*
* *

The Russian-Chechen conflict has changed the consciousness of each ethnic group in the region. In this context, peculiarities of the process of the stereotype change process should be determined in the first place. As is known, under difficult conditions, ethnic stereotypes undergo a certain transformation aimed, as a rule, at strengthening the existent images and ideas. In these cases, the so-called extreme stereotype is formed. It is just this extreme stereotype with predominant negative characteristics that is observed in the relationship between Ossetians, Kists and, to a certain degree, Georgians.

Kists in their statements and actions display utmost radicalism towards Ossetians: they believe that in the existing social-political context, i.e. in the presence of the Georgian-Ossetian conflict in the country, Ossetians must leave Georgia and move to their native land. And Ossetians state that Kists have no right to direct them, since they are newcomers themselves; Ossetians recognize this right for Georgians only. But at the same time, they blame Georgians for their inactivity and inertness and

remind them about Chechens' participation in the Abkhazian-Georgian war on the Abkhazian side; they also stress the fact that they are Christians, i.e. coreligionists with Georgians. This fact is particularly emphasized in all Ossetians' statements.

The Georgian-Kist relationship can be described as neutral, although an estrangement is noticeable here too.

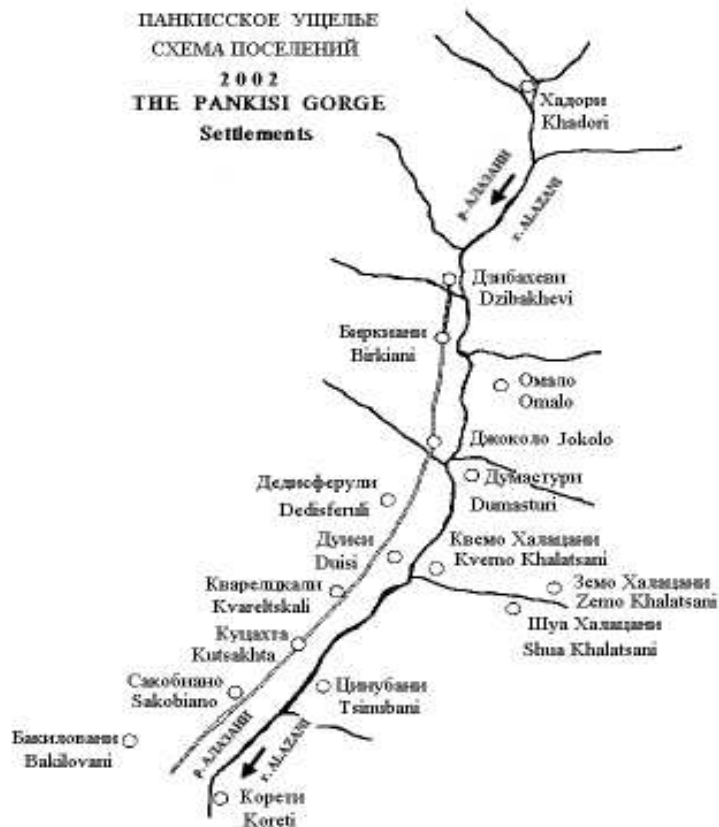
The war problem is a topic of special significance. In this connection, this so-called phenomenological or experienced moments are noteworthy. In this reality, Chechen refugees come to the forefront, since their physical condition and state of mind exert a considerable influence on the population of the region.

A new social subject has arrived in the region and this new social group claims a new style of relationship and revision, of the situation by the receiving side. The Russian-Chechen conflict has caused a change of social phenomena that reflected on interpersonal and intergroup attitudes. In the new context, Kists have revised and formed a new perception of their own ego. Close everyday contacts with Chechen refugees made them look at Russia and Russian-Chechen relations from a new point of view. Kindred ties with Chechens became prevalent in their consciousness, ethnic-national feelings became still keener. Where as earlier they regarded Russia as a guarantor of a normal, secure life, now they see it as the main party guilty of an unjust, aggressive war. Naturally, these changes have caused certain psychological processes. In such an atmosphere, the subject faces a cognitive dissonance between old and new ideas.

The cognitive dissonance is a strained state that manifests itself always if there are two cognitions, two ideas which are incompatible, mutually exclusive. The earlier and positive image of Russia in the mind of the Kists has changed into a negative one. The Ossetian population of the gorge openly expresses its pro-Russian orientation, since it hopes that the victory over the Chechens will curtail the Kists aggression against Ossetians.

The Georgian attitude to Russia and Russians is complicated. The Georgian population of the Pankisi gorge is worried about the current situation, they consider themselves to be unjustifiably involved in this conflict. The war has come to their doorstep and causes them fear and anxiety. The Russian-Chechen conflict has created additional difficulties and problems for the Georgians.

The ethnic-cultural distance between the mentioned ethnic groups, the negative stereotypes, the severe social-economic situation in the region provide no guarantee that one day such a social climate may set in here that the currently latent conflict can develop into an open confrontation. It is not impossible either that this conflict will be of an ethnic nature. All the aforesaid represents a direct threat to the national security of the country.

Map 3 Карта 3
Akhmeta district, The Pankisi gorge, Settlement
Ахметский р-н, Панкисское ущелье, селения

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	3
2. Стратегия безопасности и геополитика	20
3. Массмедиа и Панкиси	41
4. Этничность в развитии общества	59
5. Традиционная стратегия безопасности	65
6. Религия в развитии общества	76
7. Традиционная система правления	88
8. Агрессия в обществе и традиционная социализация детей	95
9. Причины депопуляции общества в постсоветском пространстве	99
10. Экономическое состояние региона	108
11. Психологический мониторинг	118
а) Проблема взаимоотношения между старшим и младшим поколениями	123
б) Группы встреч	125
в) Стереотипы	128
г) Дети	131
12. Кризис культуры - это кризис общества	134
13. Summary	190
14. Карта 1 - Грузия и сопредельные страны	228
15. Карта 2 -Грузия: Ахметский район, Панкисское ущелье	229
16. Карта 3 - Панкисское ущелье - схема поселений	230
17. Содержание	231